

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 3

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОШЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Данилина Н. И.</i>
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Буцева Т. Н., Зеленин А. В.</i>		
Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии	8	
<i>Лелис Е. И.</i>		
Поэтика любви (опыт лингвопоэтического толкования рассказа Дины Рубиной «Область следящего света»)	23	
<i>Губанов С. А.</i>		
Эпитетные слова в текстах Марины Цветаевой: образование и функционирование	29	
<i>Мухина Е. А.</i>		
Концепт <i>враг</i> в духовных стихах	34	
<i>Рожкова А. В.</i>		
Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты	40	
<i>Безукладникова С. С.</i>		
Конспект занятия: жанровые особенности (на материале конспектов занятий Сети «Школа цифровых технологий»)	48	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Капусткина О. Д., Цветков Ю. Л.</i>		
Функции метатекста в хронотопе первой части романа «Оно» Стивена Кинга	58	
VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Т. Г. МАЛЬЧУКОВОЙ «РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР»		
<i>Борисова Т. С.</i>		
Церковнославянский перевод греческой службы Киево-Печерским святым Мелетия Сирига по рукописному источнику XVII века	67	
СОДЕРЖАНИЕ		
<i>Ястребов А. О.</i>		
Детали к биографии Апостола Цигараса	79	
<i>Забудская Я. Л.</i>		
Древнегреческая трагедия и современный литературный процесс	89	
<i>Приходько Е. В.</i>		
Как алфавитный оракул превращал преддверия гробниц в святилища	97	
<i>Мареева Ю. А.</i>		
Наречия как категориальный класс слов в новогреческом языке	104	
Рецензии		
<i>Кунильский А. Е.</i>		
Рец. на кн.: Фетисенко О. Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской	112	
Память		
<i>Лопуха А. О.</i>		
К 75-летию Е. М. Неёлова	115	
Научная информация		
<i>Литинская Е. П.</i>		
VI Международная научная конференция памяти профессора Т. Г. Мальчуковой «Россия и Греция: диалоги культур»	117	
<i>Contents</i>		118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.03.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 33

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор ПетрГУ
N. V. Patroeva

Natalia V. Patroeva
Editorial Council Member
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В первом весеннем номере представлены материалы статей, посвященных актуальным проблемам лексикографии, лингвистической поэтики, функциональной и исторической стилистики, поэтического синтаксиса. Внимание исследователей художественного текста к его семантике и структуре представляется тем более важным, что 2022 год объявлен в календаре юбилейных и памятных дат ЮНЕСКО и годом Ю. М. Лотмана (1922–1993), главы Тартуской семиотической школы, всемирно известного филолога, специалиста по русской литературе XIX века, истории языка и культуры, стиховеда. Вoshедшие в предлагаемый вашему вниманию выпуск статьи Е. И. Лелис, С. А. Губанова и А. В. Рожковой демонстрируют участие единиц лексического и грамматического уровней художественного целого в формировании образного единства и воплощении авторского замысла прозаического и стихотворного текста. Иные работы, представленные в разделах «Языкоzнание» и «Литературоведение», описывают хронотопические, концептуальные, жанровые особенности текстов разных жанров (первичных – фольклорных, литературных – и вторичных, к которым, например, относится конспект занятия), а также принципы толкования сложных слов, включенных в вокабулы.

Специальную рубрику номера составляют материалы VI Международной научной конференции «Россия и Греция: диалоги культур». Профессор Т. Г. Мальчукова, памяти которой посвящена конференция, является создателем классического отделения филологического факультета ПетрГУ. Она воспитала целую плеяду учеников – исследователей древне- и новогреческого языка, латыни, словесности и культуры Древней Греции и Рима, их рецепции в русской и западноевропейской литературе последующего периода. В номер вошли избранные доклады российских и зарубежных коллег.

Рубрика «Память» посвящена 75-летию доктора филологических наук, профессора Е. М. Неёлова, чьи работы по русскому фольклору и фантастике известны во всем мире. Евгений Михайлович долгое время возглавлял научную школу ПетрГУ, активно занимавшуюся проблемами изучения устного народного творчества и детской литературы.

Выражаем надежду, что новый номер не оставит равнодушными всех, кто занимается вопросами изучения русской и иноязычной словесности, культуры, языка.

ТАИСИЯ НИКОЛАЕВНА БУЦЕВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
НИИ прикладной русистики Лаборатории компьютерной
лексикографии
Российский государственный университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7442-9868; taisbut@gmail.com

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЗЕЛЕНИН

доктор филологических наук, лектор
Университет Тампere (Тампere, Финляндия)
ORCID 0000-0003-2656-8457; aleksandr.zelenin@tuni.fi

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ КОМПОЗИТОВ И ИХ НАЧАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам лексикографирования начальных компонентов сложных слов в определительной функции и слов, включающих их в свою структуру, в современных толковых словарях. Актуальность данной темы обусловлена высокой долей в русском языке новейшего времени новых слов такого типа, отсутствием унифицированного подхода к ним в теории словообразования и лексикографии и попыткой выработки критериев их лексикографирования. Материалом рассмотрения служат лексемы данного типа, собранные авторами как в базе данных Интегрум, так и извлеченные из толковых словарей, издаваемых в настоящее время. Цель статьи – выявить проблемные вопросы представления этой лексики в толковых словарях в рамках проекта «Словарь русского языка XXI века». В задачи статьи входит обсуждение следующих аспектов: отбор лексики данной структуры в толковый словарь; трактовка категории сложных и сложносоставных слов в современной лексикографии и грамматике; этимологизирование производных (заимствованных) сложных слов; лексикографирование сложных слов с оформлением в двух графиках (латинице и кириллице); орфографическое оформление сложных слов (слитное, раздельное, дефисное). Методами исследования являются обзорно-аналитический, метод лексикографического дефинирования, классификационный.

Ключевые слова: композиты, сложные слова, сложносоставные слова, начальные компоненты, аналитические прилагательные, аффиксоиды, транслитерация, креолизованные композиты, морфемизация аббревиатур, толковый словарь

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-012-00122 (тема проекта: «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Скляревской)»).

Для цитирования: Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Проблемы описания композитов и их начальных компонентов в толковой лексикографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.746

ВВЕДЕНИЕ

Сложные слова, образованные с помощью старых и новых продуктивных начальных компонентов в определительной функции (далее НК), составляют значительную часть неологического потока. Активизация этого процесса наметилась в конце XX века.

В качестве НК, выступающих в определительной функции, используются: 1) усечения (в русском языке или в языке-доноре) основ прилагательных (часто относимые к морфемам особого типа – префиксоидам) (*авиатакси, еврор*

правительство, киберпреступность, экотуризм); 2) буквенные аббревиатуры (нередко заимствованные из английского языка) (*ИТ-персонал, ЛГБТ-сообщество, СМС-рассылка*); 3) самостоятельные слова, как правило, ассоциируемые в русском языке с существительными, которые часто являются англозаимствованиями, используемыми в языке-доноре не только как существительные, но и как относительные прилагательные (*бизнес-сообщество, интернет-дневник, смузик-бар*); 4) имена собственные (*Горбачёв-фонд, Ельцин-центр*).

Композиты в последние два десятилетия стали актуальной темой исследований дериватологов, лексикологов, грамматистов. Поскольку тема статьи лежит в сфере русской лексикографии, то мы представим краткий обзор работ и затрагиваемых в них вопросов в первую очередь в российской лингвистике именно с опорой и упором на лексикографический аспект.

Систематизирующим теоретическим очерком, предлагающим историко-диахронический взгляд на природу сложных слов, неоднозначность их трактовки в истории лингвистической мысли (от древнеиндийских грамматических трактатов до современных исследований), анализ терминологического аппарата, попытку типологизации композитов, является работа Н. Д. Арутюновой [2: 124–139]. В наши дни интернационализация лексики в общественно значимых сферах, актуальных «для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий» [1: 72], очевидна и является следствием, с одной стороны, интенсификации международной коммуникации, с другой – высокой степени адаптивности языков-реципиентов к понятийно-вербальной сети языков-доноров (в первую очередь английского в его американском варианте). Слова-композиты, функционирующие в профессиональных терминологических лексиконах и социолектных группах, – один из частных, но весьма выразительных случаев такого рода [8].

В деривационном отношении композиты неоднородны. Они могут быть чистыми заимствованиями (*аквапарк*), гибридными композитами, или квазикомпозитами (сочетание иноязычного форманта с русскими корнями, например: *мини-юбка*, *макромир*, *гала-представление*, *интим-услуги*, *флеш-память*, *VIP-пропуск*) [8], [15], [21]. Все это – свидетельство унификации лексики во многих языках в области «политики и дипломатии, экономики и финансов, международного права, кинематографа, телевидения, искусства, спорта, информатики и вычислительной техники» [8: 293].

Многократное увеличение таких лексем в русском языке обусловлено двунаправленным словообразовательным процессом: как активизацией сложения и сращения (тенденция к синтетизму), так и «давлением на русский язык аналитических структур» [21: 432] (см. также: [7: 32]; [8: 64], [22]).

Семантико-грамматическим значением композитов является выражение «неконкретизированных атрибутивно-объективных отношений в рамках сложного понятия об объекте или ситуации» [16: 24]; некоторые говорят о «лексиче-

ской конденсации» в таких новообразованиях, где «первый компонент носит уточнительный, конкретизирующий характер» [23: 189].

Обильное проникновение заимствований-композитов меняет прежние орфоэпические и акцентологические правила произношения в сложных словах. Орфоэпические новации: на границе основ с исходом на этимологически звонкий согласный перед следующими сонантами и гласными стало возможно варьирование согласных по глухости-звонкости: *блю[з]мён* и *блю[с]мён*, *джа[з]мён* и *джа[с]мён*, *де[д]лайн* и *де[т]лайн*, *вин[д]róуэр* и *вин[т]róуэр*, *лен[д]róуэр* и *лен[т]róуэр* [13: 266]. Акцентологические новации: если раньше при входе в просодическую систему такие лексемы характеризовались «непременным двойным акцентированием, главным и побочным ударением» [14: 386], то,

«будучи освоенными языком, композиты начинают произноситься с одним ударением, за исключением, по-видимому, тех случаев, когда в многосложных словах побочное и основное ударение значительно удалены друг от друга более чем на два слога (например, *автомагистраль*, *авиаконструктор*, *автоколебание* <...>» [14: 389]. «Ясно одно, что сейчас, в начале нового века, побочное ударение в большинстве композитов перестало быть просодической характеристикой сложных слов, оно перешло на другой уровень – уровень просодии фразы» [14: 390].

Именно «диктат интонации» в контуре фразы акцентологически интегрирует, вписывает композитные инновации в речевой поток [14: 391].

Массовое проникновение композитов в разные сферы функционирования русского языка характеризуется чрезвычайной пестротой написания. Достаточно унифицированные правила в русской орфографии пока еще не удалось создать: «...правила неполны, орфографические аналогии противоречивы, тенденции спорны, узус вариативен» [19: 131]. Можно лишь обозначить общие тенденции в их орфографическом оформлении: преобладающее написание – дефисное (по отношению к слитному), основанное прежде всего на этимологии слова и путях вхождения в русский; нестабильны в написании все словообразовательные типы заимствованных сложных слов; дефисное или раздельное написание определяется целым рядом этимологических, грамматических факторов, длиной слова, освоенностью в русском языке той или иной части лексемы [19: 128–130].

Таким образом, представленный краткий обзор разноспектрного рассмотрения композитов в русской лингвистической литературе является необходимым теоретическим фоном для углубленного обсуждения этой категории лексики

в проектируемом толковом словаре тезаурусного типа. Цель статьи заключается в анализе новейших изысканий в данной сфере лексики, выполненных в разных разделах языкоznания, в применении к лексикографии, обладающей собственным понятийно-интерпретационным аппаратом. Авторы статьи ставят перед собой следующие научно-практические задачи: прокомментировать принципы отбора такой лексики в толковый словарь; обосновать лексикографический подход к категории сложных и сложносоставных слов; показать проблемные аспекты этимологирования производных (заимствованных) сложных слов; сосредоточиться на обсуждении подачи в словаре сложных слов с оформлением в двух графиках (латинице и кириллице); показать сложность отражения орфографической вариативности в словаре нормативного типа (слинное, раздельное, дефиксное написание).

Материал рассмотрения – сложносоставные слова, собранные авторами в базе данных Интегрум и извлеченные из толковых словарей, издаваемых в настоящее время.

ПРОДУКТИВНОСТЬ КОМПОНЕНТОВ КОМПОЗИТОВ

В неологическом словаре, описывающем лексические инновации 1990-х годов, «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (НСЗ-90)¹ содержится около 2 тыс. (18 % словарника) производных и заимствованных сложных слов подобной структуры. По данным НСЗ-90, наиболее продуктивными в это десятилетие были следующие компоненты (более 180) (далее они расположены по мере убывания численности их рядов в количественном диапазоне от 125 до 8):

бизнес-, нарко..., видео..., интернет-, кино..., панк-, порно..., супер..., мини-, теле..., веб-, евро*... (‘относящийся к Евросоюзу’), **спец..., лже..., секс-, медиа..., нано..., арт-** (‘художественный, относящийся к искусству’), **киновидео..., мультимедиа..., промоушн-, нефте..., аудио..., био..., авто..., промо..., поп-** (‘относящийся к поп-музыке’), **национал-, данс-, онлайн-(он-лайн-), нео..., микро..., дем..., коммуно..., пейджинг-, квази..., само..., кибер..., хип-хоп-, пиар- (ПР-), полу..., кантри-, гомо...** (‘относящийся к гомосексуалистам’), **ВИП-, ВИЧ-, гей-** (‘относящийся к геям, гомосексуалистам’), **ГМ-** (‘генетически модифицированный’), **ИТ-** (‘относящийся к информационным технологиям’), **кинотеле..., ново..., пресс-, радио..., интим*-** (‘относящийся к удовлетворению интимных потребностей, интимным услугам’), **астро*...** (‘относящийся к астрологии’) и т. д.

(полужирным выделены новые для 1990-х годов компоненты, знаком звезды (*) помечены компоненты, у которых это новое значение или это новый омоним). С конца прошлого века число таких

НК, их продуктивность растет в геометрической прогрессии, в связи с чем как никогда остро встает вопрос о четком формулировании принципов отбора этой лексики в толковый словарь общего типа, неологические и другие лексикографические издания.

Примеры НК, появившихся уже в XXI веке:

аккаунт- (аккаунт-двойник, аккаунт-директор, аккаунт-менеджмент, аккаунт-пароль), **аниме-** (аниме-культура, аниме-лента, аниме-мультик), **бургер-** (бургер-бар, бургер-кафе, бургер-меню), **варез-** (относящийся к ворованному (нелицензионному) программному обеспечению) (варез-бизнес, варез-продукт, варез-сайт), **веган-** (веган-активист, веган-бар, веган-движение), **веджи-** (веджи-кафе, веджи-мороженое, веджи-роллы), **гаджет-** (гаджет-аддикт, гаджет-культура, гаджет-поколение), **ГЛОНАСС-** (ГЛОНАСС-мониторинг, ГЛОНАСС-оборудование, ГЛОНАСС-технология), **дайв-** (дайв-инструктор, дайв-тур, дайв-туризм), **имайл-** (имайл-безопасность, имайл-коммуникации, имайл-корреспонденция), **инфо...** (инфолента, инфоповод, инфопространство), **квир-** (‘относящийся к сексуальным и гендерным меньшинствам’) (квир-культура, квир-журнал, квир-психолог), **кейс-** (‘связанный с описанием конкретной ситуации в какой-л. сфере’) (кейс-менеджмент, кейс-метод, кейс-технологии), **ковид-** (ковид-больница, ковид-больной, ковид-пандемия), **контент-** (контент-анализ, контент-менеджер, контент-партнёр), **корона-** (корона-выплаты, корона-дети, корона-истерия), **коронавирус-** (коронавирус-диссиденты, коронавирус-карантин, коронавирус-тестирование), **лайв-** (‘передающийся непосредственно с места, в эфир’) (лайв-журнал, лайв-альбом, лайв-выступление), **лайт-** (‘облегченный’) (лайт-вакцина, лайт-версия, лайт-напитки), **лайф-** (‘относящийся к жизни’) (лайф-коуч, лайф-менеджер, лайф-сайт), **лаунж-** (‘предназначенный для отдыха, расслабления; относящийся к исполнению лаунж-музыки’) (лаунж-бар, лаунж-дуэт, лаунж-музыка), **ЛГБТ-** (ЛГБТ-активист, ЛГБТ-акция, ЛГБТ-движение), **лесби-** (лесби-вечеринка, лесби-сцены, лесби-фильм), **лифтинг-** (лифтинг-комплекс, лифтинг-маска, лифтинг-процедура), **лого¹-** (‘логопедический’) (лого-пункт, лого-ритмика, лого-терапия), **лого²-** (‘связанный с логистикой’) (лого-комплекс, лого-парк, лого-центр), **лофт-** (лофт-жильё, лофт-интерьер, лофт-проект), **майл-** (майл-адрес, майл-рассылка), **СМС-** (СМС-голосование, СМС-переписка, СМС-сообщение) и многие другие.

Препозитивный компонент в приведенных лексемах часто характеризуется как несклоняемое прилагательное (неизменяемый адъектив), причем во многих случаях он имеет субстантивный характер: **VIP-трибуна**, первый элемент выполняет по отношению к детерминируемому существительному функцию определения. В препозиции может находиться сокращенное прилагательное, его полный вариант закономерно склоняется, однако сокращенный является несклоняемым компонентом: **вело...** (< велосипедный). В последние десятилетия неологизмы, со-

держащие неизменяемые определения, стоящие в препозиции и постпозиции, сокращенные слова в роли префиксOIDов, сложные слова (композиты²), в которых первый элемент (субстантив) выполняет функцию определения (*бизнес-класс*), чрезвычайно активно пополняют лексику в разных сферах языка, что во многом обуславливается лексико-семантическими лакунами и необходимостью их заполнения.

ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ПЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Каждый новый толковый словарь общего типа стремится отразить состояние языка к моменту выхода его из печати, фиксируемые новой лексикой изменения, происходящие в современной действительности. Сложные слова с повторяющимися НК составляют достаточно обширный и динамически развивающийся лексический пласт, поэтому важно проанализировать проблемные аспекты его лексикографического представления.

«Словарь русского языка XXI века» (СРЯ-XXI)³

«описывает современный русский язык во всем его многообразии и с максимальной полнотой, отражает новую эпоху в истории русского языка, новый этап его эволюции и новый уровень научных знаний о слове, а также новые методы лексикографической работы (здесь и далее выделения наши. – Т. Б., А. З.)» [25: 139].

Общая направленность, отношение к неологизмам и сложным словам как количественно представительном фрагменте современного лексикона в СРЯ-XXI таковы:

«Более широко, чем это было принято прежде, в состав словарика входят составные и сложносоставные слова» [25: 142]; «Наиболее активные (частотные) форманты <...> в том числе и новые, отражающие самые актуальные понятия современности (*видео, нарко, онко, фито, медиа*), разработаны в словаре как отдельные вокабулы и представлены в словарике обширными рядами соответствующих производных при условии их активного употребления, подтвержденного материалами» [25: 142].

СРЯ-XXI ориентирован на отслеживание развития лексики в наиболее активно пополняемых тематических группах. Таковыми в настоящее время являются следующие: спорт; мода, одежда, обувь, аксессуары; косметология; политика, международные отношения; интернет, компьютерные технологии; медицина, здоровье, гигиена; досуг, отдых, путешествия; еда, напитки, общественное питание; бизнес, финансы, экономика; искусство, культура, субкультура; техника; транспорт; природа, экология и т. д. [6: 26–27].

К сожалению, такие форматные толковые словари, как БАС-3⁴ и АТоС⁵, публикуемые в настоящее время, не всегда отражают новую лексику с НК в достаточной мере и с необходимой для современного читателя полнотой и степенью разработки. В качестве примера обратимся к описанию в этих словарях сложных слов с НК *бизнес-* и *VELO...*

Образование слов с НК *бизнес-* – характерная примета языковой и внеязыковой российской действительности начиная с 1990-х годов (в НСЗ-80⁶ зафиксировано только два слова: *бизнес-клуб* и *бизнес-центр*, ни одного слова с этим компонентом не представлено в «Словаре новых слов русского языка (сер. 50 – сер. 80-х годов)»⁷, в НСЗ-90 включено 127 слов). В БАС-3 имеется статья на *бизнес-* (‘вносящий значение бизнес’), в которой в качестве примеров приводятся 5 слов: *бизнес-класс*, *бизнес-круиз*, *бизнес-клуб*, *бизнес-план*, *бизнес-центр*, ни одно слово с данным компонентом в отдельной словарной статье не разработано; в АТоС *бизнес-* толкуется как ‘относящийся к бизнесу’ и иллюстрируется словами *бизнес-консалтинг*, *бизнес-круиз*, *бизнес-проект*, *бизнес-центр*, в отдельной статье разработано только слово *бизнес-класс*.

В СРЯ-XXI описано около 100 слов с начальным компонентом *бизнес-*, у которого выделено два значения (1. Связанный с бизнесом, предпринимательской деятельностью; 2. Относящийся к бизнесменам, предпринимателям, связанным с ними).

НК *VELO...* в первые два десятилетия XXI века словообразовательно активизировался в связи с ростом популярности в нашей стране езды на велосипеде и развитием индустрии, обслуживающей эту сферу (изготовление аксессуаров, одежды и обуви из современных материалов, с нужными для езды на велосипеде свойствами и т. д.), с созданием инфраструктуры для городских велолюбителей, проведением различных мероприятий, связанных с популяризацией велоспорта, активного образа жизни с использованием велосипеда. Все это отразилось в новой лексике с начальным *VELO...*, что не зафиксировано в публикуемых в настоящее время толковых словарях. Например, в БАС-3 (т. 2, 2005) описано только 8 слов: *велобол*, *велогонка*, *велодром*, *велолюбитель*, *веломагистраль*, *веломобиль*, *велоралли*, *велорикша*, в нем не отражено развитие семантики этого НК и семантики прилагательного *велосипедный*, через которое толкуется *VELO...* Такое описание *VELO...* и производных с ним в БАС-3 в известной степени понятно, так как второй том вышел в 2005 году, а работа

над ним велась еще раньше, когда тенденция развития этой группы лексики еще не проявилась и когда текстовые базы данных, позволяющие наиболее полно выявить слова с тем или иным компонентом и достаточно исчерпывающе описать его значения, еще не стали обычным инструментом лексикографов. В АТоС (т. 1, 2016) описано только 5 слов с *вело...*: *велобол*, *велогонка*, *велодром*, *веломобиль*, *велотренажёр*.

В связи с установкой СРЯ-XXI «отразить новую эпоху в истории русского языка» в нем детально разработана велолексика (описано более 80 сложных слов с компонентом *вело...*):

VELOаксессуар, *VELOаэробика*, *VELOбагажник*, *VELOбалансир*, *VELOбаул*, *VELOбахилы*, *VELOбельё*, *VELOбол*, *VELOботинки*, *VELOбутылка*, *VELOгибрид*, *VELOдвижение*¹ (‘передвижение на велосипедах в системе городского транспорта’), *VELOдвижение*² (‘общественное движение, направленное на популяризацию велосипеда как транспортного средства, велоспорта’), *VELOдержатель*, *VELOджерси*, *VELOезда*, *VELOзаезд*, *VELOзамок*, *VELOзапчасти*, *VELOзона*, *VELOиндустрия*, *VELOинфраструктура*, *VELOкамера*, *VELOкепка*, *VELOключ*, *VELOколяска*, *VELOкомбинезон*, *VELOкомпьютер*, *VELOкрепление*, *VELOкрасло*, *VELOкросс*, *VELOкроссовки*, *VELOкультура*, *VELOкуртка*, *VELOмайка*, *VELOмарафон*, *VELOмногодневка*, *VELOмопед*, *VELOобувь*, *VELOодежда*, *VELOориентирование* и т. д.

Привлеченный обширный лексический материал позволил в данном словаре выявить многозначность этого деривационного компонента и прилагательного *VELOсипедный*.

При лексикографировании сложных слов с повторяющимися НК встает вопрос, с одной стороны, достаточно полного описания словообразовательных рядов и, с другой стороны, их ограничения, поскольку эти ряды иногда исчисляются даже не десятками, а сотнями лексем, что нереально обработать и включить даже в словарь большого объема.

При отборе НК в СРЯ-XXI главными критериями являются: высокая степень использования (определяется преимущественно по интернет-ресурсам) и связанная с этим актуальность обозначаемого понятия в настоящее время:

«Наиболее активные (частотные) форманты *<...>* отражающие самые актуальные понятия современности *<...>* разработаны в Словаре как отдельные вocabулы и представлены в словнике обширными рядами соответствующих производных при условии их активного употребления, подтвержденного материалами *<...>*», «каждый член словообразовательного гнезда (при том, что стремительный характер современного словообразования порождает обширные словообразовательные гнезда, формирующиеся при словах, отражающих особо актуальные понятия нашего времени, таких как бизнес, видео, демократия, наркотик, реклама, рынок, эколо-

гия и т. п.) разрабатывается как индивидуальное слово на своем алфавитном месте» [25: 142].

Также представляется важным включение в словарь лексики, помогающей раскрытию семантики НК, формирующихся лексико-семантических групп внутри словообразовательного ряда и актуальных терминов.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ

СРЯ-XXI при толковании НК используются термины «сложные и сложносоставные слова» [25: 161–162]. Формулировка «первая часть **сложных слов**, вносящая значение *<...>*» дается при компонентах

авиа..., *авто...*, *агит...*, *агро...*, *аква...*, *алло...*, *алюмо...*, *амби...*, *амфи...*, *антропо...*, *арахно...*, *арт...* (1. Производимый артиллерией; 2. Относящийся к артиллерию (2 зн.), связанный с ней), *артро...*, *астро...*, *аудио...*, *ауто...*, *аэро...*, *бальнео...*, *бензо¹...* (вносящий значение ‘бензин, бензиновый’), *бензо²* (вносящий значение ‘бензол, бензольный’), *билио...*, *благо...*, *блефаро...*, *блиц...*, *бое...*, *борт...*, *бради...*, *броне...*, *бронхо...*, *вазо...*, *вело...*, *взаимо...*, *вибро...*, *видео...*, *вне...*, *внутри...*, *водно...*, *водо...* и т. д.

Как «первая часть **сложносоставных слов**, имеющая значение *<...>*», толкуются следующие компоненты:

агитационно-, *административно-*, *альфа-*, *арт-* (относящийся к искусству, связанный с искусством), *байк-*, *бизнес-*, *бит-*, *блок-*, *быти-*, *бэби-* (бэби-), *вакуум-*, *вай-*, *веб-*, *веган-*, *велнес-*, *вики-*, *ВИП-*, *вице-*, *военно-* и т. д.

То есть деление на сложные и сложносоставные слова в СРЯ-XXI происходит по принципу дефисного или слитного написания. Хотя в Проекте не упомянуты теоретические источники трактовки указанных терминов, однако, скорее всего, составители ориентировались на справочник⁸, где проведено такое же разделение этих групп лексики: сложносоставные слова – сложные слова, пишущиеся через дефис, (существенно) сложные слова – слова, пишущиеся слитно. Это формально-орфографический, бинарно сформулированный способ дифференциации таких слов на основе написания, но без учета других квалификаций слова (например, заимствования из языка-донора), семантического критерия, большой степени вариативности слова в реальном письменном воплощении (на бумаге, в интернет-коммуникации), за которой не успевают рекомендации Орфографической комиссии и орфографические словари, кодифицирующие то или иное написание. Критерий написания в качестве одного из опорных в грамматической квалификации лексемы едва

ли можно признать определяющим, на это указывают и британские исследователи: следует быть осторожным в использовании орфографических условностей как признака глубокой грамматической структуры [34: 94].

В БАС-3 и АТоС используется только одна формулировка «первая составная часть сложных слов...» применительно к НК разного типа. Напомним, что «термином “сложное слово” обычно обозначаются все типы сложных слов»⁹:

«Сложносоставные слова – сложные слова, образуемые соединением двух или более простых слов, принадлежащих, как правило, к одной части речи; последний компонент их равен самостоятельному слову»¹⁰.

Сложное слово – понятие более широкое, включающее сложносоставные, сложносокращенные слова и сращения.

Бурное развитие теории деривации в советской / российской лингвистике во второй половине XX века способствовало уточнению понятий и терминов «сложное слово», «сложносокращенное слово», «сложносочиненное слово», «сложносоставное слово», что хорошо видно, например, на интерпретации этих понятий, в частности в Грамматике-70¹¹, Грамматике-80¹², ЛЭС 1991¹³, где представлен разный объем дифференциальных и интегративных признаков. Вследствие этого данные понятия и термины уже длительное время служат предметом научных дискуссий (обсуждение этого вопроса: [26], [27], [36] и др.).

Сложносоставные слова («определяемое + определяющее») образованы морфолого-синтаксическим способом словообразования и в сфере имен существительных и прилагательных «относятся к наиболее “открытым” для новых единиц», причем «в настоящее время это, пожалуй, самый активный способ образования сложных существительных вообще» [28: 160]. Сложносоставные слова, по мнению Н. М. Шанского, имеют переходный характер между словом и словосочетанием:

«Сложносоставные слова очень похожи на сочетания определяемого слова с приложением, однако их четко и определенно отличает наличие одного, а не двух основных ударений, отсутствие синтаксических отношений между составляющими их частями и свойственная им смысловая цельность» [28: 160].

На интерпретации переходного характера сложносоставных слов настаивают многие лингвисты; например, в терминологии Н. Д. Арутюновой они называются «атрибутивные сложные существительные» [2], при их рассмотрении учитывается как морфолого-синтаксический, так и семантический критерий. Интересный подход к таким словам высказывает С. Грайс, так-

же рассматривающий композиты как комбинированный способ деривации между лексическим и синтаксическим ярусами языка (co-occurrence phenomena at the syntax-lexis interface). Такие лексемы он определяет как шаблоны, состоящие по крайней мере из двух слов, комбинация которых может быть более или менее фиксированной, более или менее идиоматичной и более или менее продуктивной [33: 8].

Таким образом, вопросы квалификации («однородной тождественности») таких языковых феноменов, их словарного представления – острая и актуальная задача толковой лексикографии. Спецификой деривационных элементов сложносоставных слов является то, что неологизмы с их участием в когнитивно-ментальном пространстве и речепроизводстве говорящих зачастую уже минуют стадию аппозитивного прилагательного, сразу присоединяясь к имени прилагательному, существительному. Например, такая семантико-деривационная трансформация словосочетаний с прилагательным *европейский* в сложносоставные слова с первым компонентом *евро...* отмечена исследователями [11: 230–231].

ЭТИМОЛОГИЗИРОВАНИЕ

Достаточно часто НК являются англоязычными заимствованиями, что порождает вопросы о происхождении самих композитов: в каком случае мы имеем дело с заимствованием целого слова, а когда оно образовано на русской языковой почве? Применительно к новой лексике решить этот вопрос однозначно порой сложно или даже невозможно, поскольку в такой лексике переплетены историческая и синхронная этимология, трудность разграничения калек и полукалок. Покажем это на нескольких примерах, включающих компоненты разного генезиса.

Лексические инновации *бизнес-встреча*, *бизнес-партнёр*, *бизнес-ланч* состоят из заимствованных элементов, функционирующих в русском языке самостоятельно, вместе с тем они имеют соответствия в английском языке, что позволяет говорить об их английских прототипах: *business meeting*, *business partner*, *business lunch*. В НСЗ-90 к этим трем словам даются следующие этимологико-словообразовательные справки: первое слово толкуется как словообразовательный неологизм, образованный на русской почве (очевидно, в данном случае не был замечен английский эквивалент); *бизнес-ланч* интерпретируется как заимствование, к *бизнес-партнёр* дана двойная справка, то есть признается возможность заимствования этого слова из английского языка и образование его на русской почве.

Проиллюстрируем сложность этимологизации сложных слов на примере префиксоида *евро...*, давшего в европейских языках сотни лексем. Следует ли давать этимологический источник лексем (скорее всего, это возможные кальки из английского, например: *еврорынок* < англ. *euromarket*)? Надо ли указывать в этимологической справке, что начальный компонент *евро...* – это заимствованный в русский язык псевдоанглицизм с неоклассическим формантом *euro-* [29], [38: 255]? Компонент *евро...* пришел в русский язык преимущественно в составе иностранных слов. Разные словари по-разному дают его этимологическую трактовку. В «Словаре новых слов русского языка (сер. 1950-х – сер. 1980-х годов)» (СНС)¹⁴ этот формант описывается как неологизм данного временного периода со значением ‘относящийся к государствам Западной Европы’ и без этимологического словаобразовательной справки. В НСЗ-90 дается новое значение элемента *евро...*: ‘относящийся к Европейскому союзу’ (*еврорынок*, *евростроители*, *евростроительство*) и возводится к английскому прототипу *euro...* в этом же значении. Аспектный словарь «Аффиксоиды русского языка»¹⁵ считает его усечением прилагательного *европейский*. Возникает вопрос: что представляет собой «английский этимон»?

Английские словари расходятся в интерпретации этого нового форманта в английском языке, ставшего интернационализмом:

1. Это усечение *euro-* от *European* используется с 1950-х годов¹⁶. 2. Это комбинированная форма, состоящая из компонента *eur-* и «нового» форманта *-o*, формирующим *euro-* как неоклассический словообразовательный формант¹⁷.

Аналогично образование, например, префиксайдов с финальным *-o*; приведем пример с компонентом *кардио-* (*cardio-*): в OED префиксайд *cardio-* этимологически представлен как неоклассический формант: «< ancient Greek καρδία heart + -o suffix¹⁸ (< от древнегреческого καρδία ‘сердце’ + суффикс *-o*; перевод наш. – Т. Б., А. З.)». К неоклассическим формантам (формативам) (ср. англ. *neoclassical stem, formatives, elements*), участвующим в образовании композитов, относят и следующие: *bio...*, *vice...*, *geo...*, *hydro...*, *hyper...*, *cardio...*, *macro...*, *meta...*, *micro...*, *neo...*, *poly...*, *psycho...*, *multi...*, *ex-*, *extra...* и др. Композиты с этими элементами быстро стали интернационализмами и проникли во многие языки. В синхронической лингвистике во многих языках проблематика таких композитов обсуждается очень широко как в области дериватологии, так и лексикографии [30], [32] и др.

Компоненты с финалью *-o* (*агро-, алло-, алюмо-, антропо-* и т. д.), указанные в Проекте СРЯ-XXI, представляют термины и попали в русский язык в подавляющем большинстве случаев из английского. Таким образом, встает вопрос: давать ли в этимологической справке заимствованных компонентов сложносоставных слов с финалью *-o* греческий этимон, послуживший источником для образования композитов в английском, но не в русском языке, или же все-таки давать отсылку сначала к английским неоклассическим прототипам и затем – к греческим этимонам, если учитывать, что целью СРЯ-XXI является лексикографирование современного состояния русского языка, то есть отражение его в синхронии, фиксируя «новый уровень научных знаний о слове» [25: 139].

В Проекте СРЯ-XXI говорится о том, как решается в этом словаре вопрос об этимологии:

«...этимологическая справка носит обобщенный характер, отражает лишь те этапы истории слова, которые в наибольшей степени повлияли на значение и форму заимствования», «происхождение слов, этимология которых совершенно неясна или остается предметом активных споров, в словаре не комментируется» [25: 189].

И далее:

«Перед Словарем не ставится задача приблизиться к этимологическому словарю русского языка – в этимологических справках сообщаются лишь наиболее надежные сведения, которые не подвергаются сомнению в новейших исторических, этимологических и толковых словарях; происхождение слов, этимология которых совершенно неясна или остается предметом активных споров, в словаре не комментируется (например, *авран, акиба, байбак, байдара, барibal* и др.)» [25: 189], см. также [24].

Однако (в случае с НК) если не давать английский промежуточный источник, а только греческий этимон, то у читателя¹⁹ может возникнуть неверное представление, что, например, финальное *-o* (в интернациональных элементах) является, очевидно, русским интерфиксом, а не возникшим в английском языке во второй половине XX века в связи с массированным созданием научной терминологии в разных областях знаний и последовавшей за этим быстрой интернационализацией «неоклассических» компонентов композитов.

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ С ИНОГРАФИЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

С конца 1990-х годов в русскоязычных масс-мейдийных текстах все чаще стали появляться сложносоставные слова с начальными (чаще) и опорными компонентами в латинской графике. Многие из них имеют кириллические дублеты:

adult- / адульт-; anti-age- / антиэйдж-; art- / арт-; beauty- / бьюти-; Bluetooth- / блютуз-; business- / бизнес-; casual- / кэжуал-; dance- / данс-; e-mail / имейл, hand-made- / хэндмейд-; internet- / интернет-; live- / лайв-; lounge- / лаунж-; PR- / прар-; spa- / спа-; travel- / трапел-; TV- / ТВ-; twitter- / твиттер-; USB-... / юэсби; vip-... / вип-...; web-... / веб-...; wi-fi-... / вай-фай и мн. др.

Их число измеряется сотнями²⁰.

В российской лингвистике используется целый ряд терминологических (графические гибриды, графодериваты, графиксаты, полиграфиксаты) и полуторминологических или оценочно-метафорических обозначений (слова-кентавры, графические кентавры, монстры) для такого рода языковых феноменов [5], [12], [18] и др.

В СРЯ-XXI даются варианты слов с инографичными компонентами. Они выведены не в заголовок (как, например, в НС3-90), а в зону толкования (в качестве синонима или семантического дублета) и в специальный раздел словаря (как заголовочное слово, единица словарного описания). Так выглядит заголовок в НС3-90: **ВЕБ-С'ЕРВЕР, ВЭБ-С'ЕРВЕР, WEB-С'ЕРВЕР** и **WWW-С'ЕРВЕР**, а, м.; **ВЕБ-СЁРФЕР** и **WEB-СЁРФЕР**, а, м. В этом словаре в иллюстративных цитатах даются примеры употребления на все варианты, отраженные в заголовке статьи.

Примеры подачи такого рода вариантов в СРЯ-XXI:

1) в основном корпусе словаря:

веб'-адрес, <вэ> и <вэ>, а, мн. веб-адрес'а, 'ов, м.

Информ. Адрес сайта, веб-страницы во Всемирной паутине; **web-адрес**; **www-адрес**.

2) в специальном разделе этого словаря:

web'-адрес <веб> и <вэб>, а, мн. **web-адрес'а**, 'ов, м.
Информ. = Веб-адрес.

www'-адрес [W, W и W прописные или строчные] <вэвэв'э>, а, мн. **www-адрес'а**, 'ов, м.
Информ. = Веб-адрес.

Необходимость фиксации этой лексики очевидна. Об этом, например, писал Л. П. Крысин. Признавая такого рода образования словами-чужаками русского языка, он считает необходимым их лексикографировать «в словарях особого рода – подобных тем, в которых описываются специальные научные и технические термины» [18: 577]. Кроме того, размещение этой лексики в приложении к многотомному словарю общего типа, на наш взгляд, создает неудобство следующего рода: поскольку оно может быть полностью создано к концу работы над словарем, то пользоваться им, отсылками к приложению, в котором слово нередко толкуется, по мере публикации его томов будет невозможно.

Другая проблема описания НК – выявление их латинографичных вариантов. Так, при описании многочисленных слов с компонентом **бизнес-** ни в НС3-90, ни в СРЯ-XXI не учтен вариант написание его латиницей. Однако этот НК достаточно широко используется в русскоязычных медиальных текстах и в своем исконном написании, присоединяясь к словам в кириллической графике, например: *business-версия, business-гардероб, business-задача, business-класс, business-леди, business-план, business-сообщество, business-стиль, business-формат* и т. д.

СЛИТНОЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ НАПИСАНИЕ КОМПОНЕНТОВ

На орфографии заимствований из английского языка сказывается взаимодействие русской и английской орфографических систем. Давление английской орфографии на русский язык проявляется в большом количестве вариативных написаний сложных слов, например: *аудио аппаратура* и *аудиоаппаратура*. Если для английского языка такое написание является нормативно приемлемым (*audio equipment, audioequipment*), так как морфологическое деление на прилагательное и атрибутивное существительное не вполне четко морфологизировано, то для русского языка это относительно новое явление вызывает много вопросов и вариации написаний у пользователей языка и активно комментируется лингвистами. Согласно рекомендациям²¹, этот элемент в данной позиции следует все-таки считать префиксOIDом, как и *видео-*, и писать со следующим словом слитно.

В связи с описанием в словаре НК возникает проблема выделения и описания неизменяемых адъективов. Обратимся к *аудио*, который встречается в текстах медиа в препозиции к существительному в слитном, дефисном и отдельном написании:

«В театральной студии, у нас были старшие театралы <...> Они учили нас театральной дисциплине, помогали делать реквизит, объясняли как работать с **аудио аппаратурой**». Дружба народов, 2016, 10; «В сумках у них оказалась видео- и **аудио-аппаратура**». Сельская жизнь, 03.02.00; «Постоянные вспышки фотоаппарата, боксерский ринг, **аудиоаппаратура, микрофоны, готовые в любую минуту к звуку**». Российская газета, 06.04.05.

Возникает вопрос, как относиться к случаям раздельного написания *аудио* в препозиции? В РОС-13²² *аудио* дается как НК и как неизменяемое существительное. Орфографическая норма – слитное написание такого рода образований – зафиксирована в РОС (см. *аудиоаппаратура, аудиоданные, аудиоматериалы, аудиоразъём*,

аудиофайл и т. д.), в наше время в постпозиции *аудио* встречается значительно реже и преимущественно в специальных тестах:

«Такого типа прибор полностью меняет подход к настройке *аппаратуры аудио*, особенно высокого качества». Схемы. Принципиальные электросхемы, подключение устройств и распиновка разъемов, 12.03.18.

Признать *аудио* в препозитивном положении при раздельном написании адъективом было бы, на наш взгляд, ошибкой, следовательно, такие написания следует игнорировать составителям словарей как ошибочные и не включать в словарик. Аналогичная ситуация с раздельным написанием в препозиции *аудиовидео / аудио-видео: передача аудио-видео информации, мультимедийные аудио-видео средства, домашняя аудио-видео студия, пакеты для редактирования аудио-видео файлов*. В массмедиа встречается достаточно много и других примеров, например, отдельного (бездефисного) написания слова *бизнес* в препозитивном положении в адъективном значении. Например:

«Набор таких *бизнес приложений*, как распознавание визиток, *Push mail*, навигация, голосовые команды, *Office Mobile* и *Location link (iCatchU)* сделает работу проще и комфортнее». Личные деньги, 28.07.09; «*Количество бизнес вузов в столице растет*». АиФ – Москва, 2021, 11.

Составители толкового словаря сталкиваются с проблемой разграничения понятий «орфографическая ошибка», «орфографический вариант», «динамика / вариативность орфографической нормы в узусе». Проводимые исследования показывают или неуверенность, сомнение пишущих в квалификации слов с двумя и более корнями (типа *боулинг-клуб* или *боулинг клуб*, *демпинг-цены* или *демпинг цены*), или все увеличивающееся стремление к дефисным написаниям в сложносоставных словах многоморфемной структуры с НК²³ [37: 199–200].

Следует отметить, что новая тенденция дефисного написания неизменяемых формантов в постпозиции стремительно расширяет свое поле. Например, в современных текстах активно используется НК *лайт-* («облегченный (по калориям, сложности и т. п.)») (*лайт-лифтинг, лайт-обучение, лайт-сигареты*) и неизменяемый адъектив *лайт* (в раздельном написании):

«Он ведет затворнический образ жизни, довольствуясь кока-колой “лайт” и японским суши». За рубежом, 1999, 50; «На фестивале будут и действия в жанре *лайт* (лето все-таки!)». Новая газета, 09.06.08; «В формате *лайт* прошел митинг в Новопушкинском сквере». Комс. правда, 28.05.12.

В последнее время этот элемент используется в постпозиции и с дефисным присоединением к существительным самых разнообразных семантических групп, часто образуя окказионализмы и потенциальные неологизмы: *пиво-лайт, соки-лайт, граница-лайт, ислам-лайт, Камасутра-лайт, олигарх-лайт, предприниматель-лайт, СССР-лайт, сталинизм-лайт* и т. д. (см. о данном «бифункциональном аффиксоиде» при «препозитивном и постпозитивном аффиксоидальном композитообразовании» [10: 30]). Поиски иноязычных прототипов сложных слов и словосочетаний с *лайт* и следование английским орфографическим нормам едва ли могут увенчаться успехом, так как английские соответствия орфографически могут значительно различаться от русских написаний, например: *лайт-сигареты* – англ. *light cigarettes*, *пиво-лайт* – англ. *light beer*, *соки-лайт* – англ. *light juice*, *ислам-лайт* – англ. *islam light*, *Камасутра-лайт* – англ. *Kamasutra light* и т. д.

ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НК

Распространение конструкций с неизменяющимся атрибутивным компонентом в научно-технической литературе в 1960–1970-е годы и обсуждение этого вопроса в русской орфографии привели к выводу:

«...после неизбежных орфографических колебаний возобладал принцип орфографического оформления аналитических прилагательных: в препозитивном употреблении – дефис, в постпозитивном – раздельное написание» [4: 139];

в статье приводится иллюстрирующий пример: *СВЧ-лучи, лучи СВЧ* (СВЧ – сверхвысокой частоты). Давая общую оценку орфографическим правилам по написанию сложных слов, В. Ф. Иванова писала об отсутствии четко сформулированных критерииев: «правила как бы подгонялись к сложным словам»²⁴. Вопросы орфографического нормирования сложносоставных слов не решены и поныне. Относительная для русского языка новизна новых сложных слов с неизменяемыми корневыми компонентами, их массированное проникновение в письменные формы языка, спорный статус таких единиц, метаязыковые колебания пишущих (слитное, дефисное, раздельное написание), мощное влияние английского языка, отсутствие четких академических орфографических правил и рекомендаций [3] – причины «орфографического разнобоя» в написании сложных слов в современной русистике [9: 264]. «К болевым точкам русского правописания относятся также композиты (как иноязычные, так и исконного происхождения

или смешанные, типа *блиц-опрос, мультимедиа-открыта*) <...>» [20: 55].

Сравним с показаниями английских словарей, чтобы продемонстрировать отсутствие строгой морфологической границы (между атрибутивным прилагательным и существительным) в английских аналогах и трудность или даже невозможность строгой ориентации на английские прототипы. В словаре Коллинза²⁵ (Collins) даны три значения *audio* как прилагательного:

1. Относящийся к звуку или слушанию (*audiotape* – в британском и *audio tape* – в американском английском),
2. Относящийся к передаче, приему, воспроизведению звука,
3. Связанный с оперированием звуком / с использованием звука (на аудиочастотах).

Отдельно выделено употребление лексемы как части (combining form) композитов: *audiometer, audiovisual*.

В кембриджском словаре английского языка (CamD)²⁶ слово *audio* описывается следующим образом:

1. Прилагательное в значении ‘связанный со звуком и его записью и трансляцией’ (*an audiocassette, audiotape, an audio signal*; обратим внимание на возможность слитного и раздельного написания в примерах. – Т. Б., А. З.),
2. Существительное в значении ‘[прибор, аппарат], записывающий звук или с записанным звуком’ (*the audio*),
3. Префикс в значении ‘связанный с прослушиваем звука’ (*audiotape*).

Таким образом, унифицировать лексикографическую подачу этой лексемы не удается и английским словарям, особенно бросается в глаза разная интерпретация компонента *audio* в слове *audiotape* ‘аудиозапись’ либо как прилагательного (в Коллинзе), либо как префикса (в кембриджском словаре).

Англоамериканского читателя при написании композитов обычно направляют к справочникам *The Chicago Manual of Style* [39], *OECD Style Guide* [35], содержащим обширные детализированные разделы, посвященные орфографии сложных слов (композитов), слов с аффиксами (модификаторами), дефиксным написаниям. Однако и англоязычный дискурс трансформируется стремительно, поэтому большие толковые словари английского языка, выходящие достаточно редко, не успевают за меняющимися орфографическими рекомендациями, оставляя право нормализа-

ции кодификации орфографическим справочникам (наподобие упомянутых), оставляя за собой право давать читателю узуальные употребления, которые могут расходиться с рекомендованными в данных справочниках нормами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корректность описания НК и их производных в толковом словаре общего типа связана с необходимостью учета центральных критерии: во-первых, четко сформулированной теоретической позиции толкового словаря при рассмотрении такой чрезвычайно динамичной группы лексики, широко представленной в массмедиийном пространстве в самых разных тематических сферах, во-вторых, обосновании практических способов презентации такого типа неологизмов в большеформатном словаре, ориентированном на актуальное словоупотребление. В статье нами очерчен лишь некоторый круг проблем в составительской лексикографической работе: выявление новых и актуализация старых НК, их вариантов написания (в том числе в иной графике); выработка четких критерии для обеспечения полноты и разумного ограничения обширных рядов производных с НК; содержательно-обоснованное использование терминов «сложные» и «сложносоставные слова» при описании НК; разграничение неизменяемых адъективов при НК в препозиции и постпозиции; этимологизация неологизмов в толковом словаре общего типа.

Бумажная версия большеформатного многотомного толкового словаря едва ли позволит быстро и адекватно реагировать на новейшие лексические инновации в языке, на что, в частности, в значительной мере ориентирован СРЯ-XXI. Следующий этап – переход на онлайн-версию словаря. Именно в нем, как нам кажется, можно будет реализовать идею словаря русского языка тезаурусного типа, способного отразить все динамические аспекты живого русского языка в его узуальной реализации. Онлайновые версии толковых словарей уже существуют на базе некоторых языков [31], что позволяет оперативно собирать инновации и корректировать замеченные неточности и пропущенные фрагменты современного лексикона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Российской академия наук. Институт лингвистических исследований; Под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.

² В дериватологии термины «композит» и «сложное слово» зачастую рассматриваются как абсолютные синонимы (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Рипол Классик, 2013. С. 202; Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред.

- А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта: Наука, 2008. Т. 1. С. 529, 643). В данную категорию включают несколько разновидностей: сложносоставной способ словообразования, чистое сложение, словообразование сложных слов с первым неизменяемым компонентом.
- ³ «В черновом варианте Словарь уже сделан от А до “ящурный”» [25: 137]. В настоящей статье используются некоторые примеры, касающиеся рассматриваемой темы, из этого словаря. Грант, по которому написана данная статья, предназначен для знакомства научного сообщества с СРЯ-XXI (отпечатано несколько пробных экземпляров 1-го и 2-го тома) с помощью открытой публикации материалов и фрагментов словарных статей, содержащихся в нем. Один из авторов публикации (Т. Н. Буцева) – член коллектива составителей этого словаря.
- ⁴ Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований; Пред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004–.
- ⁵ Академический толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Под ред. Л. П. Крысина. Т. 1. А–Влиять. М.: ЯСК, 2016. 672 с.
- ⁶ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований; Под ред. Е. А. Левашова. СПб.: Дм. Буланин, 1997. 904 с.
- ⁷ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований; Под ред. Н. З. Котеловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 876 с.
- ⁸ Соловьев Н. В. Русское правописание: Орфографический справочник. СПб.: Норинт, 1997. С. 740–741.
- ⁹ Энциклопедический словарь-справочник... С. 643–644.
- ¹⁰ Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. С. 516.
- ¹¹ Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. М.: Наука, 1970. 767 с.
- ¹² Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1982.
- ¹³ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- ¹⁴ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)...
- ¹⁵ Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксы русского языка: Опыт словаря-справочника; Отв. ред. Е. А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 89–90.
- ¹⁶ McArthur T., Lam-McArthur J., Fontaine L. The Oxford companion to the English language. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 388.
- ¹⁷ Oxford English dictionary. Available at: https://www-oed-com.libproxy.tuni.fi/search?searchType=dictionary&q=eu&_searchBtn=Search/ (accessed 13.08.2021).
- ¹⁸ Oxford English dictionary. Available at: https://www-oed-com.libproxy.tuni.fi/search?searchType=dictionary&q=cadio&_searchBtn=Search (accessed 13.08.2021).
- ¹⁹ Такое утверждение встречается даже в комментированных орфографических справочниках, где считается финальное *-о* соединительной гласной, что неверно и противоречит словообразовательной структуре неизменяемого слова: «Пишутся через дефис некоторые единичные существительные с соединительной гласной» и среди правильных случаев (*монголо-татары*, *греко-латинизм* и др.) оказались также включены такие слова, как *видео-арт*, *фото-арт*, *анархо-синдикализм*, *анархо-терроризм* (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями: Учеб. пособие. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. С. 81). Менее обязывающим, без объяснения квалификации этой финали, является такое указание: «Сложные слова с первой иноязычной (интернациональной) частью, кончающейся на гласную <...> с конечным *о*: *авто- агро-, астро-, аудио-, аэро-, баро-, бензо-, био-, вело-, вибро-* (далее обширный ряд продолжается. – Т. Б., А. З.)» (Правила... С. 118).
- ²⁰ В подготовленном Т. Н. Буцевой словаре «Графические кентавры в современных массмедиа» [5] собрано и описано ок. 400 начальных и опорных компонентов в латинской графике и представлено около 5 тыс. сложных слов, имеющих в своей структуре эти компоненты.
- ²¹ Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Указ. соч. С. 83, 160; Правила... С. 118.
- ²² Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М., 2013. 896 с.
- ²³ Маринова Е. В. Больные вопросы родной грамматики: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 30.
- ²⁴ Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии: Пособие для учителей. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1982. С. 159.
- ²⁵ Collins online. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/audio> (accessed 03.07.2021).
- ²⁶ The Cambridge Dictionary online. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/audio> (accessed 3.07.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в и на Н. Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej*, 2009. С. 63–75.
2. А ру тю н о в а Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). М.: Языки славянских культур, 2007. 288 с.

3. Бенинъи В. Продуктивные модели в развитии класса аналитических прилагательных // Русский язык сегодня: Сб. ст. Вып. 2. М.: РАН, 2003. С. 339–342.
4. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981. С. 135–156.
5. Буцева Т. Н. Презентация словаря-справочника «Графические кентавры в современных медийных текстах» // Фортунатовские чтения в Карелии: Сб. докладов междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 10–12 сентября 2018 г.); В 2 ч. / Под ред. Н. В. Патровой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 296–298.
6. Буцева Т. Н. Аспектная неография // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 12–13 марта 2019 г.) / Под ред. Л. В. Рацбурской. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 22–31.
7. Габдреева Н. В., Гурчани М. Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: Флинта: Наука, 2012. 280 с.
8. Габдреева Н. В., Агеева А. В., Тимиргальева А. Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2014. 328 с.
9. Голанова Е. И. «Точки роста» в системе современного словообразования: аналитические прилагательные и их место в системе и норме // Современный русский язык: Система – норма – узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 261–270.
10. Григоренко О. В. Неогенные аффиксоиды в русском языке последних десятилетий // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Воронеж, 2020. № 30. С. 24–30.
11. Земская Е. А., Ермакова О. П., Rudnik-Karwat Z. Особенности русского и польского языков на рубеже XX–XXI вв. // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.); Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 225–248.
12. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
13. Касаткина Р. Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями русской консонантной системы // Жизнь языка. Памяти Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 262–269.
14. Касаткина Р. Ф. Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 375–398.
15. Клобуков Е. В., Гудилова С. В. Языковая специфика непроизводных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20. М., 2001. С. 12–25.
16. Коряковцева Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavic Committee Commission on word-formation: Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013.* С. 9–38.
17. Крысин Л. П. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 189–196.
18. Крысин Л. П. О некоторых новых словах в русском языке: слова «кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. Т. 4, № 2. С. 575–579.
19. Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Азбуковник, 2011. 168 с.
20. Нечаева И. В. Современная русская орфография. Догма и инновации // *Studia Rossica Gedanensia. Gdańsk: Wydział Filologiczny Uniwersytetu Gdańskiego, 2015. № 2. S. 47–59.*
21. Петрухина Е. В. Возможности, функции и конкуренты словообразования в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Междунар. науч. конф. Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. проф. Е. В. Петрухиной. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 424–443.
22. Рацбурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Специфика современного медийного словотворчества // Радбиль Т. Б., Маринова Е. В., Рацбурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., Щеникова Е. В., Виноградов С. Н., Жданова Е. А. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. С. 150–229.
23. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 356 с.
24. Сергеев М. Л., Фивейская Е. А. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале «Словаря русского языка XXI века») // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 74–89.
25. Скляревская Г. Н., Ткачева И. О., Сергеев М. Л., Ваулина Е. Ю., Фивейская Е. А. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography.* 2019. Т. 1, № 1. С. 136–311.

26. Теркулов В. И. Основные принципы отбора и презентации материала для «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020. Т. 2, № 1. С. 63–75.
27. Федорова Л. Л. Русское словосложение: между лексикой и грамматикой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Т. 20. С. 276–285.
28. Шанский Н. М. Развитие словаобразовательной системы русского языка // Мысли о современном русском языке: Сб. статей / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1969. С. 153–166.
29. Carstensen B. Euro-English // *Linguistics across historical and geographical boundaries. In honour of Jacek Fisiak on the occasion of his 50th birthday*. (D. Kastovsky, A. Szwedek, Eds.). Vol. 2. Berlin, 1986. P. 827–835.
30. Dunn J. Face control, electronic soap and the four-storey cottage with a jacuzzi: Anglicisation, globalisation and the creation of linguistic difference // *Anglicisms in Europe: Linguistic diversity in a global context*. (R. Fischer, H. Pułaczewska, Eds.). Newcastle upon Tyne, 2008. P. 52–69.
31. Electronic lexicography. (S. Granger, and M. Paquot, Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. 517 p.
32. Filipović R. Historical-primary etymology vs. secondary etymology of Anglicisms in European languages // *History and perspectives of language study: Papers in honor of Ranko Bugarski*. (O. Tomić, M. Radovanović, Eds.). Amsterdam, 2000. P. 205–216.
33. Gries S. Phraseology and linguistic theory: A brief survey // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. (S. Granger & F. Meunier, Eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. S. 3–25.
34. Matthews P. H. Morphology: An introduction to the theory of word-structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 243 p.
35. OECD style guide. Third edition. OECD Publishing, 2015. 118 p.
36. Ohnheiser I. Compounds and multi-word expressions in Russian // *Complex lexical units. Compounds and multi-word expressions*. (B. Schlücker, Ed.). Berlin/Boston, 2019. P. 251–278.
37. Patton D. Analytism in modern Russian: A study of the spread of non-agreement in noun phrases: PhD dissertation. The Ohio State University, 1999. 263 p.
38. Picone M. D. Anglicisms, neologisms and dynamic French. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. 462 p.
39. The Chicago manual of style. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 1146 p.

Поступила в редакцию 09.09.2021; принята к публикации 01.02.2022

Original article

Taisia N. Butseva, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-7442-9868; taisbut@gmail.com

Alexander V. Zelenin, PhD in Linguistics, Lecturer, Tampere University (Tampere, Finland)

ORCID 0000-0003-2656-8457; aleksandr.zelenin@tuni.fi

SOME PROBLEMS OF DESCRIBING LANGUAGE COMPOSITES AND THEIR INITIAL COMPONENTS IN EXPLANATORY LEXICOGRAPHY

Abstract. The article deals with some problems of modern explanatory lexicography of the initial components of compound words performing the attributive function and words that incorporate such components into their structure. The relevance of this topic is due to the increasing amount of this type of new words in the modern Russian language, the lack of a unified approach to such words in the theory of word-formation and lexicography, and an attempt to find criteria for incorporating them into dictionaries. The empirical material for this research was collected in the *Integrum* database and extracted from modern explanatory dictionaries. The purpose of the article is to identify problems with representing this vocabulary in explanatory dictionaries within the framework of the project entitled “Dictionary of the Russian Language of the XXI Century”. The objectives include the discussion of the following aspects: selection of words with this structure for explanatory dictionaries; interpretation of the category of complex and compound words in modern explanatory lexicography and grammar; etymologization of derived (borrowed) compound words; lexicographic procedures for the compound words with dual spelling (Latin and Cyrillic); different practices of compound words spelling (concatenated, separated or hyphenated). The research methodology included the methods of analytical review, lexicographic definition, and classification.

Keywords: composites, compound words, initial components, analytical adjectives, affixoids, transliteration, creolized composites, morphemisation of abbreviations, explanatory dictionary

Acknowledgments. This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the project No 20-012-00122 (“Language and vocabulary: explanatory dictionary as an object and empirical

base of linguistic research (based on the materials of the *Dictionary of the Russian Language of the XXI Century* edited by G. N. Sklyarevskaya")).

For citation: Butseva, T. N., Zelenin, A. V. Some problems of describing language composites and their initial components in explanatory lexicography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):8–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.746

REFERENCES

1. Avina, N. Manifestation of internationalization in the Russian language in the situation of ethno-cultural interaction. *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009. P. 63–75. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Problems of morphology and word-formation (based on the material of the Spanish language). Moscow, 2007. 288 p. (In Russ.)
3. Benigni, V. Productive models in the development of the class of analytical adjectives. *Russian language today: Collection of articles*. Issue 2. Moscow, 2003. P. 339–342. (In Russ.)
4. Bukchina, B. Z., Kalakutskaya, L. P. Orthography and grammar (based on the material of terminological vocabulary). *Terminology and culture of speech*. Moscow, 1981. P. 135–156. (In Russ.)
5. Butseva, T. N. Presentation of the dictionary “Graphic centaurs in the modern media texts”. *Fortunatov’s Readings in Karelia: Proceedings of the international research conference (Petrozavodsk, September 10–12, 2018)*. In 2 parts. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 296–298. (In Russ.)
6. Butseva, T. N. Aspect neography. *National codes in language and literature. Modern languages in the new conditions of communication: Proceedings of the international research conference “National Codes in Language and Literature” (Nizhny Novgorod, March 12–13, 2019)*. Nizhny Novgorod, 2019. P. 22–31. (In Russ.)
7. Gabdreeva, N. V., Gurchiani, M. T. Dictionary of composites of the contemporary Russian language. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
8. Gabdreeva, N. V., Ageeva, A. V., Timirgaleeva, A. R. Foreign language vocabulary in the contemporary Russian language. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
9. Golanova, E. I. ‘Points of growth’ in the system of modern word-formation: analytical adjectives and their place in the system and norm. *Modern Russian language: System – norm – usage*. Moscow, 2010. P. 261–270. (In Russ.)
10. Grigorenko, O. V. Neogenic affixoids in the Russian language of the last decades. *Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in higher education institutions and schools*. Voronezh, 2020. No 30. P. 24–30. (In Russ.)
11. Zemskaya, E. A., Ermakova, O. P., Rudnik-Karwat, Z. Features of the Russian and Polish languages at the turn of the XXI century. *Slavic Linguistics / XIV International Congress of Slavists (Ohrid, September 10–16, 2008): Reports of the Russian speakers*. Moscow, 2008. P. 225–248. (In Russ.)
12. Ilyasova, S. V., Amiri, L. P. Language game in the communicative space of mass media and advertising. Moscow, 2009. 296 p. (In Russ.)
13. Kasatkina, R. F. New lexical borrowings in their interaction with some elements of the Russian consonant system. *The life of the language. In memory of Mikhail Viktorovich Panov*. Moscow, 2007. P. 262–269. (In Russ.)
14. Kasatkina, R. F. Changes in the prosodic system of the Russian literary language. *Modern Russian language: Active processes at the turn of the XXI century*. (L. P. Krysin, Ed.). Moscow, 2008. P. 375–398. (In Russ.)
15. Klobov, E. V., Gudilova, S. V. Linguistic specificity of non-derivative compound words (quasi-composites). *Language, consciousness, communication*. Issue 20. Moscow, 2001. P. 12–25. (In Russ.)
16. Koryakotsya, E. I. Word-formation resources of the new functional styles of Slavic languages. *Slowotwórstwo a nowe style funkcyjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists*. Siedlce, 2013. P. 9–38. (In Russ.)
17. Krysin, L. P. New analytical adjectives and the phenomenon of hiatus. *The life of the language: Collection of articles in memory of the 80th anniversary of M. V. Panov*. Moscow, 2001. P. 189–196. (In Russ.)
18. Krysin, L. P. On some new types of words in Russian: “centaur words”. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010;4(2):575–579. (In Russ.)
19. Nechaeva, I. V. Current issues of foreign borrowings spelling. Moscow, 2011. 168 p. (In Russ.)
20. Nechaeva, I. V. Modern Russian orthography. Dogma and innovations. *Studia Rossica Gedanensia*. Gdańsk, 2015. No 2. S. 47–59. (In Russ.)
21. Petrukhina, E. V. Possibilities, functions and competitors of word-production in the modern Russian language. *New phenomena in Slavic word-formation: system and functioning: Proceedings of the XI International Research Conference of the International Slavic Committee Commission on word-formation*. (E. V. Petrukhina, Ed.). Moscow, 2010. P. 424–443. (In Russ.)
22. Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V. Specifics of modern media word-making. *Radbil, T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva, N. A., Shumilova, A. V., Shchenikova, E. V., Vinogradov, S. N., Zhdanova, E. A. The Russian language of the early XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: Collective monograph*. Nizhny Novgorod, 2014. P. 150–229. (In Russ.)

23. Sen'ko, E. V. Neologization in the modern Russian language: an inter-level aspect. St. Petersburg, 2007. 356 p. (In Russ.)
24. Sergeev, M. L., Fiveyskaya, E. A. On the purposes of etymological information in a general-purpose dictionary (on the example of the Dictionary of the Russian Language of the 21st Century). *Russian Journal of Lexicography*. 2020;17:74–89. (In Russ.)
25. Sklyarevskaya, G. N., Tkacheva, I. O., Sergeev, M. L., Vaulina, E. Yu., Fiveyskaya, E. A. Draft “The Dictionary of the Russian Language in the 21st Century”. Samples of lexicographical entries. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2019;1(1):136–311. (In Russ.)
26. Terkulov, V. I. Main principles of material selection and presentation in the Explanatory Dictionary of Compound Words of the Russian Language. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020;2(1):63–75. (In Russ.)
27. Fedorova, L. L. The Russian word composition: between lexis and grammar. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2019;20:276–284. (In Russ.)
28. Shansky, N. M. Development of the word-formation system of the Russian language. *Thoughts about the modern Russian language: Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 1969. P. 153–166. (In Russ.)
29. Carstensen, B. Euro-English. *Linguistics across historical and geographical boundaries. In honour of Jacek Fisiak on the occasion of his 50th birthday*. Vol. 2. Berlin, 1986. P. 827–835.
30. Dunn, J. Face control, electronic soap and the four-storey cottage with a jacuzzi: Anglicisation, globalisation and the creation of linguistic difference. *Anglicisms in Europe: Linguistic diversity in a global context*. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 52–69.
31. Electronic lexicography. (S. Granger, and M. Paquot, Eds.). Oxford, 2012. 517 p.
32. Filipović, R. Historical-primary etymology vs. secondary etymology of Anglicisms in European languages. *History and perspectives of language study: Papers in honor of Ranko Bugarski*. (O. Mišeska Tomić, M. Radovačić, Eds.). Amsterdam, 2000. P. 205–216.
33. Gries, S. Phraseology and linguistic theory: A brief survey. *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. (S. Granger, & F. Meunier, Eds.). Amsterdam/Philadelphia, 2008. P. 3–25.
34. Matthews, P. H. Morphology: An introduction to the theory of word-structure. Cambridge, 1974. 243 p.
35. OECD style guide. Third edition. OECD Publishing, 2015. 118 p.
36. Ohnheiser, I. Compounds and multi-word expressions in Russian. *Complex lexical units. Compounds and multi-word expressions*. (B. Schlücker, Ed.). Berlin/Boston, 2019. P. 251–278.
37. Patton, D. Analytism in modern Russian: A study of the spread of non-agreement in noun phrases: PhD dissertation. The Ohio State University, 1999. 263 p.
38. Picone, M. D. Anglicisms, neologisms and dynamic French. Amsterdam, 1996. 462 p.
39. The Chicago manual of style. Chicago, 2017. 1146 p.

Received: 9 September, 2021; accepted: 1 February, 2022

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
философии и культурологии
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсо-
юзов (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

ПОЭТИКА ЛЮБВИ
(опыт лингвопоэтического толкования рассказа Дины Рубиной
«Область слепящего света»)

А н н о т а ц и я. Рассказ Дины Рубиной «Область слепящего света» еще не становился объектом специального лингвопоэтического толкования, тогда как обращение к идиостилю этого писателя представляется актуальным для научного осмысления новейшей литературы как формы художественной репрезентации современной действительности. Целью данного исследования является обнаружение идиостильевых лингвопоэтических средств, формирующих текст как единое художественное целое и позволяющих воспринимать образ, вынесенный в название произведения, в качестве ключа, открывающего смысловую глубину текста. В результате были сделаны выводы о том, что в качестве наиболее значимых средств выступают характер сюжетно-композиционного строения рассказа, его пространственно-временные координаты, речевая архитектоника, плотность образного ряда, механизмы интертекстуальности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : идиостиль, художественный текст, лингвопоэтическое толкование, сюжетно-композиционное строение текста, пространственно-временные координаты, образный ряд, интертекстуальность, Дина Рубина

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лелис Е. И. Поэтика любви (опыт лингвопоэтического толкования рассказа Дины Рубиной «Область слепящего света») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 23–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.747

ВВЕДЕНИЕ

Дина Рубина – мастер прозы и тонкий стилист. Широкий охват действительности, ее глубокий и разносторонний анализ, проникновение в психологию современного человека, его систему ценностей и мотивацию поступков, сложные взаимоотношения с внешним миром, характер лингвопоэтического решения художественных текстов разных жанров, выверенная архитектоника произведений – важные составляющие художественного мира этого писателя.

Творчество Дины Рубиной представляет большой научный интерес. Исследователи современной русскоязычной прозы анализируют характерные особенности ее художественного метода [5], мифопоэтические основы творчества [6], сложность нарративной структуры произведений [2], пространственно-временной континуум [3], взаимодействие образного ряда и сюжета [1] и др.

Рассказ «Область слепящего света» пока не становился предметом специального лингвопоэтического изучения, несмотря на то что характеризуется большой смысловой емкостью, тонким архитектоническим решением, разнообразны-

ми приемами выражения интертекстуальности, плотностью образного ряда. Этим рассказом открывается цикл «Несколько торопливых слов о любви», состоящий из тринадцати историй, объединенных общей темой и имеющих несчастливый финал.

* * *

Основной архитектонический прием, раскрывающий смысловую глубину рассказа, – контраст: *света и тьмы*; все озаряющей, согревающей и возвышающей *любви* и серой, леденящей, оказывающей мощное психологическое давление *рутины*; *бездомья*, неприкаянности ставшего главным для героев чувства и устоявшегося, размеренного *семейного быта*.

Название рассказа «Область слепящего света» – ключевой образ, главный смысловой, эмотивный и архитектонический стержень произведения. Вокруг него разворачивается событийный ряд, образная система, выстраивается композиционная структура текста, раскрывается эстетический потенциал языковых средств – от фонетических до синтаксических.

В завязке произведения в области света перед глазами геройни возникает лицо докладчика – бубнящего зануды, смысл выступления которого ей непонятен и неинтересен. Она досадует, что опоздала и теперь не может сориентироваться. В зале темно, и, чтобы подготовить к публикации материал о конференции, ей предстоит «высидеть несколько докладов вроде этой тягомотины»¹. Неожиданно возникшее в свете проектора лицо, вернее его половина, напоминает ей персонажа мистерии. Так образ *слепящего света* приобретает эстетическую значимость, пунктирно прошивая текст и по мере развития сюжета обрастаю смисловыми и эмоциональными обертонами. В приведенном лингвистическом контексте этому способствуют композиционный контраст света и темноты, отсылка к мистерии, эксплицирующая диссонанс между окружающей реальностью и воображаемой действительностью.

Дальше в тексте ключевой образ фиксирует новый этап развития отношений между героями: уже не сопротивляясь взаимному притяжению, они безоглядно отдались страстному чувству. И бьющий через окна веранды *слепящий зимний свет* теперь вырывает из повседневности обоих: они не замечают ни мерзлых прстыней, ни ледяных пальцев. Охвативший их бешеный подростковый озnob, как ясно читателю, не только *температурного свойства*, но знак особого психоэмоционального состояния героев, их отрыва от прозаической действительности, погружения в мир всепоглощающей любви и растворенности в ней. С этого момента образ *область слепящего света*, представленный разными лексическими номинациями, – это константа пространства любви, ее вертикальные координаты, манящий и призывный свет, льющийся откуда-то сверху и взрывающий непроглядность серых будней.

«После чего кран был забыт навеки и подтекает, вероятно, до сих пор. Вернувшись, минут пять стоял в проеме двери, глядя, как она лежит в бисере пота, в области слепящего зимнего света, бьющего через окна веранды» (Рубина: 8).

«Спустя несколько недель она вывалилась в аэропорту “Бен-Гурион” – в расстегнутой дубленке, с мохнатой шапкой в руке – прямо в солнечный средиземноморский декабрь» (Рубина: 9).

«Лишил однажды он сказал, стоя у окна за ее спиной и наблюдая, как горная ночь по одной, словно свечи, засывает горящие отблеском солнца черепичные крыши:

– Этот город заслужил, чтобы его рассматривали не с такой высоты...» (Рубина: 9).

В последний раз этот образ эксплицирован в финале рассказа, когда герой узнал о траги-

ческой гибели своей возлюбленной в авиакатастрофе:

«Перед его глазами поплыл огненный шар их коротенькой высотной жизни, легко взмыл, завис в области слепящего света и – вспыхнул над морем...» (Рубина: 10).

В сознании героя промелькнула вся история их любви, материализовавшись в шаровую молнию: в области слепящего света она зарождается, пульсирует, одаряет краткосрочным свечением и исчезает в небытии – поплыл, легко взмыл, завис, вспыхнул: один миг по сравнению с вечностью и механически-бессмысленно продолжающейся жизнью. Нанизанные друг на друга глаголы совершенного вида контрастируют с застывшей «тьмой комнаты», где герой «по-прежнему стоял» (глагол несовершенного вида), «почему-то не зажигая лампы» (деепричастие несовершенного вида).

Читатель становится свидетелем переключения сознания героя из области слепящего света, наполненной красотой черепичных крыш, горной ночи, моря, залива, крана и мачт в порту, еще чем-то «прекрасным и достойным восхищения», в область бытовой ежедневности:

«Ну, если ты еще не переоделся, так вынеси мусор» (Рубина: 10).

Неслучайно он медлит с возвращением: плелся домой, поднимался по лестнице, открывал дверь, думал: что делать, что делать? Торшер, горящий на кухне зеленоватым подводным светом, был не способен хоть сколько-нибудь заменить область слепящего света.

Ключевой образ прирастает эмоционально-смысловыми коннотациями и берет на себя роль смыслопорождающего стержня художественного целого. Эстетическому функционированию ключевого образа способствуют контекстуально значимые лингвопоэтические средства, которые на всем протяжении текста продолжают поддерживать принцип контраста: лицо *погасло* (световая метафора); *темный* конференц-зал (световой эпитет); в квартире было *темно*; *тьма* комнаты (лексический повтор) – *солнечный* средиземноморский декабрь, *горящие отблеском солнца* черепичные крыши; *огненный* шар их коротенькой высотной жизни (метафорические эпитеты).

В смысловом обогащении ключевого образа важную роль играет пространственно-временной континуум: встречи влюбленных коротки и исчисляются часами и днями – разлука длится неделями; пространство повседневности – *всепоглощающе и всеохватно*, пространство любви – *устремлено ввыс*: двенадцатый этаж отеля,

Иерусалим, который с высоты вызывает восхищение, прогулка «над заливом, над кранами и мачтами в порту». Но эти короткие встречи, связывающие разные города и страны (Новосибирск, Москва, Тель-Авив, Иерусалим, Хайфа), становятся теми яркими, пронзающими ежедневность маяками, которые освещают жизнь влюбленных, открывают им их самих и мир, раздвигают пространственно-временные границы их жизни и судьбы. При этом встречи влюбленных неизменно сопровождаются острой и трагической мыслью о том, что отпущенное им счастье хрупко, неустойчиво и не только не обещает быть долгим, но может в одночасье и навсегда прерваться. Дважды (сначала в мыслях героя, потом – в мыслях героини) появляется слово *никогда* и каждый раз в тот момент, когда они мечтают о следующей встрече. Но, щадя друг друга, не произносят этого слова, ощущая его как жестокий приговор неизбежности. Сначала:

«— А вернешься когда? – спросила она. Он хотел ответить «никогда», и, в сущности, это было бы правдой. Но сказал:

— Н-не знаю. Может быть, через год… Я уезжаю всей семьей в Израиль» (Рубина: 8).

Позже:

«Она стала оправдываться, что иначе шеф ни за что не позволил бы отлучиться, только прицепившись к рутинной командировке, удалось так лихо зарулить сюда. И, бог даст, еще удастся. Когда-нибудь…

— Когда, например? *Никогда*, вдруг поняла она. Но сказала легко:

— Ну… в марте, скажем… Или в апреле…» (Рубина: 9).

Параллелизм синтаксических конструкций (*хотел ответить… но сказал / поняла она… но сказала*) подчеркивает взаимное притяжение героев, их глубинную, неизъяснимую психологическую взаимосвязь, спаянность, «прорастание» друг в друге. Эти архитектонические переклички выступают в качестве одного из лингвопоэтических приемов, образующих единую систему презентации смысловых доминант текста.

Аналогичную композиционно значимую и смыслопорождающую роль играют акустические, в том числе музыкальные, образы, на значимость которых в идиостиле Дины Рубиной указывают современные исследователи [4]. Но особенность их использования в анализируемом рассказе заключается в том, что здесь они приобретают статус композиционно значимых только в проекции на ключевой – зрительный – образ.

С той минуты, когда герои почувствовали свое бессилие перед ослепившей их любовью,

«все покатилось *симфонической лавиной*, сминающей, сметающей на своем пути их прошлые чувства, привязанности и любви – все то, чем набиты заплечные мешки всякой судьбы…» (Рубина: 7). Затем последуют *скрип* двери, как позже станет понятно, открывающей для героев совсем иной – светлый – мир, и эротическая *хрипло задыхающаяся пауза*, после которой на первое место в архитектонике текста выходят исключительно зрительные образы, фокусирующиеся вокруг *области слепящего света*. Только в финале рассказа, после трагической новости о гибели возлюбленной, герой вынужденно вернется к способности воспринимать акустику повседневности – открыв теперь уже другую дверь, в свою прежнюю жизнь, он услышал, как «*лилась вода и звякала посуда*».

Авторская мысль о том, что любовь была для героев неожиданным и в то же время трагически предопределенным чувством, воплощается целым набором языковых средств, которые зеркально отражают как внешнюю, событийную, жизнь, так и эмотивный сюжет. Этот композиционный принцип зеркальности «прошивает» весь текст: влюбленные с момента своего знакомства как будто отражают друг друга: испытывают похожее эмоциональное состояние, сближаются в оценке людей и событий, одинаково напряженно начинают осмысливать пространственно-временные координаты своей любви и судьбы. Этот принцип зеркальности объединяет героев и одновременно отделяет от всех остальных.

Среди средств, запускающих принцип композиционной зеркальности, значим звукообраз только зарождающейся любви, репрезентируемый аллитерациями, и зрительный образ героя, и лексический повтор слова *вдруг*, фиксирующий неожиданность для обоих внезапно вспыхнувшего чувства:

«Этот мгновенный блиц лунного полулица ослепил ее такой вспышкой любовной жалобы, словно ей вдруг показали из-за ширмы того, кого давно потеряла и ждать уже зареклась» (Рубина: 7).

«Он рассеянно кивнул ей, договаривая что-то маленькому толстяку аспиранту, и вдруг резко оглянулся, ловя обреченным взглядом ее лицо» (Рубина: 7).

При этом решающую роль в экспликации зеркального отражения героями друг друга играет сочетание разных приемов в одном контексте. Ср., например, контекст, в котором аллитерационно мелодия *любви* продолжает звучать отголоском внутреннего состояния героини, но резко прерывается переключением ее сознания на мысль о предстоящей долгой разлуке, а возможно, и неизбежном расставании:

«Они стояли на платформе в ожидании электрички. Поодаль прогуливалась пожилая тетка с линялой изжелта болонкой.

— А вернешься когда? — спросила она. Он хотел ответить “никогда”, и, в сущности, это было бы правдой. Но сказал:

— Н-не знаю. Может быть, через год... Я уезжаю всей семьей в Израиль» (Рубина: 8).

Ср. с аналогичной звуковой организацией фрагмента текста, который репрезентирует звучащую теперь уже в сознании героя мелодию любви и ее резкое прерывание мыслями о возвращении в повседневную жизнь:

«И пока плелся к дому, поднимался по лестнице, открывал ключом дверь, все думал: что делать, что делать и как прожить хотя бы этот, первый вечер?...» (Рубина: 10).

Зеркальную композицию текста формируют также лексические и частеречные переклички (личные местоимения, нанизывание именительного падежа имен существительных, числительное *два*), усиленные синтаксическим параллелизмом и близким ритмическим рисунком фразы:

«*Он* доктор наук, / историк, / специалист по хазарам, / автор двух известных книг, / женат, / две дочери — / семнадцати и двенадцати лет //» (Рубина: 8).

«*Она* журналист, / автор сценариев двух никому не известных документальных фильмов, / два неудачных брака, / детей нет, / сыта по горло, / оставьте меня в покое...//» (Рубина: 8).

«*Ее* рассеянные руки, не попадающие в рукава поданного им пальто...» (Рубина: 7).

«...и *его* беспризорные руки, неловко коснувшиеся <...> ее груди» (Рубина: 7).

Эстетически значимо и архитектоническое решение текста: зеркально отражающие друг друга действия героев по мере развития событий — сначала *улетает* он, и они прощаются, как думают, навсегда; потом *улетает* она, и они прощаются, как выясняется, навечно и т. д. При этом объединяющим героев авторским языковым средством становится отсутствие персонификации: использование личных местоимений *он* и *она* вместо имени как идентификатора личности в качестве эстетического знака бытийной несущественности подобной конкретизации.

Благодаря многочисленным интертекстуальным отсылкам история любви героев рассказа воспринимается как реминисценция «Дамы с собачкой» А. П. Чехова. Ситуация, в которую попали нежно и преданно любящие друг друга Гуров и Анна Сергеевна, является для них неразрешимой. Героям рассказа Дины Рубиной эта классическая история и ее финал хорошо знакомы, они ассоциируют себя с чеховскими героями. Дважды возникающий в тексте образ *дамы с собачкой*, развитие отношений, сопровождаю-

щееся короткими встречами и долгими разлуками, мотив двойственности, с одной стороны, *тайная* жизнь — вместившая в себя все важное, интересное, необходимое, и с другой — *явная*, утратившая бытийную ценность и смысл. Ср.:

«У него были две жизни: одна *явная*, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая — протекавшая *тайно*»².

В интертекстуальной перекличке с рассказом А. П. Чехова важное место занимают и мотив *бездомья* (у А. П. Чехова герои встречаются в дешевых московских и провинциальных гостиницах, у Дины Рубиной — в дорогом тель-авивском отеле на берегу Средиземного моря), и образ *зеркала* (у А. П. Чехова — в номере гостиницы, где все покрыто пылью и на кровати — серое солдатское одеяло, у Дины Рубиной — в скоростном лифте роскошного отеля), и перекличка бытовых деталей (у А. П. Чехова Гуров жадно ест арбуз, у Дины Рубиной — плитку шоколада), и введение второстепенных персонажей — безымянных посторонних людей, случайно замеченных погруженными в себя героями (у А. П. Чехова — «какой-то человек — должно быть, сторож», у Дины Рубиной — «три армянских священника под большим зонтом»), и сама авторская интонация: легкая ирония, переплетающаяся с печалью и сочувствием, — все это сближает два произведения.

Но история любви у А. П. Чехова носит драматический характер, у Дины Рубиной — трагический, жесткий. Сама судьба разрубает гордиев узел, связавший влюбленных, оставляя герою только память о *слепящем свете* любви, опрокидывает жизненную перспективу: то, что казалось мистерией, оказалось главным, то, что казалось осозаемой реальностью, приобрело черты карнавальности — той обыденности, которая перелицовывает смыслы, упрощает чувства, утрирует будничность событий, гасит внутренний свет и лишает надежды.

Сюжетно-композиционные и образные параллели между рассказами А. П. Чехова и Дины Рубиной — это формы интертекстуальной отсылки к основному чеховскому художественному принципу: *казалось — оказалось*, который репрезентирует изменения в системе ценностей героев и их мировоззренческих установках. То же самое происходит с персонажами Дины Рубиной.

Сначала, когда в темном конференц-зале *зажегся* свет, как это бывает после киносеанса или театрального представления, в глазах героини ее будущий возлюбленный показался невысоким

неярким человеком. Позже в памяти героини этот образ возникнет в том же ассоциативном круге театральности: «из-за ширмы судьбы ей показали карнавальное полулицо с прицельным глазом». Потом, когда любовь стала для обоих самым главным в жизни, эта внешняя неяркость, обнаруживаемая при искусственном свете театрального действия, стала для героини устойчивым знаком, внешней формой, скрывающей его внутреннюю – истинную, человеческую притягательность. Так, встречая ее в тель-авивском аэропорту, он резко выделялся на фоне *пестро-цыганской* толпы встречающих: стоял отдельно, поодаль, «в какой-то легкомысленной куртке», подняв обе руки, «словно сдавался необоримой силе».

Аналогичный прием несовпадения внешнего и внутреннего находим и у А. П. Чехова: на редкие встречи с Гуровым Анна Сергеевна надевала его *любимое серое* платье.

Героиня Дины Рубиной усмехнулась невольной ассоциации: прогуливавшаяся по железнодорожной платформе незнакомая пожилая женщина с болонкой напомнила чеховскую даму с собачкой, поскольку и тетка немолода, и собачка из желта-линялая. Но спустя несколько недель *из-за ширмы судьбы* на сцене жизни вдруг появляется она сама – обновленная, влюбленная, «в расстегнутой дубленке, с мохнатой шапкой в руке», *расстрапанной, как болонка*. Несуразность внешнего вида героини, прилетевшей в солнечный средиземноморский город, очевидна для ироничного автора и наблюдательного читателя, но остается совершенно незамеченной обоими влюбленными.

Их взаимное чувство, как и любовь героев А. П. Чехова, сначала казалось не тем, чем *оказалось* на самом деле. Интертекстуальная перекличка закрепляется прямой цитатой – лексическим повтором слова *приключение*. И в обоих случаях это слово включено в ироничный эмоционально-оценочный контекст, формируемый прилагательными-эпитетами. Ср.:

«...всякое сближение, которое так приятно разнообразит жизнь и представляется *милым и легким приключением* <...> неизбежно вырастает в целую задачу, сложную чрезвычайно, и положение в конце концов становится *тягостным*» (Чехов: 129).

«Ну, вот и ладно, и хорошо, прощайте, мое *славное приключение!*» (Рубина: 9).

То, что казалось *милым и легким* или *славным приключением*, для героев обоих рассказов стало смыслом жизни, одарив их способностью

любить и быть любимыми. В *области слепящего света* то, что сначала казалось мистерией и карнавалом, оказалось тем, что взорвало и разнесло в клочья всю прежнюю жизнь. С этим чувством главный герой рассказа Дины Рубиной должен как-то жить дальше. Открытый финал – это тоже отсылка, хотя и неявная, к чеховскому рассказу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассказ «Область слепящего света» представляет собой художественный текст, который репрезентирует идиостилевую авторскую стратегию Дины Рубиной, основанную на применении широкого спектра сюжетно-композиционных, образных и языковых приемов, которые раскрывают авторскую концепцию любви: это чувство составляет в человеческой жизни самую большую ценность. В качестве ключевого образа рассказа выступает вынесенный в название образ *области слепящего света*, вокруг которого фокусируются сюжет, пространственно-временные координаты нарратива, изменения во внутреннем состоянии героев и их мироощущении, речевая и образная архитектоника текста.

Смысловая емкость рассказа Дины Рубиной открывается в том числе и благодаря интертекстуальным отсылкам к «Даме с собачкой» А. П. Чехова. При перекличке общей тональности двух произведений: передаче ощущения обреченности чувства и описания обретших друг друга героев как людей глубоко несчастных, по-новому осмыслияется поэтика любви, предъявлено другое качество времени, существенно расширены сюжетные пространственные границы, предложен жесткий финал знакомой читателю истории. Это открывает перед исследователем перспективы осмысления, с одной стороны, типологических черт идиостиля Дины Рубиной, с другой – творческого развития в современной прозе художественно-эстетических и нравственно-аксиологических традиций классической отечественной литературы.

Лингвопоэтическое толкование помогает осмыслить название рассказа «Область слепящего света» как глубокое сочувствие автора своим героям, которые ощущали предопределенную неизбежность повторения в их собственной жизни судьбы чеховских героев, но не были готовы к столь трагическому концу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рубина Д. Область слепящего света // Единственный голос. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2020. С. 3. Далее в круглых скобках указывается фамилия автора и через двоеточие страницы.

² Чехов А. П. Дама с собачкой // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 10. М.: Наука, 1986. С. 141. Далее в круглых скобках указывается фамилия автора и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахрушева Т. С. С своеобразие сюжета и эмблематика образного ряда в малой прозе Дины Рубиной // Филологический аспект. 2021. № 5 (73). С. 119–124.
2. Голубцова А. С. Нarrативная структура романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 79-1. С. 72–76.
3. Деренник А. И. Глаголы речи как воплощение пространственно-временного континуума, ретроспекции / проспекции в художественном нарративе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 11, № 1. С. 38–45.
4. Козинец С. Б. Музыкальная метафора в художественном мире Дины Рубиной // Сфера культуры. 2021. № 3 (5). С. 59–65.
5. Сорокина Н. В., Абраменкова Л. Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 518–525.
6. Шафранская Э. Ф. Синдром голубки. Мифопоэтика прозы Дины Рубиной. СПб.: Свое издательство, 2012. 470 с.

Поступила в редакцию 24.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Elena I. Lelis, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor,
Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1681-5840; elena-lelis@mail.ru

POETICS OF LOVE
(linguo-poetic interpretation of Dina Rubina's short story “Area of Blinding Light”)

A b s t r a c t. Dina Rubina's short story “Area of Blinding Light” has never been an object of special linguo-poetic interpretation, while referring to the idiom of this writer seems relevant for the scholarly understanding of contemporary literature as a form of artistic representation of modern reality. The purpose of the study was to identify idiomtic linguo-poetic means that form the text as a solid artistic entity and enable us to perceive the image in the title of the short story as a key that reveals the semantic depth of the text. The conclusions were made that the most significant idiomtic linguo-poetic means include the nature of the plot and composition structure of the story, its spatial and temporal coordinates, speech architectonics, figurative density, and intertextuality mechanisms.

Key words: idiom, literary text, linguo-poetic interpretation, plot and composition structure of text, spatio-temporal coordinates, imagery, intertextuality, Dina Rubina

For citation: Lelis, E. I. Poetics of love (linguo-poetic interpretation of Dina Rubina's short story “Area of Blinding Light”). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):23–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.747

REFERENCES

1. Vakhrusheva, T. S. The originality of the plot and the emblematic of the figurative series of small prose by Dina Rubina. *Philological Aspect*. 2021;5(73):119–124. (In Russ.)
2. Golubtsova, A. S. Narrative structure of Dina Rubina's novel “Leonardo's Handwriting”. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medicobiological sciences*. 2021;23(79-1):72–76 (In Russ.)
3. Derenik, A. I. Verbs of speech as the embodiment of the space-time continuum, retrospection / prospection in the artistic narrative of Dina Rubina's novel “On the Sunny Side of the Street”. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2021;11(1):38–45. (In Russ.)
4. Kozinets, S. B. Musical metaphor in the artistic world of Dina Rubina. *Sphere of Culture*. 2021;3(5):59–65. (In Russ.)
5. Sorokina, N. V., Abramenkova, L. E. Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel “Style of Leonardo”. *Neophilology*. 2019;5(20):518–525. (In Russ.)
6. Shafranskaya, E. F. The dove syndrome. Mythopoetics of Dina Rubina's prose. St. Petersburg, 2012. 470 p. (In Russ.)

Received: 24 January, 2022; accepted: 25 February, 2022

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГУБАНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков факультета лингвистики

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка» (Самара, Российская Федерация)

gubanov5@rambler.ru

ЭПИТЕТНЫЕ СЛОВА В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ОБРАЗОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Аннотация. Исследование посвящено анализу эпитетных слов с позиции их образования и функционирования в текстах Марины Цветаевой. Актуальность работы состоит в недостаточной изученности системы признаковых слов в текстах поэта. Новизна исследования определяется когнитивно-семантическим подходом к анализу материала, в ходе которого отмечаются закономерности образования и употребления эпитетов и определительных конструкций. Материалом послужили поэтические и прозаические тексты Марины Цветаевой, творчество которой насыщено нестандартными способами выражения признака посредством эпитета. Отмечается, что уточнение и детализация признака – характерная черта идиостиля поэта. Подчеркивается метонимическая логика переносов определений. Целью исследования являлось установление идиолектной специфики образования и употребления признаковых слов. Представлена и обоснована гипотеза о том, что эпитет занимает в творчестве Марины Цветаевой центральное место в качестве универсального средства характеристики объекта. Выводы, сделанные автором, подтверждают, что роль признаковых слов в текстах Марины Цветаевой является ведущей. Эпитетные слова, окказиональные по форме и содержанию, являются отражением яркой особенности идиостиля поэта – языковой рефлексии.

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, образ, идиолект, идиостиль, метонимия

Для цитирования: Губанов С. А. Эпитетные слова в текстах Марины Цветаевой: образование и функционирование // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 29–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.748

ВВЕДЕНИЕ

Признаковая лексика неизменно находится в центре внимания лингвистов [1: 132]. Несмотря на традиционность понимания многих вопросов эпитетологии, остается немало нерешенных проблем дефиниции эпитета [9], [14], его типологии [3]. На современном этапе развития лингвистической науки лингвопоэтическое изучение идиостиля писателя претерпевает значительные трансформации [16: 106]. Наряду со стилистическим комментарием и поэтическим анализом применяется когнитивный метод описания лингвостилевой специфики авторского текста [15: 127]. Учитывая данный факт, нельзя не отметить актуальность обращения к исследованию различных пластов лексики того или иного художника слова с позиций когнитивной лингвопоэтики и дискурсивного анализа художественного текста.

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка проанализировать, с одной

стороны, закономерности механизмов образования переносных значений слов признаковой семантики в текстах М. Цветаевой; с другой стороны, выявить особенности функционирования эпитетных слов и объектов эпитетации в составе эпитетного комплекса на материале текстов указанного автора. Выбор творчества М. Цветаевой объясняется большой частотностью употребления эпитетных слов в ее текстах, а также пониманием поэтом эпитета как наиболее точного слова, способного передать суть высказывания.

Целью работы является описание образного потенциала слов признаковой семантики в текстах М. Цветаевой. Материалом для анализа эпитетных слов послужило Собрание сочинений поэта, а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой¹, составленный Домом-музеем поэта. Языковой материал подобран методом сплошной выборки и составил более 4500 единиц, содержащих признаковые слова.

Дадим некоторые определения терминов, необходимые для дальнейшего изложения результатов исследования. В работе применяется термин «эпитетное слово», под которым понимается любое слово признаковой семантики, имеющее приращение смысла в контексте художественного высказывания. Эпитет в его традиционном понимании представляет собой образное определение, имеющее переносное значение. Эпитетное слово шире понятия эпитета; термины «квазиэпитет» и «эпитетоид» представляются нам не совсем точными, поскольку ставят под сомнение статус слова признаковой семантики выполнять роль эпитета в художественном тексте [2: 130]. Термин «мегаэпитет» призван раскрыть сущность сквозного, повторяющегося эпитета в большом массиве текстов, что является попыткой дискурсивного анализа атрибутивного комплекса [8: 95].

Востребованным также оказывается понятие эпитетного комплекса, под которым понимаем объединение эпитетного слова и определяемой лексемы, в качестве которой чаще выступает субстантив [16: 104]. Определяемое также именуется объектом эпитетации, поскольку именно оно является той реалией или тем лицом (субъектом), вокруг которого строится эпитетное высказывание. Безусловно, и эпитетное слово, и объект эпитетации тесно связаны друг с другом, поэтому рассматривать их нужно в единстве, чем обусловлено применение данного термина [4: 55].

Изучение текстов М. Цветаевой с лингвистической точки зрения имеет богатую историю [6]. Представляется продуктивным совмещение лингвистического и поэтического, биографического подходов при анализе языка текстов поэта [10], привлечение интертекстуальных дискурсивных связей в качестве эвристического механизма анализа словоупотреблений [7]. Несмотря на внушительный корпус исследований, остается недостаточно изученным идиолект поэта, в частности, атрибутивные конструкции как с точки зрения структурных особенностей их оформления, так и с позиции семантического наполнения компонентов эпитетного комплекса и установления механизмов возникновения переносных эпитетов [12].

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что эпитетные конструкции (эпитетные слова и объекты эпитетации) занимают центральное место в текстах М. Цветаевой; именно в рамках подобных конструкций происходит языковое творчество, языковая рефлексия, что в полной мере отражает идиостилевую специфику ее текстов [5: 40].

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТНЫХ СЛОВ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Когнитивно-дискурсивное направление в рамках эпитетологии исследует механизмы порождения переносных значений эпитетов в результате семантико-сintаксических преобразований атрибутивных конструкций с точки зрения теории блэндинга [11: 10] и метонимического переноса [13: 15]. В сочетании с семантико-грамматическим анализом поэтического текста удается установить закономерности употребления данного пласта лексики [4: 102].

В рамках статьи обозначим несколько наиболее заметных и важных для творческого почерка М. Цветаевой тенденций в конструировании эпитетных комплексов и подборе эпитетных слов. Говоря о структурно-семантической специфике атрибутивных конструкций, отметим при их анализе нерасторжимое единство формального критерия описания (типа конструкций, количества слов-эпитетов) и семантического критерия. Оба параметра важны при выявлении специфики образования новых смыслов в составе рассматриваемых языковых единиц.

С позиции структуры эпитетные комплексы можно разделить на простые (двучленные), сложные (состоящие из нескольких корней) и составные (многочленные, состоящие из объекта эпитетации и двух и более относящихся к нему эпитетов). Составные многочленные эпитетные комплексы могут конструироваться разнообразно: эпитеты могут находиться в препозиции, постпозиции по отношению к определяемому слову или окружать его.

При преобладании первых нельзя не отметить особенности в их конструировании и подборе эпитетов. Сложная мысль поэта заставляет создавать сложные для толкования фразы: *выспренные обветшалости; двухзвездный пропад; малодушные весла; начальные глины*². Окказиональные эпитеты и нарушенная лексическая сочетаемость даже в контексте не всегда дают возможность адекватно их истолковать. *Выспренная обветшалость*: это одежда или это слова, или душа, или все вместе взятое...:

«С какой торжественною постепенностью // Спадают *выспренные обветшалости!* // О наши прадедовы драгоценности // Под самозванческим ударом *Жалости!*» (2: 24)³.

Важная закономерность, неоднократно отмеченная исследователями языка М. Цветаевой, состоит в том, что в основе образования образных эпитетных слов в составе двучленной конструкции лежит метонимическая логика [4], [5], [12].

В следующих контекстах хорошо заметна тенденция переноса признака с человека как целого (ср. *грустный человек*) на часть его тела, душу (ср. *грустная душа*):

«В этой *грустной душе* ты бродил, как в незапертом доме...» (В нашем доме, весною...) (1: 107); «и подумаешь – ты, / Длинной рукою *незрячей* / Глядя раскиданный стан, / Что на груди твоей плачет / Твой молодой Иоанн» (1: 358); «Раскрепощу *молодую* совесть» (1: 568).

В тех случаях, когда переносные эпитеты образуются в рамках концептополя человека, выражения кажутся не столь образными и яркими (*грустная душа*), хотя небольшой сдвиг в сочетаемости с объектом эпитетизации уже приводит к метафорическому эффекту (*молодая совесть*: совесть молодого человека или несформированное до конца чувство совести).

Сближение признаков, принадлежащих различным концептуальным сферам, приводит к конструированию ярких образов:

«Ревнивый ветер треплет шаль» (1: 366); «Дерево, доверчивое к звуку...» (3: 126); «Я полюбила: / Мутную полночь, / *Льстивую* флейту, / Праздные мысли» (1: 455).

По нашему мнению, в обоих случаях имеет место метонимический перенос, основанный на смежности объектов и антропоцентричный: все реалии автор осмысливает с позиции эмоциональной оценки, пропуская через себя, персонифицируя их.

Многочленные эпитетные конструкции содержат несколько характеристик объекта, дают ему оценку на основе игры слов, окказиональных словоформ. Эпитеты чаще всего расположены в препозиции по отношению к объекту эпитетизации и выполняют атрибутивную функцию. Так, поэт часто применяет прием звукового паронимического сближения лексем: «Леня. Есенин. *Неразрывные, неразливные* друзья» (4: 285).

Звуковое, корневое, приставочное и смысловое сходство эпитетных слов необходимо поэту для выражения сложного отношения к объекту, стремления к исчерпывающей его характеристики: *сонный, бессонный лес; бессонная бездомная черница; сокровенная, подъязычная тайна; рельсовая режущая синь*⁴.

При необходимости актуализации смысла М. Цветаева прибегает к повтору, полному или частичному, эпитетного слова:

«– Что я поистине *крылата*, / Ты понял, спутник, по беде! / А ветер от твоей руки / Отводит *крыльшки* *крылатки* / И дышит: душу не губи! / *Крылатых* женщин не люби!» (1: 320); «Око зрит – *невидимейшую* даль, / Сердце зрит – *невидимейшую* связь... / Ухо пьет – *неслыханнейшую* мольвь...» (2: 98).

В прозе поэта чаще происходит игра слов на основе антонимии. Непостоянство, неприкаянность героини находят свое выражение в бытовой неустроенности, «легкомысленности»: «...у нее *твёрдый* кров, *твёрдый* хлеб, *твёрдый* угол, а у меня все это – *в воздухе*» (6: 691).

Постпозиционное употребление эпитетов дает возможность совместить функции атрибутизации и предикации, создавая многоаспектно характеризуемый образ.

Многократное обращение к атрибуции объекта приводит к вариативным повторам, а само высказывание становится своеобразным заклинанием:

«Ночные ласточки Интриги – / Плащи! Крылатые герои / Великосветских авантюр. / Плащ, щеголяющий дырою, / Плащ игрока и прощелыги, / Плащ-Проходимец, плащ-Амур. / Плащ, шаловливый, как руно, / Плащ, преклоняющий колено, / Плащ, уверяющий: – темно! / Гудки дозора. – Рокот Сены. – / Плащ Казановы, плащ Лозэна, / Антуанетты домино! / Но вот – как черт из черных чащ – / Плащ – черно-книжник, вихрь – плащ, / Плащ – вороном над стаей пестрой / Великосветских мотыльков, / Плащ цвета времени и снов – / Плащ Кавалера Калиостро!» (1: 388).

Все выделенные эпитетные слова в вышеприведенном фрагменте представляют собой характеристику одного объекта, плаща, отражающего существенные черты личности, максимально детально подмеченные автором.

Как можно было увидеть выше, структура и семантика признаковых слов взаимосвязаны: повторы или окказиональные формы эпитетных слов используются М. Цветаевой с целью передать необходимый смысл, актуализировать признак объекта. Многими исследователями языка М. Цветаевой отмечается такая особенность идиостиля, как семантическая емкость употребляемой ею лексики и идиолекта в целом [12: 38]. В поэтических текстах эта специфика языка проявляется в употреблении не совсем понятных для читателя с точки зрения семантики атрибутивных фраз, в которых в спрессованном виде содержится большой объем информации: это и окказиональная номинация объекта, и его оценка, и игра смыслов [6: 40].

Отметим такую идиостилевую черту, как присутствие в прозе М. Цветаевой языкового комментария, расшифровки смысла слова. Комментарий, вводимый в текст с помощью признаковой лексики, является яркой чертой ее текстов. Уточнение может быть прямым или косвенным, намекающим, ироничным; оно может быть заключено в скобки, выделено тире или, при особой экспрессии, употреблено с восклицательным знаком. Данный факт связан с повышенной

языковой рефлексией поэта, особенно это заметно в прозаических текстах, где делаются попытки прокомментировать свое высказывание, пояснить, а иногда и развить мысль далее. Такие интересные особенности идиостиля подтверждают мысль об огромном внимании М. Цветаевой к слову, о сложном творческом процессе подбора нужного слова в конкретной ситуации.

Рассмотрим несколько контекстов, в которых содержатся примеры авторского комментария с использованием эпитетных слов. Внимание к внутренней форме слова дает возможность построить фразу на игре слов: «*нет стихов без чар (не очарованы, а чарованы)*» (7: 557).

Уточнение признака дается в скобках, причем иногда оно нарочито одинаковое: «*Есть другой день: злой (ибо слеп), действенный (ибо слеп), безответственный (ибо слеп)*» (5: 239).

Авторская этимология признакового слова также находит свое выражение в прозе поэта: «*не ведомый, т. е. безвопросный, неспрашивющий* (о толковании слова *неведомый*)» (6: 321), «*Ибо колыбель – единственная достоверная вселенная: несбывшийся, т. е. беспредельный человек*» (6: 246).

В ходе краткого обзора самых ярких закономерностей образования и употребления эпитетных слов была замечена тенденция к антропоморфизации признаковых характеристик, а также к различным способам актуализации признака путем его уточнения, комментария, выдвижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет говорить о центральном положении эпитета и эпитетного комплекса в текстах Марины Цветаевой. Эпитетные признаковые слова способны описать практически неограниченное число реалий; специфика употребления данного пласта лексики М. Цветаевой состоит в преобладании лексем антропоцентрической семантики, активном конструировании окказиональных форм эпитетных слов, расширении семантики атрибутивных конструкций. Часто именно эпитетные комплексы становятся центральной частью высказывания, в них заключен основной смысл.

Структурно-семантические особенности эпитетных слов состоят в наличии большого числа окказиональных форм атрибутивных конструкций, что связано с авторской установкой на выражение сложного смысла, в котором заключены мысли, оценки, эмоции. Богатство и разнообразие структурных типов эпитетных комплексов подтверждает мысль цветаеведов о повышенной языковой рефлексии поэта.

Языковая емкость также связана с предыдущей особенностью текстов поэта: в поэтических текстах она выражается в атрибутивной характеристике объекта эпитетации; в прозаических же текстах богато представлены средства ввода комментария в текст с помощью тире, скобок и т. д.

Наряду с представленными выше выводами, отмечается потребность в дальнейшем анализе идиостилевой специфики признаковых слов в текстах М. Цветаевой с целью комплексного и многоаспектного исследования ее идиолекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. I. 320 с.
- ² Там же. С. 39.
- ³ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994–1995. Т. 1–7. В статье цитаты заключены в круглые скобки с указанием тома и через двоеточие страницы.
- ⁴ Словарь поэтического языка Марины Цветаевой... С. 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 303 с.
2. Булахова Н. П., Сковородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 406 с.
4. Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы: Монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.
5. Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 33–41.
6. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
7. Ибатуллина Г. М. Аполлоническое и дионаисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов – как семь колоколов...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 1. С. 23–27.
8. Кирков Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
9. Лободанов А. П. К исторической теории эпитета (античность и средневековье) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 3. С. 215–227.
10. Могушкова Т. С. Сборник стихов «Вечерний альбом» Марины Ивановны Цветаевой // Вестник науки. 2021. Т. 3, № 4 (37). С. 26–30.

11. Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 3–12.
12. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. С. 5–40.
13. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке: Монография. Киров: ВятГГУ, 2004. 344 с.
14. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
15. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка: М., 2014. 349 с.
16. Хазагеров Т. Г., Ширяина Л. С. Общая риторика: Курс лекций: Словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Sergey A. Gubanov, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
International Market Institute (Samara, Russian Federation)
gubanov5@rambler.ru

EPITHET WORDS IN MARINA TSVETAEVA'S TEXTS: FORMING AND FUNCTIONING

Abstract. The study presents the analysis of epithet words from the standpoint of their formation and functioning in the texts of Marina Tsvetaeva. The relevance of this work lies in the insufficient knowledge of the system of indicative words in her texts. The novelty of the research is determined by using the cognitive semantic approach for the analysis of the selected material, which traces the patterns of formation and use of epithets and attributive structures in Tsvetaeva's texts. The research material was the poetry and prose of Marina Tsvetaeva, whose works are full of non-standard ways of expressing attributes through epithets, with clarification and detailed elaboration of attributes being a characteristic feature of the poet's idiom. The author emphasizes the metonymic logic in the transfer of attributes. The aim of the study was to identify the idiolectic specifics of the formation and use of attributive words. The author offers and substantiates the hypothesis that Marina Tsvetaeva's works are centered around epithets as a universal means for characterizing objects. The conclusions confirm that attributive words take a leading role in Tsvetaeva's texts. Epithet words, occasional in their form and content, reflect one bright feature of the poet's idiom – her language reflection.

Keywords: epithet, Marina Tsvetaeva, epiphrase, image, idiolect, idiom, metonymy

For citation: Gubanov, S. A. Epithet words in Marina Tsvetaeva's texts: forming and functioning. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):29–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.748

REFERENCES

1. Arnol'd, I. V. Stylistics of the modern English language. Leningrad, 1981. 303 p. (In Russ.)
2. Bulakhova, N. P., Skovorodnikov, A. P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2017;2(9):122–143. (In Russ.)
3. Veselovsky, A. N. Historical poetics. Moscow, 1989. 406 p. (In Russ.)
4. Gubanov, S. A. Theory of epithets: main approaches. Samara, 2016. 144 p. (In Russ.)
5. Gubanov, S. A. Language reflection in Marina Tsvetaeva's works: attributive words. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2021;3(42):33–41. (In Russ.)
6. Zubova, L. V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect. Leningrad, 1989. 264 p. (In Russ.)
7. Ibatullina, G. M. The Apollonian and the Dionysian in M. Tsvetaeva's poem "Seven hills – just like seven bells!". *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2020;13(1):23–27. (In Russ.)
8. Kirov, E. F. Discourse seme and megaepithet in discoursology. *Kazan Science*. 2019;3:93–95. (In Russ.)
9. Lobodanov, A. P. Historical theory of epithets (antiquity and the Middle Ages). *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Literature and Languages*. 1984;43(3):215–227. (In Russ.)
10. Mogushkova, T. S. The collection of poems "Evening Album" of Marina Tsvetaeva. *Bulletin of Science*. 2021;3;4(37):26–30. (In Russ.)
11. Raevskaya, O. V. Some types of discursive metonymy. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Languages*. 1999;58(2):3–12. (In Russ.)
12. Revzina, O. G. Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language. *Dictionary of Marina Tsvetaeva's poetic language*: In 4 volumes. Vol. I. Moscow, 1996. P. 5–40. (In Russ.)
13. Sandakova, M. V. Metonymy of adjectives in the Russian language. Kirov, 2004. 344 p. (In Russ.)
14. Tomashovsky, B. V. Literary theory. Poetics. Moscow, 1996. 334 p. (In Russ.)
15. Fadieva, T. M. Complex epithets in the artistic space of the Russian language. Moscow, 2014. 349 p. (In Russ.)
16. Khazagerov, T. G., Shirina, L. S. General rhetoric: Course of lectures. Dictionary of rhetorical devices. Rostov-on-Don, 1999. 320 p. (In Russ.)

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 February, 2022

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА МУХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5922-8558; kareliaptz@mail.ru

КОНЦЕПТ *ВРАГ* В ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Аннотация. Человек, являясь уникальной личностью, все чаще становится важнейшим объектом исследования современной лингвистики, базирующейся на позициях антропоцентризма. Данный подход способствует развитию лингвокультурологии – научной области, рассматривающей явления языка в неразрывной связи с культурой и историей развития этноса. В этом случае концепт определяется в качестве некой ментальной единицы, имеющей ценностную, образную и понятийную составляющие. Этноисторическое видение русского народа находит свое отражение в произведениях устного народного творчества. Материалом для нашего исследования послужили фольклорные эпические, лиро-эпические и лирические духовные стихи, изданные в период с XIX по XXI век. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью жанра духовных стихов, в том числе и с точки зрения функционирования концептов. Научная новизна заключается в описании части лингвокультурного пространства русского народа на примере функционирования концепта *враг* в духовных стихах, определении структуры концепта. В качестве метода концептуального исследования в работе используется анализ словарных дефиниций, метод этимологического анализа, контекстуальный анализ. Делается вывод о том, что концепт *враг* употребляется в значениях, не соотносимых с современными толкованиями, что связано с жанровой принадлежностью произведений, отражающих средневековое христианское мировоззрение.

Ключевые слова: язык фольклора, духовные стихи, концепт *враг*, языковая картина мира, лингвокультурология

Для цитирования: Мухина Е. А. Концепт *враг* в духовных стихах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 34–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.749

ВВЕДЕНИЕ

Мнение о том, что формирование и развитие человека происходит в пространстве языка и культуры, уже является неоспоримым фактом, поэтому в цикле гуманитарных наук своеобразная призма «человек – язык – культура» давно стала выступать отправной точкой в исследовании языка. Неоспоримым является и тот факт, что в языковом сознании народа находит отражение картина мира, которая является совокупностью образов действительности. Действительность же представляется динамической системой дискретных ментальных образований, фиксирующих значимые фрагменты мира и аспекты бытия. Язык выступает как средство доступа к ментальным процессам, определяющим и существование человека, и его поведение в обществе (см., например, работы В. фон Гумбольдта [8], Н. Д. Арутюновой [3], В. Н. Телия [18], Е. С. Кубряковой [12] и др.), а владение языком

предполагает концептуализацию мира. В этой связи как концепт все чаще рассматривается абстрактная лексическая единица ментального лексикона, которую человек использует в процессе познания и осмысливания знаний о мире.

Многочисленные работы, связанные с изучением концепта, не дают однозначного ответа на вопросы, что понимается под концептом, какова его связь со словом, понятием и т. п. (С. А. Аскольдов [4], В. В. Колесов [9], Д. С. Лихачев [13], Ю. С. Степанов [16], Л. В. Савельева [15] и др.). Противоречивы и исследования, посвященные изучению структуры концепта, хотя здесь можно и нужно отметить признание лингвистами его многокомпонентности (Н. Н. Болдырев [6], С. Г. Воркачев [7], В. И. Карасик [1] и др.). В обобщенном виде концепт может быть рассмотрен как пропущенное через чувственный образ понятие. Рождаясь в сознании индивида как образ, который вербализуется с разной

степенью точности, концепт может быть исследован с точки зрения лингвистики.

В последнее время в отечественной лингвистике активно создаются словари концептов русского языка (см., например, [1], [10], [17]), отражающие концептуализацию разных сфер жизни человека, например, интеллекта и интеллектуальной деятельности, речевой деятельности, физических состояний и процессов, бытовой сферы и т. д., но не включающие рассматриваемый нами концепт.

Концепт *враг* уже становился предметом изучения: на материале лингвистических и политических словарей было определено место концепта в этнокультурном сознании носителей языка, установлены компоненты его ядра [5]; рассмотрено функционирование концепта во внутренней и внешней лингвистике, выявлены его лексико-семантические и функционально-прагматические особенности [14]; проанализировано место концепта с точки зрения интерпретационной парадигмы социально-философского знания [11], концепт был рассмотрен в рамках дискурса войны [12] и т. д.

КОНЦЕПТ *ВРАГ* В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Являясь ключевой категорией национальной речемысли, концепт имеет свою предысторию, которая находит отражение в этимологических, исторических словарях и других ранних лексикографических источниках. Рассмотрим некоторые из них.

В этимологических словарях русского языка указывается на общеславянское происхождение лексемы и устанавливается ее родство с лексическими единицами как славянских, так и неславянских языков:

«*враг* II., род. п. *врага*, *вражий*, прилаг. Ввиду наличия -ра- заимств. из цслав.; см. *вóрог*»; «*вóрог* “враг; нечестный, черт”, *ворóжий*, укр. *вóрог*, блр. *вóрог*, др.-русск. *ворогъ*, ст.-слав. *врагъ* ёхθρός (Клоц., Супр.), болг. *враг*, сербохорв. *врāг*, словен. *vrag* “дьявол, черт”, чеш. *vrah*, слвц. *vrah* “убийца”, польск. *wróg*, род. п. *wroga* “враг”. Родственно лит. *vargas* “беда, нужда”, лтш. *vārgs* 1. “болезненный, хилый; жалкий, убогий”, 2. “беда, бедствие”, др.-прусск. *wargs* “злой”, лит. *vairgti* “бедствовать”, лтш. *vārgt* “захнуть, прозябать”, лит. *vėrgas* “раб”, далее, возм., гор. *wrikan* “преследовать”, *wraks* “гонитель”, лат. *urgeō* “теснить, гоню”, но едва ли к др.-инд. *raγāy* “отверженный” <...>»¹.

«*Враг*. Заимствование из старославянского* восходит к общеславянской основе *vorgb*, родственного древненемецкому *wargs* – “злой” и готскому *wrikan* – “преследовать”»²;

«*Враг*. Заимств. из ст.-сл. яз. Ст.-сл. *врагъ* < общеслав. **vorgb* (ср. исконно русск. *ворог* – “дьявол, черт, не приятель, враг”), родственного др.-prus. *wargs* – “злой”,

готск. *wrikan* – “преследовать”, лат. *urgere* – “теснить, угнать, гнать”»³.

Обращает на себя внимание значение «нечистый, черт, дьявол», свойственное восточнославянским языкам. Данное толкование отражено и в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского⁴, и словаре В. И. Даля⁵. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» даны следующие значения: «1. *Враг, недруг, противник*; 2. *Бес, дьявол*; 3. *Еретик, отступник; безбожник*»⁶.

Сопоставление словарных статей толковых словарей XX–XXI веков («Большой толковый словарь русского языка»⁷; «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой⁸; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова⁹; «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой¹⁰; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева¹¹; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова¹²) позволяет выделить общие дефиниции лексемы *враг*:

- 1) тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-либо или с чем-либо; противник, недруг;
- 2) военный противник, неприятель;
- 3) то, что приносит зло, вред.

В некоторых словарях («Большой толковый словарь русского языка»; «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой) ряд значений расширен за счет толкования «бес, дьявол, черт» с пометой *разг. или устар.*

КОНЦЕПТ *ВРАГ* В ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Концептосфера языка и концептосфера фольклора, оперирующие одними и теми же языковыми единицами, не являются тождественными: элементы языка в фольклоре могут утрачивать собственное лексическое значение и приобретать новые валентности в пределах некоторой системы, являющейся замкнутой и определенным образом организованной [2].

Оппозиция *свой / чужой* в фольклорно-языковой картине мира занимает центральное место и реализуется на бытовом и мифологическом, этнически-религиозном, социальном, макро- и микрокосмическом уровнях. Она затрагивает различные плоскости: человеческий / нечеловеческий, профанный / сакральный, близкий / далекий, христианин / нехристи, родной / неродной и др. Концепт *враг* является одним из членов данной оппозиции.

Изучение духовных стихов, представленных в пяти сборниках («Калеки переходные»¹³; «Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв.»¹⁴; «Духовные стихи Русского

Севера»¹⁵; «Сборник русских духовных стихов»¹⁶; «Стихи духовные»¹⁷), показало, что концепт *враг* не является частотным в духовных стихах (записан в пяти сюжетах, около 40 текстов (с учетом вариантов), порядка 30 употреблений) и встречается в текстах, в которых, как правило, ярко представлены антипода в вопросах веры.

В стихе «Егорий Храбрый», в котором речь идет о мучениях Егория за православную веру, четко обозначены два антипода – Егорий и Кудриян. Противопоставление героев проявляется уже в их наименованиях: *святой* – злодей, *Егорий-свет* – Кудреянище-собака, *Егорий-христофорец* – Демьянище-бусурманище, *Егорий* – царинша Грубиянишиша, *Егорий-свет* – неверный и др., отражающих этическую оценку героев. Так, уничтожительное отношение к мучителю Егория выражается не только при помощи словообразовательных средств (суффикс *-ищ-*), но и при помощи расположения лексем, постепенно усиливающих негативную характеристику героя.

Егорий, утверждая христианскую веру, преодолевает заставы, выставленные Кудрияном, и при обращении к ним прямо называет последнего врагом:

«Ой же вы лесы, лесы темные!
Полноте-ко *врагу* веровать!
Веруйте-ко в Господа распятаго,
В самаго Егорья-света Храбраго»¹⁸;
«Ой вы горы, горы высокия!
Полноте-ко *врагу* веровать!
Веруйте-ко в Господа распятаго,
В самаго Егорья-света Храбраго»¹⁹.

Кудриян выступает как иноверец, как враг, исповедующий басурманскую веру:

«Ой вы, гой еси, три отроцы,
Три отроцы царя Федора!
Вы покиньте веру христианскую,
Поверуйте мою латынскую,
Латынскую бусурманскую!
Молитесь богам моим кумирским,
Поклоняйтесь моим идолам!»²⁰.

О враге по вере речь идет и в тех духовных стихах, которые повествуют об Александре Невском как о победителе «нечестивых татар»:

«И наслал Бог на них
Казни лютые,
Казни лютые, смертоносные:
Он наслал-то на святую Русь
Нечестивых людей, татар крымских.
Как и двинулось погано племя
От севера на юг,
Как сжигали-разбивали
Грады многие,
Пустошили-полонили

Земли русские.
Добрались-то они до святого места,
До славного Великого Новгорода.
Но в этом-то граде
Жил христианский народ:
Он молил и просил
О защите Бога вышнего.
И вышел на *врагов*
Славный новгородский князь,
Новгородский князь Александр Невский.
Он разбил и прогнал
Нечестивых татар.
Возвратившись со войны,
Во иночи он пошел;
Он за святость своей жизни
Угодником Бога стал»²¹.

Несмотря на то что Александр Невский не побеждал татар в битве, его историческая заслуга определена тем, что он одолел *врагов* (нечестивых людей, татар крымских, нечестивых татар, т. е. иноверцев) превосходством нравственной силы.

Концепт *враг* находит свое отражение в духовном стихе «О Борисе и Глебе», в котором речь идет об убийстве сыновей крестившего Русь князя Владимира:

«О! Злой ненавистник *враг*,
Властолюбец богомерзкой
Не может смотреть на богодержцёв,
Вложил он Святополку
Помыслити и науцил,
Как Каин на Авеля,
Убить Бориса и Глеба»²²;
«О, злый ненавистник, *враг*,
властолюбец богомерзкий,
Не может зреть Богодержец.
Вложиша воины Святополку,
Помыслиша и научиша,
Иже Каин на Авеля,
Побить Бориса и Глеба»²³.

Обращает на себя внимание как употребление концепта (входит в ряд лексем, характеризующихся пейоративной окраской), так и его значение: здесь речь идет о потусторонних силах, о дьяволе, который внушает Святополку мысль о том, что он должен убить своих младших братьев.

В этом же значении концепт выступает в стихе «Преболезненное воспоминание об озлоблении кафоликов»:

«Попустил Господь такову беду.
Облак темный всюду осени,
Небо и воздух мраком потемни.
Солнце в небеси скры своя лучи,
И луна в ноши зрак свой помрачи,
Но и звезды вся потемниша зрак,
И дневный свет преложися в мрак.
Тогда твари вся ужаснувшись,

Егда адский зверь вся разреши,
От заклеп твердых нагло изскочи.
О коль яростно испусти свой яд
В Кафолический Красный Вертоград.
Зело злобно *враг* тогда возреве,
Кафоликов род мучить повеле»²⁴.

Анализ употребления концепта *враг* показал, что его ядро отражается в определениях «дьявол» и «противник по религиозным вопросам, иноверец». Во втором значении концепт имеет ближнюю периферийную зону, в которую входят слова *татарин* (*татарице*), *басурманин* (*басурманице*), указывающие на людей определенной национальности и веры. В зону дальней периферии входит слово *собака* (*вор-собака*), которое в духовных стихах употребляется как по отношению к неприятелю вообще (см., например, былины), так и к противнику в религиозных вопросах:

«А Егорья-света не уязвило,
Всё тому *татарице* не верует,
Всё тому неверный не почувствовал»²⁵;
«Он того, *собака*, не пытаючи,
Начал Егорья-света мучити
Всякими муками да разноличными»²⁶;

«*Вор-собака* не пытается
Взял Егорья за желты кудри,
Повел его во чисто поле,
Копал Егорью темный погреб-то,
Копал пятьдесят локот,
В ширину копал тридцать локот.
Взял Егорья за желты кудри,
И кидал Егорья в темный погреб-то»²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерным признаком духовных стихов, который объединяет все его виды, является ценностная ориентация, определяющая этот фольклорный жанр и выражающаяся в преобладании этической оценки, которая присутствует во всех текстах этого жанра. Концепт *враг*, являясь одним из членов оппозиции *свой / чужой*, в произведениях данного жанра реализуется на этнически-религиозном уровне. Вопрос веры в той или иной степени находит свое отражение в произведениях жанра: это и стремление героя посвятить свою жизнь служению Богу, и распространение православной веры, и противостояние иноверцам и т. д.

Концепт *враг* находит свое отражение, как правило, в духовных стихах, в которых ярко представлены антиподы в вопросах веры. Изучение концепта позволяет говорить о том, что его функционирование определено жанровой принадлежностью произведений, в которых отражено средневековое христианское мировоззрение, согласно ему *враг* – это человек другой веры или потусторонние силы, враждебно настроенные по отношению к христианину, к тому, кто придерживается истинной веры, поэтому рассматриваемый концепт в произведениях данного жанра выступает в не свойственных современному употреблению данной языковой единицы значениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Пер с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – АЗБУКА, 1996. С. 352, 360.
- 2 Этимологический словарь русского языка / [Сост. Г. А. Крылов]. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. С. 81.
- 3 Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. С. 95.
- 4 Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: репринтное издание: В 3 т. М.: Книга, 1989.
- 5 Даль В. И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: Современное написание: ок. 1500 ил. М.: АСТ, 2006. 349 с.
- 6 Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975–.
- 7 Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word> (дата обращения 12.02.2022).
- 8 Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ: Астрель: Харвест, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/149198/> (дата обращения 12.02.2022).
- 9 Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС» 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. 896 с.
- 10 Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
- 11 Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/> (дата обращения 12.02.2022).
- 12 Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 2000. 1562 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/766062> (дата обращения 12.02.2022).
- 13 Бессонов П. А. Калеки перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова. Ч. 1-[2]. М.: Тип. А. Семена, 1861–1863.
- 14 Голубина книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. ст., примеч. Л. Ф. Солошенко, Ю. С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991. 351 с.
- 15 Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; Сост. нот. прил. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 800 с.

- ¹⁶ Сборник русских духовных стихов / Сост. В. Варенцовым. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1860. 248 с.
- ¹⁷ Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текста и comment. Ф. М. Селиванова. М.: Советская Россия, 1991. 333 с.
- ¹⁸ Духовные стихи Русского Севера... С. 77.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ Голубиная книга... С. 50.
- ²¹ Там же. С. 291–292.
- ²² Духовные стихи Русского Севера... С. 148.
- ²³ Там же. С. 539.
- ²⁴ Там же. С. 188.
- ²⁵ Там же. С. 63.
- ²⁶ Там же. С. 76.
- ²⁷ Там же. С. 52–53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов: [Словарь] / [Науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин]. Иваново: Гнозис, 2007. 511 с.
2. Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: Сб. статей: Материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
5. Бидна О. А. Репрезентация концепта враг в лексикографических источниках русского языка // Язык. Право. Общество: Сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 266–268.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 10–20.
7. Воркачев С. Г. Лингвокогнитивный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.
8. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
9. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Вып. 2. С. 3–40.
10. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): Проспект словаря / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 338 с.
11. Коротченко Ю. М. Валюативный потенциал концепта «враг» // Философский текст в современной текстовой культуре: Материалы всерос. конф. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 222–224.
12. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 203 с.
13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 28–37.
14. Опры Е. С. Репрезентация концепта в языковом и речевом пространствах (на примере концепта враг) // Российская наука в современном мире: Сборник статей XIV междунар. науч.-практ. конф. М.: Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2018. С. 141–143.
15. Савельева Л. В. Языковая экология: русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: КГПУ, 1997. 143 с.
16. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
17. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
18. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, pragmaticальный, культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 248 с.
19. Чернобров А. А., Чучуев Д. О. Лицо врага: концепт «враг» в дискурсе войны 1939–2019 гг. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2019. 148 с.

Поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Elena A. Mukhina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5922-8558; kareliaptz@mail.ru

THE CONCEPT OF ENEMY IN SPIRITUAL VERSES

A b s t r a c t. A person as a unique personality has recently become an important topic of research in modern linguistics based on the position of anthropocentrism. This philosophical belief contributes to the development of linguoculturology, which considers linguistic phenomena in their inseparable connection with the culture and history of an ethnic group development. In this case, the concept is defined as a kind of a mental unit that has value-based, figurative and

conceptual components. The ethnohistorical perception of the Russian people is reflected in traditional oral folk art. The study addressed folklore epic, lyric-epic and lyrical spiritual poems published between the XIX and the XXI centuries. The relevance of the work is determined by the insufficient knowledge of the genre of spiritual poems, especially in terms of concept functioning. The novelty of the research is in that it describes a part of the linguistic and cultural space of the Russian people by taking a look at how the concept of *enemy* functions in spiritual verses. The paper also identifies the structure of the studied concept. The methodology of this conceptual research included the analysis of dictionary definitions, the method of etymological analysis, and contextual analysis. The conclusion is that the concept of *enemy* in spiritual verses is used in such meanings that do not relate to modern interpretations. This is due to the genre affiliation of folklore works – they reflect the medieval Christian worldview.

Key words: folklore language, spiritual verses, concept of *enemy*, language picture of the world, cultural linguistics

For citation: Mukhina, E. A. The concept of *enemy* in spiritual verses. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):34–39. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.749

REFERENCES

1. Anthology of concepts: [Dictionary]. (V. I. Karasik, I. A. Sternin, Eds.). Ivanovo, 2007. 511 p. (In Russ.)
2. Artemenko, E. B. Conceptosphere and the language of folklore: the nature and forms of interaction. *Today's folk culture and the problems of its study: Collection of articles: Proceedings of the research regional conference (2004)*. Voronezh, 2006. P. 138–150. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. Language and the human world. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
4. Askol'dov, S. A. Concept and word. *Russian literature. From the theory of literature to the structure of text: Anthology*. Moscow, 1997. P. 267–279. (In Russ.)
5. Bidnina, O. A. Representation of the enemy concept in lexicographic sources of the Russian language. *Language. Law. Society. Proceedings of the IV international research and practice conference*. Penza, 2016. P. 266–268. (In Russ.)
6. Boldyrev, N. N. Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2016; 4(49):10–20. (In Russ.)
7. Vorkachev, S. G. Linguo-cognitive concept: typology and areas of existence. Volgograd, 2007. 400 p. (In Russ.)
8. Humboldt, W. Language and philosophy of culture. Moscow, 1985. 448 p. (In Russ.)
9. Kolesov, V. V. Concept of culture: image – concept – symbol. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 1992;2:3–40. (In Russ.)
10. The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations (vocabulary, phraseology, and paremiology): Dictionary layout. (L. G. Babenko, Ed.). Yekaterinburg, 2010. 338 p. (In Russ.)
11. Korotchenko, Yu. M. The value potential of the concept of “enemy”. *Philosophical text in modern textual culture: Proceedings of the all-Russian conference*. Simferopol, 2018. P. 222–224. (In Russ.)
12. Kubryakova, E. S. In search of the essence of language: Cognitive research. Moscow, 2012. 203 p. (In Russ.)
13. Likhachev, D. S. The conceptosphere of the Russian language. *Russian literature. From the theory of literature to the structure of text: Anthology*. Moscow, 1997. P. 28–37. (In Russ.)
14. Oprya, E. S. Representation of concept in linguistic and speech space (illustrated by the concept of enemy). *Russian science in the modern world. Proceedings of the XIV international research and practice conference*. Moscow, 2018. P. 141–143. (In Russ.)
15. Savel'eva, L. V. Linguistic ecology: Russian word in cultural and historical coverage. Petrozavodsk, 1997. 143 p. (In Russ.)
16. Stepanov, Yu. S. Concepts. A thin film of civilization. Moscow, 2007. 248 p. (In Russ.)
17. Stepanov, Yu. S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2004. 992 p. (In Russ.)
18. Telia, V. N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and culturological aspects. Moscow, 1996. 248 p. (In Russ.)
19. Chernobrov, A. A., Chuchuev, D. O. The face of enemy: the concept of “enemy” in the war discourse of 1939–2019. Novosibirsk, 2019. 148 p. (In Russ.)

Received: 1 February, 2022; accepted: 25 February, 2022

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДАХ И. И. ДМИТРИЕВА: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Рассматриваются важные в синтаксической организации поэтического текста виды предложений. На материале тринацати од проведён анализ структурных, лексико-грамматических особенностей предложений, а также их участие в формировании риторических фигур. Количественное преобладание восклицательных конструкций связано с влиянием сентиментализма, актуализацией эмоциональных чувств лирического героя. Риторическое восклицание обладает рядом признаков, среди которых наличие междометия, обращения, эмоционально окрашенной лексики, а также незначительная длина предложений. В системе вопросительных предложений выявлены риторические вопросы, а также гипофоры – вопросы, которые предполагают наличие ответа и играют важную роль в сюжетно-композиционной организации поэтического текста. Тесная связь между восклицательными и вопросительными предложениями проявляется в лексико-типологическом сходстве конструкций, графически сопровождаемых разными концевыми знаками, использовании восклицательного знака внутри вопросительного предложения, вопросно-ответных комплексах, в которых ответ представляет собой эмоционально окрашенное предложение. Сравнительный анализ структуры и функционирования конструкций в текстах И. И. Дмитриева и одах М. В. Ломоносова позволяет говорить о преемственности в использовании риторических фигур. Методами исследования являются обзорно-аналитический, классификационный, сравнительно-сопоставительный, стилистический. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью риторических фигур в поэтическом языке XVIII – начала XIX века.

Ключевые слова: И. И. Дмитриев, ода, поэтический синтаксис, вопросительные предложения, восклицательные предложения, риторические фигуры

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Для цитирования: Рожкова А. В. Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750

ВВЕДЕНИЕ

Жанр оды занимает не самое первое место в творчестве И. И. Дмитриева. Талантливый поэт-сентименталист конца XVIII – начала XIX века известен прежде всего как баснописец, автор песен, эпиграмм и мадригалов. Первые сочинения в жанре оды («Глас патриота на взятие Варшавы», «Ермак», «К Волге») И. Дмитриев написал в 1794 году.

Стиль, язык, образы традиционной оды классицизма воспринимались как устаревающие уже в 60-е годы XVIII века, что отразилось в пародиях писателей того времени. И. Дмитриев в своих эпиграммах и сатирах, написанных в 90-е годы XVIII века, также подвергает критике тех по-

этов-современников, «кто в новых условиях продолжал следовать “правилам”, и, подражая образцам, создавал риторические, холодные, “надутые”, лишенные личного начала произведения»¹. В сатире «Чужой толк», являющейся, по определению Г. Макогоненко, эстетической программой И. Дмитриева, поэт, высмеивая одописцев, однако не отрицает существования жанра оды².

Ода как один из традиционных жанров литературы изучена достаточно полно. Структурные, композиционные, содержательные особенности оды рассмотрены в классических трудах Ю. Н. Тынянова [9], Л. В. Пумпянского [6]. Более поздние по времени создания работы

свидетельствуют об интересе исследователей к этому жанру [1], [3], [4], [8], [10].

Одические произведения И. Дмитриева не стали объектом постоянного внимания литературоведов и лингвистов: анализ некоторых сочинений находим в отдельных исследованиях. Г. П. Макогоненко определял одические тексты И. Дмитриева как «обновленные оды»³. По мысли Е. Н. Купреяновой, проявившаяся еще в раннем творчестве ориентация поэта на повествовательный жанр сказалась и на торжественной оде, которая «приобретает в одах Дмитриева характер повествовательного жанра»⁴. Изменения, которые внес И. И. Дмитриев в одический стиль в 90-е годы XVIII века, В. В. Виноградов характеризует так:

«В борьбе с одическим слогом эпигонов ломоносовской школы тогда же определились основные разновидности средне-высокого лирического стиля в творчестве И. И. Дмитриева. Они представляли собой своеобразное смешение речевых форм державинской оды и сентиментальной элегии (в духе Хераскова или Муравьева)» [2: 80].

Соединение разностилевых элементов, воплощение собственного видения оды, ее языка, стиля, способа изложения событий, общей тональности привели к неоднозначному определению жанровой принадлежности одических произведений поэта. Так, произведение «На смерть князя Потемкина» характеризовалось как ода-поэма, ода-элегия [2: 74], элегия⁵; «На мир с Оттоманскую Портою» – как идиллия⁶. Обзор разных точек зрения на жанровую специфику известного стихотворения «Ермак» представлен в статье современных исследователей А. В. Петрова, О. Ю. Колесниковой, которые сами определяют этот текст как лиро-эпико-драматическую поэму с «приметами “нисходящего” жанра – оды и жанра “восходящего” – баллады» [5: 75].

Несмотря на некоторый элемент новаторства, привносимый поэтом в стилистику и поэтику высокого жанра, исследователи тем не менее отмечают тесную связь произведений поэта с одами, созданными его знаменитыми предшественниками. Общеизвестным является факт, что одические произведения И. И. Дмитриева современники считали похожими на тексты Г. Р. Державина. В. В. Виноградов отмечал, что «в одическом стиле И. И. Дмитриева были сильны отголоски и старой, додержавинской традиции» [2: 73]. О связи стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы» с одой М. В. Ломоносова писал Г. А. Макогоненко⁷. Обращение И. И. Дмитриева к высоким лирическим жанрам подтверж-

дает литературную позицию поэта, для которого «не существовало принципиального антагонизма между поэзией классицизма и его стихами»⁸.

В предлагаемом исследовании объектом рассмотрения будут вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева. Сочетание таких конструкций в тексте представляет продолжение традиции, заложенной в одах М. В. Ломоносова. В связи с этим Ю. Н. Тынянов отмечал:

«Отчетливо сознавал Ломоносов интонационное значение “вопрошений” и “восклицаний” <...> Здесь – в соединении принципа смены вопросительной, восклицательной и повествовательной интонации с принципом интонационного использования сложной строфы – и лежит декламационное своеобразие оды» [9: 233].

Особое внимание уделяется риторическим приемам, основанным на использовании восклицательных и вопросительных предложений. Риторика как искусство красноречия связана прежде всего с ораторской речью. О связи ораторской речи и оды писал Ю. Н. Тынянов, отмечая, что «элементы поэтического слова оказывались в оде использованными, конструированными под углом ораторского действия» [9: 230].

Материалом для исследования послужили 13 одических произведений И. И. Дмитриева⁹.

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Вопросительные конструкции в исследуемых текстах распределены неравномерно. В частности, такие конструкции отсутствуют в двух более поздних по времени создания одах: «Стихи» и «Песнь на день коронования».

Структура вопросительных предложений представлена следующими типами:

- 1) простое двусоставное: «Чей сладкий глас несут зефирь?»¹⁰ (Смерть КП);
- 2) осложненное двусоставное: «Давно ль беседовал ты с нами / И лиру испещрял цветами, / Готовясь в кроволитный бой?» (Смерть КП);
- 3) односоставное: «Чей блеск, чью мочь с твоей сравнять?» (Стихи на присоединение);
- 4) осложненное односоставное: «Не твоего ль, Израиль, сына / Чудесно видим между нас?» (Стихи на победу);
- 5) нечленимое: «Но что?» (Стихи на присоединение);
- 6) сложноподчиненное: «Но сею ль жертвою одною / Воздашь, Россия, днесъ герою, / Которым славима была?» (Смерть КП);
- 7) сложносочиненное: «Во сне ли сладком я мечтаю, Иль истину в восторге зрю?» (На мир с ОП);

8) сложное бессоюзное: «*Но где герой? куда скрылся?*» (ОМ);

9) сложное многокомпонентное:

«*То нежным ветерком лобзаем, / То ревом бури и валов / Под черной тучей оглушаем / И отзывом твоих брегов, / Я плыл, скакал, летел стрелою – / Там видел горы над собою / И спрашивал: который век / Застал их в молодости сущих?*» (К Волге).

Одним из средств в системе риторических фигур является риторический вопрос – «грамматический троп, использование формы вопроса в утвердительных или побудительных конструкциях»¹¹. К риторическим отнесем следующие:

«*Не Марса ль в каждом зриш герое? / Не всяк ли рока властелин?*» (Глас патриота), «*–Красуйся, Российская держава! / Чей блеск, чью мочь с твоей сравнять?*» (Стихи на присоединение), «*Кто же росс, кто с сердцем – и хвалю / Твоей не будет умилен?*» (Стихи на всерадостный день), «*Москва, России дочь любима, / Где равную тебе сыскать?*» (ОМ).

В исследуемых текстах преимущественно используется такой тип вопроса, как гипофора – «фигура, состоящая в том, что говорящий задает себе вопрос, для того, чтобы самому же ответить на него»¹². В оде «Ермак» на открывающий текст вопрос в следующем предложении дан развернутый ответ:

«*Какое зрелище пред очи / Представила ты, древность, мне? / Под ризою угрюмой ночи, / При бледной в облаках луне, / Я зрю Иртыш: крутит, сверкает <...>.*»

В этом произведении нередко вопросы сопровождаются ответами. Например: «*И от кого же, о боги! пали? / От горсти русских!...*». Своеобразна организация вопросно-ответного комплекса в финальных двух строфах, содержание которых связано с темой памяти о Ермаке, его подвиге. В предпоследней строфе содержится нанизывание восклицания и вопросов: «*Но что я рек, о тень забвена! / Что рек в усердии моем? / Где обелиск твой – <...>?*». Ответ на последний вопрос структурно продолжает незавершенную строку: «*Где обелиск твой? – Мы не знаем, / Где даже прах твой был зарыт.*». Полагаем, что ответ на первый вопрос дистанцирован и связан с содержанием последнего предложения, занимающего за счет пространной прямой речи часть предпоследней строфы и всю последнюю. Невозможность лирического героя даже «в усердии» описать подвиги Ермака компенсируется творчеством гения стихотворства, у которого есть песнь для прославления героя:

«*Парящий стихотворства гений / Всяк день с Авророю златой, / В часы божественных явлений, / Над прахом плавает твоим / И сладку песнь гласит над ним <...>.*»

Еще одну особенность в использовании вопросно-ответного приема наблюдаем в диалоге двух героев оды «Ермак» – Младого и Старца. Прерывающийся вопрос одного из героев продолжается в реплике второго и является одновременно ответом: «*Но что? ужели стон сердечный / Гонимых будет...? / «Вечный! Вечный!».*». При таком расположении возникает особое экспрессивное напряжение, обусловленное намеренной паузой, неполнотой конструкций и их лексическим составом. Минимальное количество собственно риторических вопросов, использование вопросно-ответных приемов, неполнота и краткость вопросительных предложений определяют языковую особенность произведения «Ермак», которая позволяет говорить об отходе от классического одического канона и ориентации автора на жанровые повествовательные формы.

В оде «Глас патриота», как и в предыдущей, начало текста открывается вопросом и следующим за ним ответом: «*Где буйны, гордые Титаны, / Смутившие Астреи дни? / Стремглав низвержены, попраны / В прах, в прах!.*». Другой вопрос, включенный в прямую речь героев-воинов, дублируется в первой строке следующей строфы:

«*Скажи, скажи, о матерь, нам, / Склоня величественны взоры, / Куда еще лететь орлам? / Куда лететь? кто днесь восстанет, / Сарматов зря ужасну часть?.*»

Подхваченный таким образом вопрос предваряет пространное размыщение автора, содержащее ответы на вопросы: «*Речешь – и движется полсвета, / Различный образ и язык <...>», «Твой росс весь мир дрожать заставит <...>.*»

В оде «Освобождение Москвы» треть предпоследней строфы занимает комплекс из шести следующих друг за другом вопросительных конструкций:

«*Но где герой? куда скрылся? / Где сонм и князей и бояр? / Откуда звучный клик пустился? / Не царство ль он приемлет в дар? – / О! что я вижу? <...>.*». Ответы на вопросы продолжают строфи: «*О! что я вижу? Победитель, / Москвы, отчества спаситель, / Забывши древность, подвиг дня / И вокруг него гремящу славу, / Вручает юноше державу, / Пред ним колена преклоня!.*»

Структурно-грамматическая организация отдельных предложений, а также вопросительных комплексов в произведениях И. Дмитриева имеет сходные черты при сравнении с одами М. Ломоносова. Например, использование рядов следующих друг за другом вопросительных предложений (ср. с описанным выше примером из оды «ОМ»): «*Где ныне похвальба твоя? / Где дерзость? / Где в бою упорство? / Где злость*

на северны края? Стамбул, где наших войск презорство?» (М. Ломоносов, Ода на взятие Хотина)¹³. Для конструкций с наречием где характерен эллипсис, и сходные примеры обнаруживаются в текстах обоих авторов: «Где ныне похвальба твоя?» (М. Ломоносов), «Где Польша?» (И. Дмитриев). Предыдущие исследования показывают, что эллиптические структуры составляют синтаксическую особенность простых вопросительных предложений с наречием где и в текстах других жанров И. Дмитриева [7]. Структурно-грамматические параллели усматриваются в вопросительных предложениях с начальными нечленимыми конструкциями, с частицей ли (ль): «**Но что?** <Внезапно мертв упал...>» (М. Ломоносов), «**Но что?** <ужелиston сердечный...>», «**Но что?** <И ты, страна блаженна...>» (И. Дмитриев), «*Не Марса ль в каждом зришь герое?*» (И. Дмитриев), «*Не Пинд ли под ногами зрю?*» (М. Ломоносов). Примеры вопросно-ответной организации содержания, которые обнаружены в текстах И. Дмитриева, использовал в своих одах М. Ломоносов:

«*Но спешно толь куда восходит / Внезапно мой плененный взор? / Видение мой дух возводит / Превыше Тессалийских гор!*» (Ода на прибытие)¹⁴, «*Что бьет за странной шум в мой слух? / Пустыня, лес и воздух воет!*» (Ода на взятие Хотина).

ТИПЫ И ФУНКЦИИ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В произведениях И. И. Дмитриева восклицательные предложения характеризуются высокой частотой употребления. В среднем 62 % от числа всех предложений в каждом рассматриваемом тексте составляют восклицательные конструкции. Исключением является «Ода П. П. Бекетову», в которой лишь одно восклицательное предложение. Большое количество таких предложений содержится в одах «Песнь на день коронования» (14 из 19), «Стихи на победу» (6 из 8). Иное соотношение наблюдается в многостroфных одах М. В. Ломоносова¹⁵, в которых количество восклицательных конструкций не превышает восьми, а «Ода на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года» включает одиннадцать восклицательных предложений, что также значительно меньше предложений, не имеющих эмоциональную окраску.

Формальным показателем эмоционально окрашенного предложения является восклицательный знак. При анализе грамматической структуры и коммуникативной направленности отдельных

предложений возникает вопрос о последовательности использования автором конечного пунктуационного знака. Сравним два следующих друг за другом предложения:

«*Даруй твой суд царю младому, / Да будет другом правды он; / Любезен добрым, грозен злому, / Дальнейшего услышит стон; / Народов разных повелитель, / Да будет гений-просветитель, / Краса и честь своим странам! Да будут дни его правленья / Для россов днями прославленья / И преданы от них векам*» (Песнь на день коронования).

Синтаксическое, коммуникативное сходство последней конструкции с отдельными простыми частями предыдущего очевидно, однако наличие восклицательного знака в одном случае и отсутствие его в другом заставляют по-разному рассматривать эти предложения по эмоциональной окраске.

В произведениях И. И. Дмитриева находят отражение некоторые особенности пунктуационного оформления, характерные для письма той эпохи. Восклицательный знак может выступать как знак внутренний:

«*Спокойся, мир! то росски чады, / Любители наук и муз, / Летят отважнейшим полетом / Обогатиться новым светом, / Вступить с Уранией в союз*» (Стихи Павлу Первому), «*Всяк подвиг божеству возможен, / Бессмертна! нет тебе препон!*» (Стихи на присоединение).

В таких примерах актуализируется эмоциональная окраска содержания отдельной части предложения. Вопрос об использовании И. И. Дмитриевым восклицательного знака может быть рассмотрен в рамках другого исследования как на материале текстов самого автора, так и в сопоставлении с произведениями поэтов разных периодов. Имеющиеся работы показывают необходимость изучения восклицательного знака в художественном тексте как в диахроническом, так и синхроническом аспектах [11].

Структура восклицательных предложений достаточно разнообразна и включает в себя следующие типы:

- 1) простое двусоставное: «*O, что за гимны слух мой внелет!*» (Стихи на всерадостный день);
- 2) осложненное двусоставное: «*В день сей небесами, / Монархия, ты нам дана, / Бессмертна многими венцами / И боле, чем войной, славна!*» (Стихи на всерадостный день);
- 3) односоставное: «*Прости и к нам твой светлый взор!*» (Стихи на присоединение);
- 4) осложненное односоставное: «*Не кройтесь в глубину, наяды!*» (Стихи Павлу Первому);
- 5) нечленимое: «**Но что!**» (Стихи Павлу Первому);

- 6) сложное бессоюзное: «*Всяк подвиг божеству возможен, / Бессмертна! нет тебе препон!*» (Стихи на присоединение);
- 7) сложноподчиненное: «*Бекетов! малым кто доволен, / Тому век бедным не бывать!*» (Ода П. П. Бекетову);
- 8) сложносочиненное: «*Завоеватель царств преславен; / Но добрый царь – бессмертным равен!*» (Стихи на всерадостный день);
- 9) сложные многокомпонентные предложения: «*Брать крепки грады россам мало, / Рекла – и царства вдруг не стало!*» (Стихи на присоединение).

Среди сложных по структуре предложений встретились такие, в которых конечный восклицательный знак, служащий для обозначения синтаксической границы, подчеркивает особую эмоциональность только последней части. Она представляет собой прямую речь, вводимую в предыдущей части лексемами «говорения, обращения» (далее в примерах выделены):

«*Друг смертных, гений в багрянице, / Глагол его есть глас отрад / Гонимым, сирому, вдовице / И благо миллионов чад; / Талант, достоинства, заслуги / Любимцы суть его и други, / А стражею любовь сердец; / Отвсюду разные языки / Торжественны возносят клики: / О Павел, Павел! наш отец!*» (Стихи Павлу Первому), «*И се невиданы народы / Чрез шумные камчатски воды / С подобличных Кавказских гор / Гласят к ней сердцем и устами: / Владей, как бог незримый, нами!*» (Стихи на присоединение).

В контексте рассмотрения восклицательных предложений является актуальным вопрос о риторическом восклицании. В настоящее время статус этого приема довольно спорный. Как отмечает Г. Г. Хазагеров, «сегодня говорить о Р. в. как о фигуре рано. Его можно рассматривать в ряду квазитропов, т. е. в одном ряду с тропами-жанрами»¹⁶. Дискуссионный аспект отражен и в определении из словаря под редакцией А. П. Сковородникова:

«Риторическое восклицание – термин риторики, трактовка которого в словарях и справочниках либо отсутствует, либо существенно разнится у разных авторов, либо сводится к демонстрации примеров (без дефиниций)»¹⁷.

Следовательно, для решения вопроса об определении границ риторического восклицания необходимо ориентироваться на некоторые признаки. К таким признакам А. П. Сковородникова относит эмоциональность, соответствующую интонацию, местоименные слова в несобственном значении, междометия, обращения, частицы, лексические и синтаксические повторы, особые засыны, начальное место в структуре предложения¹⁸. Пристальное внимание к про-

блеме разграничения восклицательных предложений и собственно риторических восклицаний представляется важным и должно учитываться в исследованиях поэтического языка и при подготовке словарных, справочных изданий на материале стихотворных текстов.

В своей «Риторике» М. В. Ломоносов определял восклицание как «возвышение слова, умно-жающее в уме движение и дела величость изображающее, причем употребляются междометия восклицательные, удивительные и проч.»¹⁹. Конструкции с междометием *о* довольно активны в рассматриваемых текстах И. Дмитриева. (Отметим попутно, что достаточно часто это междометие употребляется и в текстах других жанров, ср.: «*О, грустно воспоминанье!*» (внежанровое стихотворение «Куда мне, сердце страстно...»), «*О, приятна весть!*» (внежанровое стихотворение «К честному человеку»), «*О, дети, дети! как опасны ваши лета!*» (басня «Петух, Кот и Мышонок») и др.). Риторическое восклицание представляет собой односоставное предложение (самостоятельное или в составе сложного): «*О, страшная для нас невзгода!*» (Ермак), «*О радость! <Дайте, дайте лиру...>*» (Стихи). Последний пример с таким лексическим наполнением неоднократно встречается в текстах поэта: «*О радость! о восторг! о слава!*» (Стихи на присоединение), «*О радость! о восторг всеместный!*» (На мир с ОП), «*О радость!..*» (Стихи на всерадостный день). Риторическое восклицание характерно для обращений, выступающих изолированно в качестве элемента текста или осложняющих структуру предложений: «*О Павел! [Ты единственным словом, Не потрясая мира громом, Себя к бессмертным приобщил]*», «*Утеши нас радугой завета, / О бог судеб! о царь царей!*». Риторическое восклицание может быть оформлено как фразеологизированная конструкция: «*О, горе нам!*» или именительный темы: «*О, утро памятно, приятно! / О вечно незабвенный час!*» (ОМ).

Таким образом, представленные примеры, определяемые нами как риторические восклицания, характеризуются следующими признаками: незначительной длиной предложений, экспрессивностью грамматической структуры и особенностями коммуникативной направленности, заключающейся в отсутствии повествовательной установки, что и позволяет актуализировать эмоциональную составляющую. Усилиению эмоциональности способствует также лексическое наполнение структур: это слова, семантика которых содержит положительный или отрицательный оценочный компонент при наименовании

чувства (*радость, горе*), ситуации (*невзгода*), признака (*страшной*) и т. д. Похожий структурно-грамматический и лексический характер имеют отдельные конструкции без междометия: «*Ужасный вид! <они сразились!>*», «*Конец благополучу бегу!*».

ВЫВОДЫ

Обновленные оды И. И. Дмитриева, совмещающие в себе повествовательную установку и сентиментально-элегические интонации, в основе своей сохраняют важные структурные элементы высокой лирической поэзии. Тематические и жанровые особенности рассмотренных текстов определяют обязательное использование в их синтаксической организации вопросительных и восклицательных предложений.

Структурно-типологическое разнообразие характерно как для одних, так и для других предложений, однако в количественном отношении восклицательные конструкции доминируют. Отдельные примеры свидетельствуют о тесном взаимодействии восклицательной окраски и вопросительной интонации. Это проявляется в лексико-типологическом сходстве конструкций, графически сопровождаемых разными знаками (первые два примера), а также в использовании восклицательного знака вну-

три вопросительного предложения: «*Но что?...*» (Ермак), «*Но что!*» (Стихи Павлу Первому), «*О! кто тебе в величию равен?*» (Стихи на присоединение). Взаимосвязь анализируемых конструкций отражается также в уже рассмотренных вопросно-ответных комплексах, когда в качестве ответа выступает эмоционально окрашенное предложение.

Наблюдения за одами И. И. Дмитриева позволили выделить собственно риторические вопросы и риторические восклицания, служащие выразительными ораторскими приемами. Функции большей части вопросительных предложений заключаются в организации вопросно-ответной композиции в построении лирического сюжета. Активность восклицательных конструкций в одах И. Дмитриева можно объяснить «эстетикой чувств» (Г. П. Макогоненко), которой руководствовался поэт при описании важных событий. Восклицательный знак часто выступает как дополнительное графическое средство для актуализации эмоциональной тональности определенной структурно-смысловой части предложения.

Результаты проведенного исследования могут быть учтены в дальнейшем системном изучении тропических средств и фигур поэтической речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макогоненко Г. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 44.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 51, 64.

⁴ Купреянова Е. Н. Дмитриев и поэты карамзинской школы // История русской литературы: В 10 т. Т. В. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М., Л.: АН СССР, 1941. С. 126.

⁵ Макогоненко Г. «Рядовой на Пинде воин»... С. 47.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 52–53.

⁸ Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. М: Правда, 1986. С. 12.

⁹ «Глас патриота на взятие Варшавы» (далее в статье при цитировании – Глас патриота), «Ермак», «Освобождение Москвы» (ОМ), «К Волге», «Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова» (Стихи), «Песнь на день коронования его императорского величества государя императора Александра Первого» (Песнь на день коронования), «Смерть князя Потемкина» (Смерть КП), «Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семгалии к Российской империи» (Стихи на присоединение), «Стихи на победу графа Суворова-Рымникского» (Стихи на победу), «На мир с Отоманскую портою» (На мир с ОП), «Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества» (Стихи на всерадостный день), «Ода П. П. Бекетову», «Стихи его императорскому величеству Павлу Первому» (Стихи Павлу Первому) при восшествии на всероссийский престол» (Стихи Павлу Первому).

¹⁰ Здесь и далее тексты И. И. Дмитриева цитируются по изданию: Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 304 с. Границы строк внутри строфы обозначены косой наклонной чертой.

¹¹ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 275.

¹² Там же. С. 171.

¹³ «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоановне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (далее в статье и примечаниях – Ода на взятие Хотина)

¹⁴ «Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня (1741–1742)» (далее в статье и примечаниях – Ода на прибытие).

¹⁵ Рассматривались оды: «Ода на взятие Хотина 1739 года», «Ода, которую в торжественный праздник высокаго рождения Всепресветлейшаго Державнейшаго Великаго Государя Иоанна Третияго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, 1471 года Августа 12 дня веселящаяся Россия произносит», «Первые трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорскаго Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенныи от всеподданейшаго раба», «Ода на прибытие».

¹⁶ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь... С. 303.

¹⁷ Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и не-дочеты / Под ред. А. П. Сквородникова. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 276.

¹⁸ Там же. С. 279.

¹⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / Академия наук СССР. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 284.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 24–147.
3. Краковяк А. С. Похвальная ода и высокая инвектива: риторические приемы и художественная картина мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 38–43.
4. Матвеев Е. М. Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-синтаксическая формульность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 354–366. DOI: 10.21638/spbu09.2018.303
5. Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 1. С. 74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570
6. Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 30–196.
7. Рожкова А. В. Типология односоставных и двусоставных вопросительных предложений и их роль в произведениях И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 85–89.
8. Травников С. Н., Ольшевская Л. А. «Лавровы вьются там венцы...» (Поэтика «Оды на взятие Хотина» М. В. Ломоносова) // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 213–235.
9. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.
10. Шапир М. И. Ритм и синтаксис ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха) // Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М.: Языки русской культуры, 2000. Кн. 1. С. 161–187.
11. Штультерова А. Восклицательный знак – стилистический и психологический сигнал в стиле художественной литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 218–224.

Поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Anfisa V. Rozhкова, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhкова@mail.ru

INTERROGATIVE AND EXCLAMATORY SENTENCES IN THE ODES OF IVAN DMITRIEV: STRUCTURAL-TYPOLOGICAL AND RHETORICAL ASPECTS

A b s t r a c t. The article deals with the types of sentences that are important for the syntactic organization of poetic texts. The author selected thirteen odes to analyze the structural, lexical and grammatical features of their sentences, as well as their role in the formation of rhetorical figures. The quantitative predominance of exclamatory sentences is associated with the influence of sentimentalism, the actualization of the lyrical hero's emotional feelings. A rhetorical exclamation has a number of features, including the presence of interjections, appeals, emotionally-colored vocabulary, as well as a relatively short length of sentences. The system of interrogative sentences incorporates rhetorical questions and hypophores – questions that assume the presence of an answer and play an important role in the plot and composi-

tion organization of a poetic text. The close connection between exclamatory and interrogative sentences is manifested in the lexical and typological similarity of constructions graphically accompanied by different end signs, in the use of exclamation marks inside interrogative sentences, and in question-and-answer complexes in which the answer is an emotionally-colored sentence. The comparative analysis of the structure and functioning of constructions in the texts of Ivan Dmitriev and in the odes of Mikhail Lomonosov suggests continuity in the use of rhetorical figures. The research methodology included the analytical review method, classification, comparative and contrastive method, and stylistic analysis. The relevance of the research is due to the insufficient study of rhetorical figures in the poetic language of the XVIII and the early XIX centuries.

Key words: Ivan Dmitriev, ode, poetic syntax, interrogative sentence, exclamatory sentence, rhetorical figure

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation's grant No 22-28-00991 (<https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Rozhkova, A. V. Interrogative and exclamatory sentences in the odes of Ivan Dmitriev: structural-typological and rhetorical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750

REFERENCES

1. Alekseeva, N. Yu. Russian ode: The development of the ode form in the XVII–XVIII centuries. St. Petersburg, 2005. 369 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Observations on Ivan Dmitriev's language and style. *Vinogradov, V. V. Selected works. Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol.* Moscow, 1990. P. 24–147. (In Russ.)
3. Krakovskiy, A. S. Ode of praise and a high invective: rhetorical techniques and the artistic picture of the world. *Bulletin of Orenburg State University*. 2010;11(117): 38–43. (In Russ.)
4. Matveev, E. M. Odes by V. P. Petrov and odes by M. V. Lomonosov: Word and rhythmic-syntactic formulas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018;15(3):354–366. DOI: 10.21638/spbu09.2018.303 (In Russ.)
5. Petrov, A. V., Kolesnikova, O. Yu. Ballads by I. I. Dmitriev: genre strategies and tactics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(1):74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.570 (In Russ.)
6. Pumpyansky, L. V. The history of Russian classicism. *Pumpyansky, L. V. Classical tradition: Collection of works on the history of Russian literature.* Moscow, 2000. P. 30–196. (In Russ.)
7. Rozhkova, A. V. One-part and two-part typology of interrogative sentences and their role in Ivan Dmitriev's poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;1(178):85–89. (In Russ.)
8. Travnikov, S. N., Oleshivskaya, L. A. To the poetics of Lomonosov's Hotin's Ode. *Journal of Literary Studies*. 2011;29:213–235. (In Russ.)
9. Tynyanov, Yu. N. Ode as an oratorical genre. *Tynyanov, Yu. N. Poetics. History of literature. Cinema.* Moscow, 1977. P. 227–252. (In Russ.)
10. Shapir, M. I. The rhythm and syntax of Lomonosov's ode (on the historical grammar of Russian verse). *Shapir, M. I. Universum versus: Language – verse – meaning in Russian poetry of the eighteenth, nineteenth and twentieth centuries.* Moscow, 2000. Book 1. P. 161–187. (In Russ.)
11. Shtulaitrova, A. Exclamation mark – stylistic and psychological signal in literary style. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017;2:218–224.

Received: 28 January, 2022; accepted: 25 February, 2022

СОФИЯ СЕРГЕЕВНА БЕЗУКЛАДНИКОВА

аспирант отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Российская Федерация)

sofisbez@gmail.com

КОНСПЕКТ ЗАНЯТИЯ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ (на материале конспектов занятий Сети «Школа цифровых технологий»)

Аннотация. Исследуются варианты языковой реализации инженерного знания для разновозрастной непрофессиональной аудитории. Актуальность определяется невысокой изученностью жанров инженерного дискурса при их интенсивном проникновении в непрофессиональные дискурсы. В работе поднимается проблема гибридизации жанров инженерной дидактики и вариативности структуры их элементов в аспекте дискурсивного единства. Новизну работы обуславливает корпус исследуемых текстов, не вводимых ранее в научное поле. Целью статьи является описание модели жанра «конспект занятия», находящегося на пересечении инженерного и дидактического дискурса. Методологической основой выбрана модель речевого жанра Т. В. Шмелевой, методами исследования стали коммуникативно-прагматический, текстологический, семантический и сопоставительный анализ, использованы приемы количественного анализа. В результате проведенной работы выделены и описаны формальные элементы структуры жанра «конспект занятия», сделаны выводы о возможных причинах вариативности элементов жанровой структуры текстов, перечислены некоторые способы адаптации инженерного знания для детской аудитории.

Ключевые слова: инженерный дискурс, дидактика, жанр, модель речевого жанра

Для цитирования: Безукладникова С. С. Конспект занятия: жанровые особенности (на материале конспектов занятий Сети «Школа цифровых технологий») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.751

ВВЕДЕНИЕ

Усиливающийся интерес к инженерному образованию в последнее десятилетие послужил стимулом к появлению множества организаций, дающих первичные навыки по инженерному и информационно-технологическому направлению. Это школы, кружки, студии, центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), которые приобретают статус федеральных и международных образовательных Сетей. На наших глазах происходит экспансия инженерно-технического образования на аудитории, ранее не являвшиеся его субъектами. В этой связи актуальным становится вопрос реализации инженерного знания через языковые средства для разновозрастной непрофессиональной аудитории.

Обзор источников показал, что инженерный дискурс (ИД) как одна из подсистем современного литературного языка в наше время выходит за рамки узкопрофессиональной коммуникации и становится феноменом повседневной действительности. С появлением новых технологий изменяются дискурсивные практики

и, соответственно, вербальная составляющая дискурса, что в итоге дает возможность точнее описать новые объекты, входящие в нашу жизнь [4]. Как самостоятельная языковая культура инженерная коммуникация подробно исследуется в работах Г. М. Левиной, И. Б. Авдеевой и Т. В. Васильевой [6]. А. В. Мамаева задает коммуникативные основы инженерного дискурса [8]. Другие исследователи фокусируются на отдельных его аспектах. Так, в работах Н. В. Куркан обозначаются границы инженерного дискурса по отношению к научному [5]; Т. В. Васильева выявляет синтаксические конструкции, характерные для подстилей инженерного профиля [3]; О. А. Киба описывает внутреннюю организацию инженерного дискурса [4]; Т. Н. Шумейко рассматривает его жанровое своеобразие [12]; Л. М. Болсуновская исследует взаимодействие различных жанров в рамках инженерного дискурса и описывает оказываемое ими влияние на коммуникацию в профессиональном сообществе [2]. В работах О. Г. Матехиной [9], Т. Г. Овсянниковой [10] и О. С. Серегиной¹

описываются смежные жанры дидактического и инженерного дискурса.

В целом изучение ИД сегодня является значимой исследовательской задачей во многом благодаря тому, что влияние на непрофессиональную аудиторию и его проникновение в непрофессиональные дискурсы становятся все более заметными. Вместе с этим изученность инженерного и инженерно-дидактического дискурса как явления и связанной с ними системы жанров все еще остается невысокой. Так, Л. М. Болсуновская отмечает, что парадигма жанров инженерного дискурса как целостного, комплексного явления окончательно не сформировалась до настоящего времени и требует дальнейших исследований [2]. Попытка решения этой задачи представлена в работах Н. В. Куркан, которая предположила, что инженерный дискурс наряду с периферийными жанрами, характерными и для других дискурсов, обладает самостоятельными ядерными жанрами, выражающими собственные ценности, стратегии, информацию. К таковым исследователь относит, в частности, жанр стандарта [5]. Необходимость изучения инженерной коммуникации как автономной коммуникативной культуры, которая отличается от других научных культур, рассматривает А. В. Мамаева. По ее мнению, инженерной коммуникации свойственные специфические типы организации знаний в рамках образа мира инженера, вследствие чего эта коммуникативная культура имеет особенные формы речевой организации [8]. Таким образом, следуя за А. В. Мамаевой, можно предположить, что «владение русским инженерным дискурсом означает овладение не только суммой инженерных знаний в определенной отрасли, но и способами их выражения на русском языке» [8]. Автор отмечает, что к таким способам следует отнести определенные жанры и стили речи, специальную терминологию и лексико-грамматическое оформление.

Итак, определение жанровой специфики ИД представляется ключевой задачей в работах современных исследователей. Она тем более актуальна, что сегодня мы имеем дело с проблемой полижанровости, гибридизации жанров и описания системы текстов в аспекте жанрового и дискурсивного единства.

На сегодняшний день нет научных публикаций, описывающих жанр «конспект занятия» в рамках инженерно-технического направления, и мы восполняем этот пробел. Существует множество исследовательских работ, посвященных ИД как таковому, в том числе описывающих аспекты обучения будущих инженеров, пре-

имущественно студентов вузов. Инженерная дидактика также представлена в текстах научных публикаций, однако рассматривает в основном психолого-педагогические аспекты проблемы инженерного образования, в том числе школьников. Наиболее близким к предмету нашего исследования является описание жанра «предметный педагогический сценарий», «конспект урока» и «технологическая карта» (например, в работах О. Г. Матехиной, Т. Г. Овсянниковой и О. С. Серегиной), однако он не является частью инженерного и инженерно-дидактического дискурса. Также следует отделить рассматриваемый жанр «конспект занятия» от другого схожего по названию жанра «конспект», который представляет собой вторичный речевой жанр научной сферы общения: краткую запись другого – первичного – текста, устного (конспект лекции, доклада) или письменного (конспект книги, статьи)². Таким образом, жанр «конспект занятия» по направлению «инженерные науки» для школьников на данный момент не представлен в научном поле.

Языковым материалом для изучения жанра конспекта занятия послужил массив из 544 текстов, взятых из пакета методических материалов международной Сети центров инновационного молодежного творчества «Школа цифровых технологий» (ШЦТ), в которой обучаются дети от 6 до 17 лет, а пользователями конспектов выступают студенты (18–22 года) и молодые специалисты (22–35) технического профиля. Объем отдельных текстов конспектов находится в диапазоне от 2 до 27 страниц.

В качестве методологической модели описания была использована модель речевого жанра Т. В. Шмелевой [11], включающая семь конститутивных признаков: коммуникативная цель, образ автора (адресанта), образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное и модусное содержание, языковое воплощение.

Методом исследования корпуса текстов стал коммуникативно-прагматический, текстологический, семантический и сопоставительный анализ. Также были использованы приемы количественного анализа. В результате проведенной работы были обозначены некоторые формальные элементы структуры жанра в рассмотренных текстах.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ: ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИССЛЕДУЕМОГО МАССИВА ТЕКСТОВ

Рассматриваемые тексты образуют 10 подборок, сгруппированных по различным тематикам, называемых кружками. Названия кружков соотносятся с профессиями инженерного и информационно-технологического направления

(например, «Инженеры», «Электроники», «Веб-программисты»), а также встречаются названия групп без указания принадлежности к профессии – «Открыватели» и «Исследователи». Дополнительно каждому кружку присвоена числовая навигация и помета «уровень» (литера). Существуют названия кружков, в которых нет пометы «уровень».

Названия подборок, в которые сгруппированы рассматриваемые нами тексты, представлены в табл. 1. Внутри подборки текстов по кружкам также присутствует деление текстов на модули (М), у каждого модуля есть свой порядковый номер и тематика. Количество рассматриваемых текстов по кружкам и модулям см. в табл. 1.

Таблица 1. Распределение и количественные характеристики текстов по группам кружков

Table 1. Distribution and quantitative characteristics of texts by study groups

Название кружка	М 1	М 2	М 3	М 4	М 5	М 6	М 7	М 8	М 9	М 10	М 11	Всего текстов	Ср. стр.
Открыватели (От)	11	11	11	11	8	4	-	-	-	-	-	56	4
Исследователи 1 (Ис1)	8	8	8	8	8	8	8	8	9	-	-	73	8
Исследователи 2 (Ис2)	8	8	8	8	8	8	8	8	8	-	-	72	6
Исследователи 3 (Ис3)	8	8	6	6	6	8	4	6	4	8	2	66	4
Исследователи 4 (Ис4)	8	8	6	8	4	-	-	-	-	-	-	34	5
Инженеры 1 (Ин1)	9	2	11	7	19	7	18	1	-	-	-	74	16
Инженеры 2 (Ин2)	4	7	3	10	4	3	7	9	-	-	-	47	5
Электроники 1 (Эл1)	6	10	11	12	7	-	-	-	-	-	-	46	7
Веб-программисты 1 (ВП1)	2	4	8	5	7	16	-	-	-	-	-	42	4
Веб-программисты 2 (ВП2)	10	8	8	8	-	-	-	-	-	-	-	34	5

Максимальное количество текстов в жанре «конспект занятия» и конспектов в одном модуле представлено в Ин1 (74 текста), а наибольшее число текстовых подгрупп – в кружке Ис3 (11 модулей). Пакетный подход к созданию, систематизации и хранению представленного корпуса текстов вызвал предположение, что тексты всех документов будут обладать единой структурой, поскольку принадлежат одному жанру, систематизируются по общему принципу для использования в одной организации. Однако последующий анализ показал, что структура текстов разных кружков различается.

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ: ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА И КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЖАНРА «КОНСПЕКТ ЗАНЯТИЯ»

Поскольку в исследовании жанр «конспект занятия» анализируется через языковую реализацию в тексте, мы перевернули модель Т. В. Шмелевой для сохранения логики описания: сначала изучается языковая специфика текста через композиционные элементы, а далее описываются конститтивные признаки жанра.

Языковая специфика композиционных элементов конспекта

Среди всего массива текстов были выделены композиционные элементы, образующие вариативную схему жанрового шаблона конспекта занятия:

- 1) заголовочный комплекс;
- 2) организационный блок;
- 3) тематический блок;
- 4) сообщение о самостоятельной работе;
- 5) завершающий блок.

В исследуемых текстах предполагаемая единная структура давала варианты, отдаляющие систему текстов от унифицированной, ожидаемой изначально. Рассмотрим основные композиционные элементы и варианты их реализации в текстах разных групп (кружков).

Заголовочный комплекс

Одним из главных структурных компонентов текстов является заголовочный комплекс. Он номинирует тему конспекта и обозначает место документа в системе текстов. В массиве проанализированных текстов заголовок имеют 97,1 % документов (16 текстов не имеют никакого заглавия).

Наиболее полно компоненты заголовочного комплекса реализованы в конспектах Ин 1–2-го уровня, Эл1, ВП 1–2-го уровня.

Также были выделены несколько основных текстовых блоков схожего содержания, характерных для большинства конспектов.

Организационный блок

Организационный блок – это часть исследуемого текста, посвященная организации занятия до того момента, когда начнется трансляция основной темы конспекта. В исследуемой подборке наблюдается преимущественно императивная модальность коммуникации. Встречается два типа оформления текста организационного блока – табличный и собственно текстовый. Акцентировать на этом внимание представляется важным из-за разнонаправленной адресации. В таблицы заносится текст, маркирующий техническое оснащение занятия (что приготовить до начала работы с детьми). Адресатом такого сообщения являются преподаватель и организатор занятий центра. В тексте появляются неунифицированные характеристики перечисляемых объектов (например, «скотч тонкий 19 мм» и «скотч прозрачный тонкий»). Коммуникативное намерение адресанта – предупредить возможные вопросы, сделав текст организационного блока однозначным [11]. Различие в характеристиках перечисляемых объектов может косвенно указывать на разное авторство конспектов в кружках и модулях. Прочий текст организационного блока, не оформленный в таблицы, описывается в виде алгоритма:

«Приветствие. Преподаватель рассказывает о себе, просит детей представиться. Рассказать, что в ШЦТ они узнают о роботах всё, научатся их создавать и каждый сделает своего! Цель – заинтересовать, увлечь детей. Отметить присутствующих».

Варианты номинации этапов занятия, в том числе организационного блока, указаны в табл. 2.

Наиболее подробно организационный блок представлен в текстах От, Ис 1-4 и Ин 1-2. В них подробно объясняется, что нужно сделать до начала занятия и в первые минуты. Также здесь акцент сделан на приемы формирования группы, развитие групповой динамики.

В текстах Эл1 и ВП 1-2 объем организационного блока сводится до комментария или перечня ключевых слов занятия. В нем отсутствуют советы по работе с группой детей, не указывается список необходимых материалов.

Тематический блок

Эта часть конспекта непосредственно посвящена теме, анонсированной в заголовочном ком-

плексе или организационном блоке. Тексты тематических блоков кружков можно разделить на две большие категории: речевые модули и инструкции.

Речевые модули – это тексты, адресатами которых являются дети. Функция этих текстов – регулирование коммуникации между преподавателями и детьми, а также реализация методической стратегии конспекта.

Инструкции адресованы преподавателям и представляют собой пошаговые описания действий педагогов или детей. Функция инструкции – передача оптимального способа действий для получения запланированного результата занятия.

Организация текста в рамках тематического блока в исследуемой выборке различается, однако прослеживается ряд общих компонентов: актуализация имеющихся знаний, объяснение новой темы, самостоятельная работа.

Актуализация имеющихся знаний – это этап, который в тексте описан как повторение пройденного материала или запрос на вербализацию имеющихся у детей знаний по предложенной преподавателем теме. Обособленное выделение этапа актуализации присутствует в тексте конспектов Ин 1-2 и Эл1:

«Рассказать правила безопасности при работе с паяльником и другим электрооборудованием. Материалы для подготовки в файле “ТБ и Теория пайки” находятся в папке “Дополнительные материалы”».

Этап актуализации знаний отсутствует в текстах От, Ис 1-4 и ВП 1-2. Это может быть связано с характером занятий в рамках этих кружков и результатом: одно занятие – один законченный продукт, который частично или совсем не связан с предыдущими темами занятий. В кружках Ин 1-2 и Эл1 каждое занятие является продолжением предыдущего, поэтому появляется обособленный текстовый модуль «Повторение».

Следующим структурным элементом тематического блока является этап *объяснения новой темы*. Он содержит основной теоретический материал по теме конспекта. Во всех кружках эта часть сочетает в себе как текстовую, так и графическую информацию. Варианты номинации этого этапа представлены в табл. 2.

Также в текстах конспектов Ин1, Ис1 и Эл1 текст теоретического блока избыточен и не может быть озвучен в указанный тайминг. Вероятно, составители конспектов этих кружков намеренно создают информационное поле, в котором адресат-педагог может реализовывать различные коммуникативные стратегии в общении с детьми.

Особняком стоят конспекты кружка ВП 1-2. В них теоретический блок представляет собой инструкцию с комментариями, но адресатом блока выступают не дети, как в остальных случаях, а преподаватели. Цель этих конспектов – объяснить ведущему принцип работы функций программного кода, чтобы затем он мог проверять и исправлять код, написанный учащимися.

Основные способы описания содержания темы: характеристика терминов, предметов и явлений; примеры из профессиональной сферы и повседневной жизни; формулы, технические описания команд, программный код; алгоритм и классификация возможных действий; пояснения к изображениям, комментарии к формулам и программному коду.

Сообщение о самостоятельной работе

В тексте маркируется как «Самостоятельная работа» или «Практическая часть I, II» во всех конспектах. Задание часто описано в блоке

объяснения новой темы, а в этап самостоятельной работы выносится организационное сообщение для педагога: «Ребята выполняют задания на слайде самостоятельно. Ответы рассматриваем после проверки задания у каждого ученика».

Завершающий блок

Этот блок выполняет функцию маркирования конца конспекта и описывает действия, которые преподаватель рекомендует сделать детям в последние пять минут занятия (или автор конспекта адресату). Содержание блока одинаково для конспектов одного кружка. В табл. 2 обозначены композиционные элементы конспекта и их названия, специально выделенные адресантом. Те части конспекта, которые присутствуют в основном тексте, но не выделены собственным заголовком, не будут иметь названия. Столбец «Есть» маркирует присутствие этапа в основном тексте конспекта, столбец «Заголовок» описывает выделенный разработчиками заголовок этапа.

Таблица 2. Номинации этапов занятия в тексте конспекта
Table 2. Categories of lesson stages in the lesson synopsis text

Кружок	Этапы занятия в тексте конспектов							
	Орг. блок		Новая тема		Практика		Завершение	
	Есть	Заголовок	Есть	Заголовок	Есть	Заголовок	Есть	Заголовок
От	Да	Организационный момент	Да	Теоретическая часть	Да	Практическая часть	Да	Завершение работы
Ис 1-4	Да	Организационный момент	Да	Теоретическая часть	Да	Теоретическая и практическая часть	Да	Завершение работы
Ин 1-2	Да	Начало занятия. Приветствие, настройка на занятие. Отметить присутствующих. Повторение	Да	Объяснение новой темы	Да	Цели и задачи. Самостоятельная работа	Да	Подведение итогов. Уборка рабочего места. Окончание занятия
Эл 1	Да	Структура занятия. Тезисы занятия	Да	Объяснение новой темы	Да	Нет	Да	Завершение занятия
ВП 1-2	Да	Важное примечание. Важное замечание	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет

Таким образом, из табл. 2 становится понятно, что не во всех конспектах сохраняется формальное структурирование текста через название этапов, одинаковые этапы имеют различные названия в разных группах текстов (кружках). Содержательно все этапы присутствуют, хотя и без явного перехода от одного к другому. Также можно увидеть, что в рамках одного этапа содержание может дробиться на несколько заголовков и их употребление нестабильно даже в пределах одной группы (кружка).

Конститутивные признаки жанра

Далее вернемся к традиционному порядку описания модели жанра Т. В. Шмелевой и выде-

лим конститутивные признаки жанра «конспект занятия» инженерно-дидактического дискурса.

Коммуникативная цель

Тип документа «конспект занятия» можно отнести к прикладному дидактическому типу материалов, поскольку в нем описывается технология обучения группы детей навыкам или знакомство с определенным теоретическим материалом через эксперименты по каждой конкретной теме³.

Коммуникативная цель жанра, существующего в рамках рассмотренных документов, относится к типу императивных и информативных [11], перечисляет и описывает необходимые и желательные действия участников коммуникации.

Отличительным признаком документов этого жанра должна являться универсальность структуры всех компонентов и используемого языка, поскольку назначение текстов этого жанра – организация занятий. Тексты должны быть одинаково понятны всем специалистам-инженерам, ведущим занятия в центрах.

Образ автора (адресанта)

Для того чтобы описать создаваемый в тексте конспекта образ автора, перечислим сначала всех акторов, причастных к созданию и реализации конспекта как текста, организующего занятие (в терминах дискурса). Эти роли упоминаются в текстах конспектов, однако их функциональное назначение удалось восстановить из прочих материалов методического пакета:

«Куратор» – наиболее квалифицированный специалист-инженер, занимающийся планированием содержания и контролем использования текстов конспектов на занятиях. Задает порядок дискурса. Принимает решения о внесении изменений в структуру или содержание конспектов.

«Разработчик» – автор-инженер, реализующий тематический план занятий в тексте конкретного конспекта. Использует заданный порядок дискурса, вносит изменения в текст конспекта по согласованию с куратором.

«Наставник» – преподаватель, работающий непосредственно с группой учащихся. Роль могут выполнять как инженеры-специалисты, так и педагоги, действующие в рамках инженерного дискурса. В текстах конспектов встречается несколько номинаций роли: «наставник», «учитель», «преподаватель». Чаще других используется слово «наставник», а «преподаватель» – в качестве синонима-заменителя.

«Группа» – учащиеся, посещающие занятия кружка регулярно, по расписанию, одним составом. Часто одного возраста. В текстах может упоминаться отдельный актор «ребенок», но всегда в контексте группы. В ряде текстов встречается градация учащихся по возрасту: «ребята помладше» и «ребята постарше». Эти пометы маркируют часть текста конспекта, в которой алгоритм работы с группой адаптирован под возрастные особенности учащихся. Также это косвенное указание на детей «начинающих» и «более продвинутых» в рамках дискурса, что влияет на языковую реализацию теоретической части и заданий, адаптированных под разный уровень сложности.

«Управляющий» – организатор работы наставников и других сотрудников Центра, занимается

вопросами материально-технического обеспечения учебного процесса.

«Администратор» – сотрудник, занимающийся локальной организацией работы Центра, контролирует расписание и реализацию содержания конспектов на занятиях, готовит материалы, контактирует с учащимися и родителями.

Наиболее редко упоминается роль «родитель», зачастую в контексте обращения к опыту учащихся («Может, вы слышали об этом от родителей?») или в рамках организационной части конспекта («Напомните детям, чтобы обсудили возможность участия в конкурсе с родителями»).

В тексте конспекта автор скрыт и использует конспект как инструмент организации занятия.

Адресантом выступает составитель конспекта (разработчик), который обращается к преподавателю с рекомендациями по проведению занятия. Отношения автора с адресатом косвенно показывают иерархию, в которой автор конспекта занятия более квалифицирован (отбирает содержание для передачи наставнику), а адресату вменяется обязательное использование отобранных материалов на занятии. Автор также задает формат коммуникации преподавателя с детьми. Например, на этапе актуализации перечисляет конкретные вопросы в формулировках, которые помогут детям вспомнить материал прошлого занятия:

«Наставник спрашивает у ребят – как можно измерять расстояние до объектов? Какие, кроме ультразвукового, еще известны датчики расстояния? Какой из настоящих проектов ребят можно укрепить датчиком расстояния HC-SR04?».

На этапе завершения занятия автор конспекта предлагает вопросы, которые позволяют преподавателю услышать рефлексивную оценку работы учащихся:

«Затем проводится «Ретроспективное совещание», на котором команда, завершившая Сprint, делится впечатлениями, что вышло быстро, на что потребовалось дополнительное время, что не получалось и т. п.».

Образ адресата

Прямыми адресатами текстов является преподаватель (наставник). В тексте заметен значительный объем императивной лексики, направленной на преподавателя и «высвечивающей» адресата текста («вспомни с детьми, что на прошлом модуле изучали 2D проектирование», «спроси детей, какой, по их мнению, следующий этап»). Используются формы глаголов как во 2 лице ед. ч. («задай вопрос», «отметь», «организуй» и др.), так и в форме коллективной адресации в 1 лице мн. ч. («отпускаем», «показываем», «объясняем»). Адресация через глаголы

во 2 лице ед. ч. характерна для групп конспектов «младших кружков» («Открыватели», «Исследователи» 1-3), а использование 1 лица мн. ч. – для более «старших» учащихся («Инженеры» 1-2, «Электроники»). В конспектах кружка «Веб-программисты» используются формы глаголов 3 лица ед. ч. («наставник приветствует детей», «ребенок объясняет код»).

Косвенным адресатом текстов являются учащиеся кружка. Это видно по включениям в текст готовых речевых шаблонов для преподавателя, которые используются для установления коммуникации с группой. В тексте эти фрагменты выделены кавычками, знаком тире или абзацным пробелом («Знаете ли вы, что такое рупор? С помощью этого приспособления и удивительных свойств воздуха вас сможет услышать любой человек, отошедший на расстояние более 20 шагов»). Косвенная адресация обнаруживается и в пометах-отсылках к материалам с градацией уровня сложности («Для ребят постарше предлагаем схему посложнее», «Рис. 1: примеры для младших» и т. д.).

Специфика исследуемых материалов состоит в том, что конспекты предназначены для массового использования в рамках международной Сети центров, вследствие чего должны быть универсальными для преподавателей разного уровня подготовленности. Этим объясняется их информационная избыточность: речевые модули для преподавателя, многочисленные уточнения в теоретическом материале, пояснения-отступления в алгоритмах практической части используются для решения возникающих у детей сложностей, при ответах на вопросы и т. д. В этом проявляется дидактический дискурс, дополняя инженерное содержание конспектов.

Образ прошлого

С композиционной точки зрения образ прошлого представлен разделами «Повторение» и «Завершение занятия». Также в теоретические блоки первых конспектов каждого модуля добавлены комментарии по истории развития рассматриваемого явления или объекта, выраженные с помощью глаголов прошедшего времени: «открыл», «исследовал», «появилось». Образ прошлого создается через конструкции «условие в прошедшем времени – номинация действия в настоящем времени»:

«когда все проекты определены и команды сформированы, команды приступают к формированию задач на Trello», «после того, как написали программу для мигания светофором, выполняем следующие задания индивидуально».

Образ будущего

Прагматическое назначение конспекта занятия – обозначить цель и структуру занятия для преподавателя и группы. Образ будущего создается за счет описания желательного результата и способов его достижения в рамках текущего занятия («наша галерея будет на дополнительный странице»), в перспективе обретения конкретного инженерного навыка («научившись паять, вы сможете сами чинить себе наушники и мелкую технику») и развития техники вообще («к настоящему времени нет даже примерного понимания, сколько колонистов потребуется, какой уровень терраформирования будет достигнут до того, как колония станет самостоятельной»).

Образ будущего также транслируется через советы и предостережения, которые составитель конспектов адресует наставнику («На первых порах детям трудно будет самим включать сервис. Вам нужно подробно показать, как он работает и что от них требуется. Через несколько занятий дела будут обстоять лучше»). В этом формате предостережения также прослеживается влияние дидактического дискурса, выраженного в акцентировании внимания на способах устранения потенциальных проблем у детей во время занятия.

Диктумное содержание

Диктумное содержание жанра «конспект занятия» опирается на образ будущего, в котором адресант через текст дает советы преподавателю, как достичь цели занятия. В рамках подборки диктум не выражается в форме приказа, в основном он представлен предостережениями и разрешениями, что делать в том или ином случае:

«При проектировании смотри, чтобы дети использовали как можно больше инструментов, а не обходились двумя», «Если ученик считает, что закончил построение модели, то можно усложнить ему домик. Добавить несколько этажей или другие элементы конструктива».

Это указание на гибридную дискурсивную природу жанра, сочетающую в себе инженерное содержание, «смягченное» дидактической формой. Диктум инженерного дискурса проявляется через использование терминов, специализированной лексики, алгоритмов выполнения заданий, а также предостережений относительно техники безопасности, реализующихся через запреты или предписания в отношении действий детей («обязательно всем надеть защитные очки перед пайкой!», «запрещено

подходить к работающему станку ближе 40 см» и др.).

Модус выражен преимущественно в текстах конспектов «младших кружков». Субъективная оценка диктумного содержания вводится через речевые модули преподавателя, адаптирующего инженерное знание для неподготовленной детской аудитории, в том числе через примеры из профессиональной сферы или обыденной жизни, иногда с включением разговорной лексики:

«Вот тут и вовсе все глухо. Вроде как в теории есть идеи, есть отдельные реализованные звенья, но не более того. В результате мы имеем ощущение, что вроде бы все почти готово, а на самом деле это не так».

Наиболее часто модус реализуется в теоретической части конспекта и завершающем блоке. В конспектах «старших кружков» модус не проявлен.

Языковая реализация

Грамматические и лексические средства реализации речевого жанра «конспект занятия» инженерно-дидактического дискурса частично были представлены при анализе других компонентов модели. Основная цель текстов – организация занятия по инженерной тематике – выражена через:

- 1) глаголы действий в рамках педагогического процесса: *приветствует, отмечает, спрашивает, помогает, отпускаем;*
- 2) глаголы взаимодействия с объектами и программами: *воздействовать, переключать, приклейте, спаяйте, зашкурите;*
- 3) глаголы в императивной форме 2 лица мн. ч., характерные для конспектов «старших кружков» (*скомпилируйте, прошейте, спаяйте, проверьте*), и в единственном числе для «младших кружков» (*рассади, организуй, убедись, разрежь*);
- 4) глаголы совместного действия в 1 лице мн. ч. (*делаем, связываем, создаем, инвертируем*), характерные для текстов конспектов кружка «Веб-программисты», где способ описания диктума – алгоритм создания кода программы.

В соответствии с инженерной направленностью дискурса в текстах встречается большое количество профессиональной лексики и терминов (*отсек-переключатель, футер сайта, геркон, счетчик срабатываний, изделие, микроконтроллер, программатор, конфигурация* за-

данного вывода), в том числе сокращений и аббревиатур (*МК (микроконтроллер), ОЗУ, ПЗУ, ПЭТ-пластик, провод МГТФ* и т. д.). В каждом конспекте как «младших», так и «старших» кружков встречается минимум один термин, подробно рассматриваемый в теоретической части документа.

Отметим, что в материалах присутствуют термины и названия объектов на английском языке («чтобы он работал на вход (*INPUT*) или на выход (*OUTPUT*)», «Этот вид анимации работает при использовании свойства *border-radius*»), в том числе в русской графике («Футер сайта на слайде 13», «Программы, создаваемые в среде разработки Ардуино, иногда еще называют скетчами»).

Наиболее часто используются простые двусоставные полные предложения и предложения, где сказуемое выражено именем существительным в именительном падеже: «*DSN – комплекс радиотелескопов и средств обмена данными, расположенных в США (Калифорния), Испании (Мадрид) и Австралии (Канберра)*». В основном материал изложен в повествовательном ключе.

Большое значение для описания инженерного знания в рассматриваемых текстах имеют наглядные материалы в виде иллюстраций, схем, чертежей, встречающиеся в каждом конспекте, за исключением некоторых модулей кружка «Веб-программисты».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ опроверг начальную гипотезу, что тексты одного жанра будут сохранять единую структуру и использовать одинаковые средства языковой реализации во всей подборке. Вариативность наблюдается в номинации отдельных документов, их композиционной структуре, в способах выражения коммуникативного намерения автора конспектов и предлагаемых им формах организации коммуникации с косвенными адресатами. Различаются объем профессиональной лексики в каждом документе и средства адаптации инженерного знания для детской аудитории.

Представленный анализ может лечь в основу процесса по унификации корпуса текстов в жанровый шаблон и уточнения границ РЖ «конспект занятия» в инженерно-дидактическом дискурсе, а также позволит в дальнейших исследованиях выделить и описать признаки гибридизации жанра и дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Серегина О. С. Конспект урока как коммуникативный феномен в профессиональной практике учителя русского языка и литературы: Автoref. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2004. 21 с.
- ² Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Под ред. А. П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: по подписке (дата обращения 12.01.2022).
- ³ Суртаева Н. Н. Педагогические технологии: Учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 250 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в д е е в а И. Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2005. 368 с.
2. Б о л с у н о в с к а я Л. М. Анализ подходов к изучению жанров англоязычного инженерного дискурса // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2016. Т. 20, № 1. С. 25–32.
3. В а с и л ь е в а Т. В. Отбор и описание лексико-грамматического материала: подъязыки специальности для иностранных учащихся инженерного профиля. М.: Янус-К, 2005. 316 с.
4. К и б а О. А. Парадигматика и синтагматика инженерного дискурса: лингводидактический подход // Филология и человек. 2019. № 1. С. 61–73.
5. К у р к а н Н. В. Лексические и композиционные особенности жанра «Стандарт» в дискурсивном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (206). С. 78–83.
6. Л ё в и н а Г. М., А в д е е в а И. Б., В а с и л ь е в а Т. В., Д о с ь к о С. И. Теория обучения русскому языку учащихся инженерного профиля // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2008. № 128. С. 77–81.
7. Л ё в и н а Г. М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. М.: Янус-К, 2003. 204 с.
8. М а м а е в а А. В. Коммуникативные основы инженерного дискурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 02. С. 136–138.
9. М а т е х и н а О. Г. Проблема готовности студентов педагогических вузов к созданию сценарных текстов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Т. 58, № 2. С. 157–160.
10. О в с я н и к о в а Т. Г. К вопросу о педагогических жанрах: конспект или технологическая карта урока // Риторика и речеведческие дисциплины в условиях реформы образования: Материалы XX Междунар. науч. конф. (4–6 февраля 2016 г.). М.: ТЕЗАУРУС, 2016. С. 189–194.
11. Ш м е л е в а Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.
12. Ш у м е й к о Т. Н. К вопросу о жанровом своеобразии инженерного дискурса // Наследие Н. К. Крупской и современность: Науч. труды Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Н. К. Крупской, 26–27 февр. 2019. М., 2019. С. 321–326.

Поступила в редакцию 08.04.2021; принята к публикации 01.02.2022

Original article

Sofia S. Bezukladnikova, Postgraduate Student, Tomsk National Research Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)
sofisbez@gmail.com

**LESSON SYNOPSIS: GENRE FEATURES
(analysis of lesson synopses from the School of Digital Technologies network)**

A b s t r a c t. The paper explores the options of the language actualization of engineering knowledge for a non-professional audience of different ages. The relevance is determined by the insufficient study of the engineering discourse genres despite their intensive penetration into non-professional discourses. The paper raises the issue of hybridization of didactical engineering genres and the variability of the structure of their elements in the context of discursive unity. The aim is to describe the model of the “lesson synopsis” genre, which is at the intersection of engineering and didactic discourses. The novelty of the work is determined by the use of previously unstudied corpus of texts. The speech genre model developed by T. V. Shmelyova was chosen as the methodological basis for the study, and the research methodology included communicative and pragmatic, textual, semantic, and comparative analysis, as well as the methods of quantitative analysis. The author identified and described the formal structural elements of the “lesson synopsis” genre,

drew conclusions about the possible reasons for the variability of the elements comprising the genre structure of texts, and listed some ways of adapting engineering knowledge for children.

Keywords: engineering discourse, didactics, genre, speech genre model

For citation: Bezukladnikova, S. S. Lesson synopsis: genre features (analysis of lesson synopses from the School of Digital Technologies network). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.751

REFERENCES

1. Avdeeva, I. B. Communication in engineering as an independent speech culture: cognitive, professional and linguistic aspects (theory and methods of teaching Russian as a foreign language). Moscow, 2005. 368 p. (In Russ.)
2. Bolsunovskaya, L. M. Approaches to genre analysis of English engineering discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2016;20(1):25–32. (In Russ.)
3. Vasiliyeva, T. V. Selection and description of lexical and grammatical material: professional sublanguages for foreign engineering students. Moscow, 2005. 316 p. (In Russ.)
4. Kiba, O. A. Paradigmatics and syntagmatics of engineering discourse: linguodidactic approach. *Philology and Human*. 2019;1:61–73. (In Russ.)
5. Kurkan, N. V. Lexical and structural characteristics of technical standards in engineering discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2019;9(206):78–83. (In Russ.)
6. Levina, G. M., Avdeeva, I. B., Vasiliyeva, T. V., Dosko, S. I. The theory of Russian language training of students of engineering field. *Civil Aviation High Technologies*. 2008;128:77–81. (In Russ.)
7. Levina, G. M. Teaching Russian engineering discourse to foreigners. Moscow, 2003. 204 p. (In Russ.)
8. Mamaeva, A. V. Communicative bases of engineering discourse. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2018;02:136–138. (In Russ.)
9. Matekhina, O. G. The problem of readiness of students of pedagogical universities to create scenario texts. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2018;58(2):157–160. (In Russ.)
10. Ovsyannikova, T. G. The issue of pedagogical genres: lesson synopsis or technological map. *Rhetoric and speech study disciplines in the context of educational reform: Proceedings of the XX international research conference*. Moscow, 2016. P. 189–194. (In Russ.)
11. Shmeleva, T. V. Speech genre model. *Speech Genres*. 1997;1:88–98. (In Russ.)
12. Shumeiko, T. N. The issue of the genre originality of engineering discourse. *Heritage of N. K. Krupskaya and modernity: Proceedings of the all-Russian research and practice conference commemorating the 150th birthday anniversary of N. K. Krupskaya (February 26–27)*. Moscow, 2019. P. 321–326. (In Russ.)

Received: 8 April, 2021; accepted: 1 February, 2022

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА КАПУСТКИНА

аспирант кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук

Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)

olavoronchagina@yandex.ru

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЦВЕТКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук

Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkow@mail.ru

ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА В ХРОНОТОПЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА «ОНО» СТИВЕНА КИНГА

Аннотация. Целью исследования является определение прогностической роли первой части пенталогии американского писателя Стивена Кинга «Оно». Задачами – пошаговое рассмотрение пространственно-временных координат, хронотопа, повествовательных особенностей и роли метатекста. Актуальность настоящего исследования заключается как в популярности пенталогии у российского читателя, так и в непроясненности указанных аспектов. Впервые дается развернутый анализ пространственно-временной парадигмы первой части романа. Доказано, что художественное пространство сконцентрировано на жизни вымышленного американского городка Дерри. Он представлен в реалистическом ключе конкретными приметами городской структуры и оживленной жизни. Однако город имеет свою таинственную историю, связанную с бесчинствами «чудища Оно», которое, притворяясь маской циркового клоуна, заманивало и губило детей, что свидетельствует о начинающемся романе ужасов. Авторские проекции в прошлое семерых подростков, переживших встречу с Оно и забывших об этом, неожиданно актуализируются через двадцать восемь лет в подробных биографиях повзрослевших героев. Пространственно-временной симбиоз первой части романа «Оно» может быть сформулирован как хронотоп потерянной и обретенной детской травмы, связанной со встречей с Оно. Смена повествовательной перспективы от всезнающего нарратора к рассказчику Майклу в финальной интерлюдии «Дерри» позволяет Кингу начать увлекательную игру с читателем, активно используя метатекст для высказывания авторской оценки событий в романе. Авторские отступления и внутренний жест (курсив) выстраивают рецептивную стратегию читателя в будущей борьбе со злом. Кинг направляет читательскую активность на восстановление мира в городке и разгадку тайны злодеяний, не поддающихся разумному объяснению. Все предпосылки самостоятельной победы повзрослевших персонажей над Оно создаются в первой части пенталогии.

Ключевые слова: многомерность временных координат, реальность художественного пространства, хронотоп, эпиграф, авторские отступления, внутренний жест

Для цитирования: Капусткина О. Д., Цветков Ю. Л. Функции метатекста в хронотопе первой части романа «Оно» Стивена Кинга // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 58–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.752

ВВЕДЕНИЕ

Роман «Оно» (1986) американского писателя Стивена Кинга (род. 1947) объемом более тысячи страниц структурно делится на пять частей (своеобразная пенталогия), каждая из которых состоит из глав и подглавок, завершается интерлюдий, а в finale романа присутствует эпилог. Многие главы имеют не только название, но и год повествования, поскольку роман соче-

тает множество временных линий, основными из которых являются два периода: детство главных персонажей в возрасте десяти-одиннадцати лет (1957–1958) и истории, разворачивающиеся после их возвращения в родной город во взрослом возрасте спустя двадцать восемь лет (1984–1985). Это наглядно отражено в названиях глав первой части романа: «Глава 1. После наводнения (1957 г.)» (11)¹, «Глава 2. После фестиваля

(1984 г.)» (21), «Глава 3. Шесть телефонных звонков (1985 г.)» (36). Первая часть завершается интерлюдийей «Дерри: первая интерлюдия», представляющей дневниковую запись, отмеченную датой «2 января 1985 г.» (104). В романе можно выделить элементы разнообразных жанров, среди которых событийная проза, экзистенциональный роман, роман-преступление, детектив, приключенческий роман, фантастический роман и др. При этом они часто предстают в сложном взаимодействии, видоизменяются и включают элементы разнообразных стилей, в чем и проявляется многослойность и многогранность произведений Кинга, которые можно назвать «культовыми» для читателей России: «Это фигура, благодаря которой читатель, зритель, слушатель опознаёт духовно близких людей» [4: 350].

В первой главе первой части романа появляются образы главных героев произведения – мальчика Билла Денбро (Заика Билл), вокруг которого будет завязываться большая часть событий романа, и его младшего брата, шестилетнего Джорджи. С его убийства начинается серия преступлений в городке Дерри, а также происходит первое столкновение с антагонистом, чудовищем, известным как Оно. Впервые Оно предстает перед читателем в образе традиционного циркового клоуна:

«В водостоке находился клоун. Освещение там оставляло желать лучшего, но света все-таки хватало, так что Джордж Денбро не сомневался в том, что видел. А видел он клоуна, как в цирке или по телику. <...> Он видел, что лицо у клоуна в водостоке белое, пучки рыжих волос торчат с обеих сторон лысой головы, вокруг рта нарисована большая клоунская улыбка <...> В одной руке клоун держал связку шариков всех цветов, словно какой-то огромный спелый фрукт. В другой руке – кораблик Джорджа» (17–18).

По мере общения с ребенком образ Оно трансформируется в угрожающий: маска клоуна, за которой прячется «тварь», чтобы привлекать и одурачивать детей, спадает, и проявляется его истинная сущность. Однако повествователь не дает портрета злодея, а лишь описывает эффект, произведенный видом чудища на ребенка:

«И Джордж увидел, что лицо клоуна изменилось. Он увидел перед собой ужас, в сравнении с которым самые жуткие образы существа в подвале казались сладкими грезами. Увиденное разом, одним ударом когтистой лапы, лишило его рассудка» (19).

Первая глава повествует о преступлении таинственной твари, что дает толчок развитию всей сюжетной истории романа. При этом воспроизводятся события преимущественно в традициях романа ужасов, который берет свое начало

из готической литературы, понятие готического переосмысляется как синоним ужасного, страшного, сверхъестественного.

«Готический роман построен на фантастических сюжетах, сочетающих, как правило, развитие действия в необычной обстановке (в покинутых замках, аббатствах, на кладбищах, на фоне зловещих пейзажей) с реалистичностью деталей быта, описаний, что еще более усиливает остроту, напряжение повествования, оттеняет его кошмарность» [6: 184–185].

Можно отметить черты романа ужасов в первой главе: пространство замкнуто территориальными границами вымышленного городка Дерри, в пределах которого происходят жуткие убийства. В реальное художественное пространство романа, наполненного местами и деталями повседневной жизни американского обывателя, врывается фантастическое чудовище, питающееся жителями города, преимущественно детьми («фантастическое допущение» [12: 74]). Помимо убийств Оно нагнетает атмосферу в городе в периоды своего бодрствования и толкает самих горожан на совершение ужасных преступлений. Автор мастерски задает пугающий и гнетущий тон повествования, используя метафоры, эпитеты и сравнения: «тварей, заросших шерстью, переполненных убийственной злобой и с когтями» (13), «сдавленным, посмеивающимся голосом» (19), «посмеивающийся, мерзкий голос» (19), «волна слепящей боли» (19).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА

Время в романе является дискретным, оно включает множество прерывистых временных линий, ключевыми из которых являются прошлое главных героев и их взрослая жизнь в настоящем. В тексте романа рассказчик постоянно переключает внимание читателя с событий одной временной линии на другую и обратно, тем самым нагнетая напряжение и поощряя читательский интерес к развитию сюжета. Художественное время расширяется также с помощью интерлюдий. В них повествуется об истории города и событиях, происходивших задолго до рождения главных героев романа (1929–1930, 1904–1905, 1876–1877 годы и др.). При этом все события связаны сюжетно: они повествуют об ужасах, творившихся в городе под влиянием чудовища Оно, и влияют на основную линию развития романа, поступки и мышление персонажей.

В романе существует определенная закономерность смены временных координат. Она начинает закладываться в первой части романа: первая глава «После наводнения» посвящена событиям прошлого, вторая глава «После

фестиваля» повествует о настоящем героев, а третья глава «Шесть телефонных звонков» представляет читателю автобиографическое воспроизведение жизни центральных персонажей от подросткового возраста до момента их встречи в 1985 году. Третья глава является вектором временного разброса между детством героев в 1957–1958 годах и их настоящим в 1984/85 году и служит восстановлению событий между этими двумя временными отрезками. Подобные ясные временные сдвиги будут повторяться впоследствии и в других главах. При этом Кинг все чаще и резче переключает внимание читателя с временной линии детства на временную линию зрелого возраста по мере развития сюжета и нарастания напряжения в сюжете романа, связанного с противостоянием главных героев чудовищу Оно.

Многие критики, среди которых А. М. Зверев [7], Л. Э. Варустин [5], Н. М. Пальцев [11] и А. М. Шемякин [14], отмечают тщательно и достоверно описанную художественную реальность как одну из ярких черт произведений Кинга. Вымышленный город Дерри выглядит достоверно, поскольку имеет свою историю, конкретные приметы оживленной жизни и перспективу развития:

«Недельный фестиваль проводился в честь столетия открытия Канала, который пересекал центр города. Благодаря сооружению Канала в Дерри активизировалась торговля лесом в 1884–1910 годах. Канал положил начало процветанию Дерри» (22).

Кинг подробно описывает различные городские структуры, такие как:

- **церковная школа**, символ сохранения традиций и веры:

«...не бросающееся в глаза, но аккуратное обшитое деревом здание с большим крестом на крыше... Иногда по субботам Эдди слышал доносившиеся изнутри музыку и пение» (207);

- **городская библиотека**, сохранившая тысячи томов и необходимая для жителей:

«Библиотеку Бен любил. Любил прохладу <...> любил тишину, нарушающую лишь редким шепотом, чуть слышным постукиванием (библиотекарь ставил книги на полку или возился с формуллярами) да шелестом страниц в зале периодики, где старики читали подшивки газет. Ему нравился свет <...> Ему нравился запах книг – прянный запах, отдающий сказкой. Он иногда ходил вдоль стеллажей с книгами для взрослых, смотрел на тысячи томов и представлял себе мир, полный жизни, в каждом из них» (124);

- любимый жителями города **музей**, свидетельствующий о славном прошлом города и устрашающий шумные торжества по случаю юбилеев:

«В трех примыкающих друг к другу пустующих магазинах в центре города разместили Музей дней Канала, заполнив его экспонатами, которые собрал Майкл Хэнлон, местный библиотекарь и историк-любитель. Семьи-старожилы делились своими бесценными сокровищами, и за неделю фестиваля почти сорок тысяч посетителей музея заплатили по четвертаку, чтобы посмотреть на меню столовой 1890-х годов, топоры, пилы, другой инструмент лесорубов 1880-х, детские игрушки 1920-х, более двух тысяч фотографий и девять бобин любительских фильмов о жизни Дерри в последние сто лет» (23);

- **солидная городская больница и автостоянка**, свидетельствующие о благосостоянии жителей:

«Городская больница находилась по правую руку от них. <...> выкрашенное в белый цвет деревянное здание с двумя крыльями, по три этажа каждое. Оно стояло на прежнем месте... окруженнное новыми десятью, может, даже двенадцатью корпусами. Слева располагалась автостоянка, и на ней стояли не меньше пяти сотен автомобилей» (322);

- **оживленная и непредсказуемая жизнь жилых кварталов:**

«За четверть квартала, ближайшего к перекрестку и неработающему светофору, Уитчем перегораживали дымящиеся бочки и четыре оранжевых, по форме напоминающих козлы для пилки дров, барьера. <...> За бочками и барьераами дождь выплеснулся из ливневых канав, забитых ветками, камнями, грудами, слипшихся осенних листьев. <...> Департаменту общественных работ удалось обеспечить движение по Джексон-стрит, но Уитчем, от барьера до центра города, для проезда закрыли» (12) и др.

Использование узнаваемых типажей, различных исторических и культурных реалий позволяет читателю легко поставить себя на место героев, находящихся в типичном городке Северной Америки. Использование знакомых мест характерно для Кинга, поскольку, создавая картины местности, близкие читателю, ему легко удается добиться эффекта доверительности. Даже такое воображенное писателем место действия, как городок Дерри, представленный читателю в каждой части романа и подробно описанный в первых главах, с легкостью встраивается в художественное пространство реалистического романа и воспринимается как конкретное место «где-то на северо-востоке США» [13: 204]. Эта подчеркнутая узнаваемость дает возможность Кингу добавить такое фантастическое допущение, как чудище, притворившееся клоуном в водосточной канаве и заманивающее детей. Комбинация обычного и неожиданного добавляет, с одной стороны, правдивости происходящему, а с другой стороны, усиливает эффект

ужаса, внезапного для читателя. Важно отметить, что фантастическое начало в романе существует лишь в очень небольших пропорциях, а точнее, в реалистично описанный художественный мир вплетаются фантастические события, позволяющие автору проследить, каким образом его персонажи поведут себя в необычных, мистических ситуациях.

РАСШИРЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ КООРДИНАТ

Во второй главе первой части романа сохраняется дискурсивная основа романа ужасов:

«По словам Криса, он увидел сверкающие серебряные глаза клоуна и его оскаленные зубы... большие зубы, так он сказал» (32), «Мне кажется, именно это он сделал. Вгрызся ему в подмышку. Как будто хотел съесть его, чел. Как будто хотел съесть его сердце» (32).

В этой главе можно отметить, как традиционный дискурс трансформируется и появляются элементы детектива: в начале главы приводятся факты преступления (убийство юноши), затем появляются следователи, допрашивающие обвиняемых и свидетелей по делу:

«В комнате для допросов чуть дальше по коридору двое полицейских Дерри беседовали с семнадцатилетним Стивом Дюбеем. Этажом выше, в кабинете инспектора по надзору за условно осужденными, еще двое допрашивали восемнадцатилетнего Джона Гартона по кличке Паук, и, наконец, в кабинете начальника полиции сам шеф Эндрю Рейдмахер и заместитель окружного прокурора Том Баутильер вели допрос пятнадцатилетнего Кристофера Ануина. Кристофер, в вываренных джинсах, измазанной машинным маслом футболке и массивных тупоносых саперных сапогах, плакал. Рейдмахер и Баутильер занялись им, потому что совершенно справедливо предположили, что он – слабое звено» (21).

В этой же главе автор впервые приводит сводку из истории города Дерри, относящуюся к открытию бара в 1973 году, что, с одной стороны, дополняет историю города и придает ему черты реальности, с другой – погружает читателя в жуткую ситуацию его уничтожения:

«Когда бар “Сокол” открылся в 1973 году, Элмер Керти полагал, что его клиентура будет по большей части состоять из пассажиров автобусов» (26), «Керти начал сознавать эту горькую правду где-то к 1977 году» (26), «Но в следующие пять месяцев бар вдруг начал процветать, хотя ничего в нем не изменилось» (26).

Историческое отступление усиливает эффект погружения в реальную историю бара и одновременно создает основу для фантастического допущения (появления Оно), которое возникло в прошлом. Прием добавления фантастических элементов в повествование сразу после исторической сводки или отсылки к реальным местам

и событиям используется Кингом на протяжении всего романа и придает, как уже было отмечено, «достоверность» фантастическому допущению. Интересно, что автор вводит фантастические элементы после оговорки: персонажи часто находятся в состоянии эйфории, помутнения рассудка, опьянения, сильного стресса или даже сами сомневаются в происходящем:

«Хагарти посмотрел вниз и увидел клоуна – в этот момент Гарденер и Ривз перестали всерьез воспринимать рассказ Хагарти, потому что остальное более всего тянуло на бред сумасшедшего» (31).

В конце второй главы повествование вновь продолжается в ключе детектива: подводятся итоги дела, но суд неожиданно игнорирует вмешательство призрачных фантастических сил в лице чудища Оно:

«Джона Уэббера Гартона признали виновным в убийстве по предварительному сговору и назначили наказание от десяти до двадцати лет лишения свободы с отбыванием в Томастонской тюрьме штата. Стивена Бишоффа Дюбеля признали виновным в убийстве по предварительному сговору и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием в Шоушенской тюрьме штата. Кристофера Филиппа Ануина судили отдельно как несовершеннолетнего и признали виновным в убийстве без отягчающих обстоятельств. Его приговорили к шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии для подростков в Саут-Уиндэме условно. <...> На судебном процессе (речь о Гартоне и Дюбее) никто не упомянул про клоуна» (35).

ХРОНОТОП ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА «ОНО»

Согласно исследованиям М. М. Бахтина, хронотоп понимается как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [3: 234]. Ученый отмечает, что в произведении время может ускоряться и замедляться, а пространство сужаться и расширяться. Время и пространство взаимодействуют между собой и трансформируются в зависимости от построения сюжета. М. М. Бахтин отмечал, что «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3: 234].

Первая часть романа «Оно» отличается специфическим хронотопом. Его можно обозначить как **хронотоп потерянной и обретенной детской травмы**. Важно отметить, что хронотоп тесно связан с памятью персонажей. Основными являются трагические события прошлого, оставившие отпечаток на судьбе каждого героя, однако память персонажей связана не только со временем, отделяющим их от страшных эпизодов детства, но и с пространством, поскольку

память о тех днях возвращается к героям книги лишь по мере приезда в родной город Дерри и стирается, когда они уезжают из него. При этом хотя герои и не помнят в подробностях травмирующие события школьных лет, но на протяжении всей их жизни, кратко представленной читателям в третьей главе («Шесть телефонных звонков»), они вынуждены сталкиваться со страхами и переживаниями, заложенными в подсознание в далекие годы детства.

Кинг уделяет особое внимание внутреннему миру каждого персонажа, раскрывает его детские переживания и прослеживает влияние пережитой травмы на становление личности. Он отмечает важное влияние роковых событий на формирование взаимоотношений героев и подчеркивает ключевую роль детской искренней дружбы, поддержки и взаимопомощи, пронесенных сквозь года в противостоянии силам зла. Таким образом, рассказчик знакомит нас с хронотопом потерянной и обретенной детской травмы в настоящем и прошлом с позиции всех персонажей и подчеркивает, что каждый индивидуум причастен к этому хронотопу, раскрывая свою особую линию жизни.

Третья глава «Шесть телефонных звонков» открывает читателю назначение первых двух глав. Они в своем временном отрезке служат толчком для объединения сил главных protagonистов романа – семерых детей десяти-одиннадцати лет, столкнувшихся с реальной угрозой в виде травли со стороны школьных хулиганов и мистической угрозой в лице чудовища Оно. Детальное знакомство с каждым из них происходит в третьей главе, в основе которой лежат жизнеописания персонажей (черты биографического романа) и воспоминания об их первых встречах с Оно, дополняясь элементами ужасов, фантастики и зловещего психологизма. Имена всех protagonистов приводятся в заголовках подглавок: «Стэнли Урис принимает ванну» (36), «Ричард Тозиер “делает ноги”» (48), «Бен Хэнском пьет виски» (56), «Беверли Роган ограбляет порку» (77), «Билл Денбро берет отпуск» (89). Автор подчеркивает их ключевую роль в романе. Каждая подглавка повествует о жизни главных персонажей между хронологическими отрезками романа (концом 50-х и серединой 80-х годов). Единственным исключением служит персонаж Майкл Хэнлон, которому не выделяется отдельная глава: его история раскрывается в первой интерлюдии. Именно Майкл совершает шесть телефонных звонков своим старым друзьям. Его отличие от других protagonистов заключается в том, что он единственный, кто остался жить в городе Дерри, и единствен-

ный, кто помнит о событиях, при которых подростки противостояли сверхъестественной силе Оно. Кинг использует специфический прием: он связывает память персонажей с местом событий. Герои, покинувшие родной город, начинают вспоминать прошлое только после звонка Майкла и возвращения в Дерри. При этом воспоминания возвращаются постепенно, а не одномоментно, и это задает специфику повествования: повествователь шести глав ведет параллельное повествование о двух хронологических линиях, события которых перекликаются между собой и последовательно движутся к кульминации, которой в обоих временных отрезках является финальное сражение с антагонистом Оно в капитализации под городом.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА

Кроме смены временных координат, автор прибегает к смене повествовательной точки зрения на происходящие события и персонажей за счет того, что в каждой главе выбирается один из героев романа в качестве центра внимания повествователя. Всеведущий нарратор сообщает о событиях, раскрывая точку зрения персонажа, его оценку происходящего, и выражает его размышления и сомнения. Прием смены повествовательной перспективы позволяет автору многосторонне обыграть сюжетные ситуации, а читателю узнать об их судьбе с различных позиций, часто полярных друг другу.

В первых трех главах первой части рассказ ведется от 3-го лица всезнающим повествователем. Он хорошо осведомлен обо всех событиях из прошлого и настоящего персонажей романа и может давать им оценку:

«Он закрыл крышку, приложился к ней лбом, заплакал. Заплакал впервые с 1975 года, когда умерла его мать. Даже не думая о том, что делает, поднес руки к глазам, сложив ладони лодочкой» (55).

Нарратор может проникать в мысли и чувства подростков:

«И, возможно, впервые за годы их знакомства, он почувствовал, что может любить ее без опаски. Потому что она отпускала его? Пожалуй, что да. Нет... “пожалуй” он мог и отпустить. Он знал, что да. Уже чувствовал, будто смотрит в телескоп не с того конца» (73).

Повествователь мастерски передает диалоги персонажей и может заглянуть в их мечты и фантазии:

«Ее волосы, подумал Бен, и увидел, как они колышутся у нее на плечах, когда она спускается по школьным ступеням. И блестели волосы не от падающих на них лучей солнца – они словно светились изнутри» (132).

Всезнающий повествователь дает оценку событиям, может сравнивать их с фильмами, книгами и делать отсылки к различным культурным явлениям, знакомым читателю:

«Так легко представить себе огромного глобального справочного монстра, зарытого глубоко под землей, всего в заклепках, держащего тысячи телефонных трубок в тысячах изгибающихся хромированных щупалец. Эта телефонная версия доктора Осминога, немезиды Человека-паука» (50).

В конце первой части романа приводится *интерлюдия*. В ней впервые рассказчиком становится один из персонажей – Майкл, а рассказ ведется в виде дневниковой записи. Интерлюдия служит не только цели рассказать об индивидуальной судьбе Майкла в очерченный отрезок времени между детством и взрослым возрастом, но также задается ключевая времененная сюжетная линия – цикличность преступлений, сотрясающих город Дерри. Большая часть старожилов города знают об этом жутком цикле страшных событий, повторяющихся каждые двадцать восемь лет. Они не только не решаются повлиять на ситуацию, но даже боятся рассказывать о ней. Подобная загадочность и нагнетание атмосферы ужаса воздействуют и на читателя, которому не терпится узнать о событиях прошлого и его влиянии на судьбу целого города.

ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА В РОМАНЕ

Читатель слышит в романе голос самого автора, который проявляется через метатекст. Он определяется С. А. Байковой как

«процесс соотношения основного текста с собственными претекстами, в рамках которых предметом для читателя становятся, во-первых, фикциональная (условная) реальность персонажей, во-вторых, процесс ее создания» [1: 248].

Благодаря метатексту Кинг ведет своеобразную игру с читателем. Автор, как это часто случается в постмодернистских романах, намеренно разрывает ткань повествования и заявляет, что перед читателем – создаваемый текст романа. Автор использует чаще всего метатекст, чтобы высказать собственную оценку происходящему. Как подмечает Ю. М. Лотман, метатекст – это «текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем» [10: 434]. Первая часть и интерлюдия в романе «Оно» начинаются с эпиграфов, что, согласно подходу Ю. М. Лотмана, также можно рассматривать как метатекст. Кроме того, в романе присутствует такой внутренний авторский жест, как курсив, а также непосредственно авторские размышления о собственном произведении.

Эпиграфами к первой части романа являются отрывок из поэмы «Патерсон» Уильяма Карлоса Уильяма, известного американского поэта и писателя, и строка из песни Брюса Спрингстена, популярного американского певца 80-х годов. Отрывок из поэмы «Патерсон», название которой представляет один из крупных городов в штате Нью-Джерси, дает читателю авторское понимание роли первой части романа. Первая строка эпиграфа буквально сообщает о начале пути героев: «*Они начинают!*» (11), а весь приведенный отрывок обостряет противостояние зарождающейся жизни и неминуемой смерти:

«They begin!
The perfections are sharpened
The flower spreads its colored petals
wide in the sun
But the tongue of the bee
misses them
They sink back into the loam
crying out
– you may call it a cry
that creeps over them, a shiver
as they wilt and disappear...»².

«Они начинают!
Совершенства обостряются,
Цветок раскрывает яркие лепестки
Широко навстречу солнцу,
Но хоботок пчелы
Промахивается мимо них.
Они возвращаются в жирную землю,
Плача –
Вы можете назвать это плачем,
Который расползается по ним дрожью,
Когда они увядают и исчезают...»

Необходимо отметить, что писатель подобрал в качестве эпиграфа отрывок поэмы, в котором существуют две временные линии жизни цветка: момент, когда он вырастает и распускается, что можно приравнять ко времени жизни подростков. Этой поре юности противопоставляется время увядания цветка, что можно рассматривать как зрелый возраст персонажей, наполненный жизненным трагизмом. В эпиграфе Кинг дает читателю намек на особую двойную структуру художественного времени в произведении. Ритмический характер стиха знаменует собой счастливый мир детства, омрачающийся неизбежным грядущим увяданием и смертью, это задает особую атмосферу, которая наполняет весь роман и особенно чувствуется в третьей главе «Шесть телефонных звонков», раскрывающей детские и взрослые судьбы персонажей.

Второй эпиграф представляет собой строку из песни «Рожденный в США» американского

певца Брюса Спрингстина: «Рожденный в городе мертвеца» (11). Приведенная строчка очерчивает художественное пространство первой части романа: дает отсылку на город, в котором родились главные герои и где происходили жуткие истории. Упоминание мертвеца предвещает начало страшных событий, наводящих страх на жителей Дерри, и настраивает читателя на столкновение с ужасным злом, заполонившим город. В первой главе автор еще не дает ответ на вопрос о том, откуда происходит чудовище Оно и чем оно является, однако явственно показывается связь монстра с городом, что находит отражение в эпиграфе.

Эпиграф в первой интерлюдии завершает первую часть романа. Он представляет собой отрывок из «Книги крови» Клайва Баркера, молодого писателя, современника Кинга: «Сколь многим человеческим глазам... удавалось взглянуть на тайное строение их тел за все прошедшие годы?» (104). Фраза, выбранная автором в качестве эпиграфа, является вопросительной, что очень символично, поскольку писатель пока не дает ответов, а лишь помогает читателю задавать вопросы, которые будут постепенно раскрываться в следующих частях романа. Автор помогает читателю обратить внимание на то, что события в интерлюдии являются страшной тайной многих городских старожилов, о которой они не готовы рассказывать, но и не могут игнорировать ее существование. Он также подмечает, что число людей, посвященных в эту тайну, довольно велико, поскольку многие так или иначе сталкивались с Оно или ощущали его присутствие и воздействие на людей.

Авторское отступление обнаруживается в конце первой главы в момент, когда рассказчик повествует о бумажном кораблике, ставшем причиной смерти маленького мальчика. Кораблик выполняет рамочную функцию в повествовании, поскольку с него начинается история романа в первой главе:

«Начало этому ужасу, который не закончится еще двадцать восемь лет – если закончится вообще, – положил, насколько я знаю и могу судить, сложенный из газетного листа кораблик, плывущий по вздувшейся от дождей ливневой канаве» (11).

Образом уплывающего детского кораблика заканчивается первая часть романа:

«Я знаю только одно: он держался на поверхности и несся на гребне потока, когда пересек административную границу города Дерри, штат Мэн, и, тем самым, навсегда уплыл из этой истории» (20).

При этом в последней фразе писатель подчеркивает, что перед нами лишь история, рассказ

(tale), а бумажный кораблик, выполнивший свою функцию, покидает его. Но уплывает кораблик не только в рамках сюжета, но также под взглядом автора.

Особую роль в романе играет внутренний авторский жест – курсив, который начинает значимую в романе лирическую линию повествования:

«Внутренний жест как категория, графически выраженная, имеющая прямое отношение (и зависимость) к поэтическому ритму, интонации и к структурно-сintаксической организации поэтического текста, закреплен в поэтическом тексте при помощи тех или иных материальных знаков выражения» [8: 183].

С помощью внутреннего жеста Кинг стремится подчеркнуть важные моменты, на которые читателю следует обратить внимание. Впервые он появляется во второй главе в речи одного из персонажей – друга убитого юноши. Во время допроса в полиции он рассказывает о шляпе с надписью «Я ♥ ДЕРРИ!» (23), выигранной в конкурсе на ярмарке и спровоцировавшей нападение на юношу: «Он носил ее, потому что *любил* этот говененный город!» (21). С помощью курсива Кинг обращает внимание читателя на тесную эмоциональную связь жителей Дерри со своим родным городом, несмотря на все кошмары, происходящие в нем.

Курсив появляется во второй главе и подчеркивает черный юмор, с которым подается информация об убийстве юноши во время празднования на большом городском фестивале:

«Суббота, 21:00. Последнее выступление оркестра средней школы Дерри и ансамбля “Барбер шоп меллоу-мэн”.

Суббота, 22:00. Большой праздничный фейерверк.

Суббота, 22:35. Ритуальное жертвоприношение Адриана Мелона, официально закрывающее фестиваль “Дни Канала”» (23).

В этом жесте можно увидеть провокацию автора. Он с помощью вымышенной программы фестиваля, перечисляющей реально произошедшие на празднике события, подчеркивает абсурдность, неожиданность и ужас ситуации: жестокого убийства, совершенного в разгар праздника буквально в метрах от толпы веселящихся городских жителей, пребывающих в неведении о страшной трагедии.

В другом отрывке, выделенном курсивом, писатель сообщает о персонаже, известном как Черепаха: «Черепаха не мог нам помочь» (39). Подобным жестом автор отмечает особую роль образа черепахи в романе. Она является силой, противостоящей чудовищу Оно в будущих событиях. Этот образ также встречается и в других книгах Кинга, в частности, играет важную роль

в цикле романов «Темная башня» (1982–2012). Первые книги цикла были написаны до романа «Оно» (1986). Важно отметить, что произведения Кинга перекликаются между собой не только в идейном и стилистическом планах, но также в характере хронотопа и системе персонажей.

В третьей главе Кинг выделяет курсивом мысли подростков, особенно ярко передающие их страх, тревогу и нежелание возвращаться к воспоминаниям о детстве:

«Главное, помнить, что я в порядке. Я в порядке. Ты в порядке, Рич Тозер в порядке. Можешь выкурить сигарету, и все дела» (51);

«Дом там, где сердце, – вдруг подумал Эдди. – Я в это верю. Старина Бобби Фрост говорил, что дом – то место, где тебя должны принять, когда ты туда придишь. К сожалению, это еще и место, откуда тебя не хотят выпускать, раз уж ты туда пришел» (67).

Благодаря эпиграфам, авторским отступлениям и курсиву Кинг управляет вниманием и эмоциональным восприятием читателя. Он акцентирует внимание на важных ситуациях, образах и мыслях, иронизирует над персонажами и развитием событий, снимая или повышая градус напряжения, и, можно сказать, ведет читателя за руку по пути повествования, заботливо указывая на особо значимые моменты в будущих четырех частях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая часть пенталогии «Оно» Кинга представляет собой скрупулезно продуманную систему образов, событий, форм наррации и ви-

дов метатекста. Своеобразный хронотоп романа, параллельные временные линии, культурно-исторические реалии, фантастические допущения, остающиеся пока догадками, рассчитаны на то, чтобы выстроить возможную рецептивную парадигму развития читателя как заинтересованного участника чтения романа в борьбе с жутким злом. Кинг создает достоверный и узнаваемый художественный мир, а затем добавляет в него мистические элементы, вызывающие эмоциональную и интеллектуальную активность читателя. Писатель использует для этого различные литературные жанры и художественные приемы, строя повествование как мозаику из элементов, с одной стороны, уживающихся друг с другом и наполняющих созданное автором художественное пространство дыханием жизни. С другой стороны, жуткая тайна первой части романа требует разгадки. Рассуждая о романе «Оно», нельзя согласиться с мнением Р. Барта о смерти автора в постмодернистском романе. Несмотря на то что текст романа действительно представляет собой «...многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным...» [2: 387], читатель слышит голос автора и понимает его замысел на восстановление справедливости метатекстуально. Именно в этом смысле Д. Быков назвал писателя Кинга «культовым» в современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кинг С. Оно. М.: АСТ, 2019. 757 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

² King S. It. London: Hodder & Stoughton, 1999. P. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкова С. А. Метатекст // Знание. Понимание. Умение. М., 2010. № 3. С. 248–250.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Быков Д. Стивен Кинг. Король не сдается // Быков Д. Л. Иностранный литература: тайны и демоны. М.: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 350–375.
5. Варустин Л. Э. Фантастические и реальные прозрения Стивена Кинга // Звезда. 1986. № 4. С. 87–89.
6. Готический роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 184–186.
7. Зверев А. М. Второе зрение // Иностранный литература. 1984. № 1. С. 69–71.
8. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста. М.: Академический проект, 2004. 432 с.
9. Красавченко Т. Н. Художественные методы и литературные направления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Реферативный журнал. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2012. С. 25–33.
10. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя: Статьи и заметки. 1960–1990 гг. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 847 с.
11. Пальцев Н. М. Страшные сказки Стивена Кинга. Фантазии и реальность // Мертвая зона. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 417–421.
12. Рабкина Н. В. «Рекламные имена» в творчестве Стивена Кинга: способы перевода // Перевод и со-поставительная лингвистика. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2015. № 11. С. 74–77.

13. Р а б к и н а Н. В. Художественный универсум Стивена Кинга: имена собственные как средство создания достоверной реальности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 204–208.
14. Ш е м я к и н А. М. Мистический роман Стивена Кинга // Лики массовой литературы США. М.: Наука, 1991. С. 317–335.

Поступила в редакцию 14.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Olga D. Kapustkina, Postgraduate Student, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
oliavoronchagina@yandex.ru

Yuriy L. Tsvetkov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5732-977X; jzvetkov@mail.ru

THE CHRONOTOPE IN STEPHEN KING'S *IT* AND THE ROLE OF METATEXT IN THE FIRST PART OF THE NOVEL

A b s t r a c t. The article is aimed at identifying the prognostic role of the first part of Stephen King's pentalogy *It*. The research objective was to investigate, step by step, the space and time coordinates, chronotope, narrative characteristics, and the role of metatext in the first part of the novel. The novelty of the research is determined by the pentalogy's popularity in Russia and insufficient knowledge about the listed aspects. The article gives the first-of-its-kind detailed analysis of the space and time paradigm of the novel's first part. It further proves that the artistic space focuses on the life of a fictional American town Derry. It is depicted in a realistic way through the specific examples of urban structure and animated town life. However, the town has its own mystical history related to the atrocities committed by a monster named "It", which assumes the form of a middle-aged man dressed in a clown costume to trap and hawk children. This indicates from the very beginning that the author starts developing a horror novel. The author's projections to the past of seven preteens, who survived the clash with It and forgot about it, suddenly come back after twenty-eight years in the extensive biographies of the adult characters. Space and time symbiosis of the first part of the novel *It* can be defined as the chronotope of lost and returned childhood trauma resulting from the encounter with It. The change of the narrative point of view from the all-knowing narrator to one of the characters, Michael, in the final interlude "Derry" enables King to start a game with the reader, extensively using metatext for showing the author's assessment of the events described in the novel. The author's digressions and signs of inner states (italicized in the text) build reader's receptive strategy in the future struggle between good and evil. King aims the reader's effort at restoring peace in the town and solving the mystery of the ferocities that have no rational explanations. All the prerequisites for the grown main characters' victory over It are created in the first part of the pentalogy.

K e y w o r d s : time coordinates multidimensionality, artistic space reality, chronotope, epigraph, digression, author's signs of inner states

F o r c i t a t i o n : Kapustkina, O. D., Tsvetkov, Yu. L. The chronotope in Stephen King's *It* and the role of metatext in the first part of the novel. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):58–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.752

REFERENCES

1. Baykova, S. A. Metatext. *Knowledge. Understanding. Competence*. Moscow, 2010. № 3. P. 248–250. (In Russ.)
2. Bart, R. Selected texts: Semiotics. Poetics. Moscow, 1994. 616 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. Questions of literature and aesthetics. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
4. Bykov, D. L. Stephen King. King doesn't surrender. *Bykov, D. L. Foreign literature: secrets and demons*. Moscow, 2020. P. 350–375. (In Russ.)
5. Varustin, L. E. Fantastic and real insights of Stephen King. *Zvezda*. 1986;4:87–89. (In Russ.)
6. Gothic novel. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. (A. N. Nikolyukina, Ed.) Moscow, 2001. P. 184–186. (In Russ.)
7. Zverev, A. M. Second vision. *Foreign Literature*. 1984;1:69–71. (In Russ.)
8. Kazarin, Yu. V. Philological analysis of poetic texts. Moscow, 2004. 432 p. (In Russ.)
9. Krasavchenko, T. N. Artistic methods and literary schools. *Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies: Abstract journal*. Moscow, 2012. P. 25–33. (In Russ.)
10. Lotman, Yu. M. Pushkin. Biography of the writer: Essays and notes, 1960–1990. Eugene Onegin. Commentary. St. Petersburg, 1995. P. 395–411. (In Russ.)
11. Paltsev, N. M. Scary fairytales of Stephen King. Imagination and reality. *Dead Zone*. Moscow, 1987. P. 417–421. (In Russ.)
12. Rabkina, N. V. Brand names in Stephen King's works: ways of translation. *Translation and Contrastive linguistics*. 2015;11:74–77. (In Russ.)
13. Rabkina, N. V. Stephen King's imaginative universe: proper names as a means of creating a true-to-life reality. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;4(64):204–208. (In Russ.)
14. Shemyakin, A. M. Mysterious novel of Stephen King. *Images of the USA popular literature*. Moscow, 1991. P. 317–335. (In Russ.)

Received: 14 January, 2022; accepted: 25 February, 2022

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА БОРИСОВА

доктор филологических наук, доцент отделения русской филологии и славяноведения

Афинский национальный университет им. И. Каподистрии (Афины, Греция)

ORCID 0000-0002-7729-0013; borisova@slavstud.uoa.gr

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ГРЕЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ КИЕВО-ПЕЧЕРСКИМ СВЯТЫМ МЕЛЕТИЯ СИРИГА ПО РУКОПИСНОМУ ИСТОЧНИКУ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена церковнославянскому тексту службы Киево-Печерским святым, сохранившемуся в единственном списке XVII века (собрание Воскресенского монастыря, № 137). Исследование было проведено на основе неизданного рукописного греческого и славянского материала с использованием описательного и сопоставительного текстологического методов. Проведенный анализ позволил доказать, что данный славянский текст является переводом греческой службы, написанной в 1643 году церковным писателем Мелетием Сиригом, посетившим Киев в качестве легата Вселенского патриархата. На основании описания списка и особенностей языка славянского текста было установлено, что рассматриваемый перевод был выполнен в Киево-Печерской обители непосредственно после написания греческой службы. Текстологический анализ показал, что отдельные фрагменты данной службы впоследствии использовались в гимнографических комплексах Киево-Печерским святым, однако сама служба не вошла в богослужебную практику. Следовательно, создание как греческого оригинала службы, так и ее церковнославянского перевода находилось в русле политики Киевской митрополии по общечерковному прославлению Киево-Печерских святых, поддержанной Мелетием Сиригом, но по неизвестным причинам оставшейся в то время незавершенной.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гимнография, Киево-Печерские святыне, Мелетий Сириг, греческо-русские духовные связи, церковнославянские переводы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Борисова Т. С. Церковнославянский перевод греческой службы Киево-Печерским святым Мелетия Сирига по рукописному источнику XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 67–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.754

ВВЕДЕНИЕ

Литературная деятельность выдающегося греческого богослова и книжника Мелетия Сирига (1585–1663) [3: 591–594], [9: 271–278] по созданию гимнографии Киево-Печерским святым и последующий перевод данных произведений на церковнославянский язык являются одной из наиболее ярких страниц и показательных иллюстраций греческо-русских культурных связей. В целом становление и развитие культа Киево-Печерских святых происходили в постоянном и многоэтапном диалоге, то есть в обмене репликами, между греческой и русской духовностью: в VII–XIII веках в греческой православной культуре формируется Афонская монашеская община, в XI веке Антоний Печерский, согласно преданию постриженный в монахи и подвизавшийся на Афоне, возвращается на Русь и основывает Киево-Печерский монастырь, шесть веков спустя в июне 1643 года обитель посещает официальный легат Константинопольского

патриарха Парфения I грек Мелетий Сириг [10: 204–205] и составляет первые гимнографические тексты Киево-Печерским святым на греческом языке¹, далее эти тексты переводятся на церковнославянский язык, перерабатываются и уже в переработанном виде ложатся в основу соответствующей славянской гимнографической традиции и в целом почитания данных святых, существующего до сегодняшнего дня². И наконец, хоть и не широко распространенный, но существующий в современной Греции культ Киево-Печерских святых, сформировавшийся как на основе текстов Мелетия Сирига, так и последующих русских источников [7], также является репликой в этом продолжающемся на протяжении веков диалоге двух православных культур.

Объектом нашего исследования является созданный на одном из этапов данного диалога церковнославянский текст праздничной службы Киево-Печерским святым, обнаруженный в рукописном источнике XVII века.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ

Церковнославянский текст полной праздничной службы Киево-Печерским святым на настоящий момент был обнаружен в единственном списке – в рукописи XVII века из Воскресенского собрания № 137 (Описание Святой горы Афонской и прочее), ныне хранящейся в Государственном историческом музее (далее Воскр. 137). Данный сборник, наряду с рассматриваемым текстом, включает в себя переводы текстов агиографического характера о Святой Горе: Описание Святой горы Афонской и Житие преподобного Петра Афонского³.

Анализируемый текст, помещенный в конце (на листах 82–111 об.) сборника, озаглавлен так:

«память совершаемъ преподобънъхъ и богоноснъхъ Ѹцъ нашихъ иже в пещере киевской подвидахъшихъ и всѣхъ иже в росії прославъшихъ, составлены вѣща мелетиемъ сиринъгомъ иеръманахомъ критскимъ екъсаръхомъ свѣтишаго и вселенского патриарха кирилла парѳенія и всего свѣщенънного его собора посланнѣи росіи въ лета седмъ тъсѧшь сто пятьдесѧть перъваго • мѣца изна» (82).

Таким образом, в заглавии содержится имя автора службы (Мелетий Сириг), его официальный статус (экзарх Вселенского патриархата), а также дата создания (июнь 1643 года). Текст представляет собой полный вариант праздничной службы, состоящий из малой вечерни, великой вечерни, а также утрени с полиелеем и двумя канонами Киево-Печерским святым.

Текст написан скорописью и одним писцом, однако как стиль, так и плотность письма несколько раз меняются на протяжении текста. На некоторых его участках используется киноварь для выделения заголовков и заглавных букв, на других весь текст написан одними чернилами. В рукописи достаточно много исправлений, сделанных рукой того же писца, пропущенные тропари дописаны на полях. Все это, а также состав сборника свидетельствуют о том, что рукопись не предназначалась непосредственно для литургического использования. Однако обилие орфографических ошибок исключает возможность того, что текст был записан непосредственно его составителем / переводчиком.

ГРЕЧЕСКИЙ ОРИГИНАЛ

Сопоставительный анализ показал, что перед нами достаточно точный перевод греческого текста службы, созданного в 1643 году греческим книжником Мелетием Сиригом во время его пребывания в Киеве⁴ [7: 523–530]. Оригинал произведения, подробно рассмотренный нами ранее по двум греческим рукописным источникам XVII–XVIII веков, один из которых является авто-

графом Мелетия [1: 29–34], входил в составленный им комплекс произведений, наряду со службой включающей в себя молебный канон тем же святым, а также два цикла ямбических эпиграмм: «тем же святым» и на «сосуды для святого мира». На настоящий момент церковнославянского перевода эпиграмм, греческий оригинал которых был издан Ф. Деторакисом [6], обнаружить не удалось. Напротив, подробно рассмотренный нами ранее [4] перевод молебного канона, осуществленный в том же 1643 году, неоднократно редактировался и после существенных переработок лег в основу текста, используемого в современной богослужебной практике [2: 755–766].

Соответствующий рассматриваемому церковнославянскому греческий текст службы озаглавлен следующим образом:

«Μνήμην ἐπιτελοῦμεν τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν τῶν ἐν Πιετζαρίῳ ἀσκησάντων καὶ πάντων τῶν ἐν Ρωσίᾳ λαμψάντων, συντεθείσα ύπὸ Μελετίου ἴερομονάχου τοῦ Κρητός, λεγάτου τοῦ Παναγιωτάτου καὶ Οἰκονομευκοῦ Πατριάρχου κυρίου Παρθενίου καὶ πάσης τῆς περὶ αὐτὸν ἵερᾶς συνόδου, ἀποσταλέντος πρὸς Ρόσους κατὰ τὸ αχμγ' ἴνδικτιῶνος δεκάτης, ἐν μηνὶ Ιοννίῳ» (683)⁵.

Следовательно, цитированное нами выше заглавие славянской службы является точным переводом данного греческого текста и сообщаемые сведения об авторе и времени создания службы находят подтверждение в греческих источниках, один из которых написан самим автором.

Дополнительным доказательством того, что рассматриваемый славянский текст является переводом с греческого оригинала, можно считать наличие в данном оригинале текстовых акrostичов в обоих канонах утрени, а именно *Πατέρας μέλπω τοῦ τροφίμους Ρωσίας* (701) и *Σπηλαιωτῶν ἄθροισμα αἰνῶ προφρόνως* (702). Акростих образуют начальные буквы всех тропарей канонов, включая богоодичные. Церковнославянский перевод точно следует за структурой и текстом оригинала и, как следствие, теряет акrostих. Однако в заглавиях канонов, как это часто происходит в переводной славянской гимнографии, содержится указание на акrostих и на его текст в славянском переводе:

«и сѣмъ [канон] глас ѿ • ѿмъ же краєгравіе сице • Ѹцъ пою писателю (так!) росин» (92 об.)

«иинъ канон сѣмъ глас ѿ • ѿмъ же краєгравіе печерски соборъ хвалю всердно» (93 об.).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И ВОПРОС О ЕГО АВТОРСТВЕ

В источниках не сохранилось имени переводчика службы. Однако вставка слова *браты*, сделанная им в синаксарь праздника после шестой песни канона, свидетельствует о том, что он сам входил в общину Киево-Печерской обители:

«Τῷ αὐτῷ μηνὶ μνήμιν ἐπιτελοῦμεν πάντον τὸν ἐν Ρωσίᾳ λαμψάντων ὄγίων, βασιλέων, ἀρχιερέων, ἱερέων, μαρτύρων, μοναχῶν, τῶν ἐν σπηλαίῳ ἀσκησάντων· ὃν καὶ τὰ λείψανα μῆρα βρύοντα καθορῶντας ἐν Πιετζαρίῳ κείμενα, καὶ θαύματα ἔξαισια ἐκτελούντων» (715).

«того же мѣсяца совершаляемъ въ россии просиявшимъ ст҃хъ браты архиерѣевъ и мъчениковъ инооковъ въ пещерѣ пострадавшихъ ихъ же мощи мира изливаемаща зрящимъ въ пещерскими лежащими и чудеса прехвалнаю совершающими» (103–103 об.).

Отметим также, что в процитированном выше синаксаре, причем как в греческом оригинале, так и в церковнославянском переводе, не конкретизируется день памяти, существует лишь неопределенное упоминание *τῷ αὐτῷ μηνὶ* / того же мѣсяца. Данный факт свидетельствует о незавершенности процесса канонизации.

В целом перевод выполнен точно и свидетельствует о глубоких знаниях переводчика как церковнославянского, так и греческого языков. О квалификации и стиле переводчика свидетельствует и большое количество редких церковнославянских слов, калькирующих соответствующие греческие, некоторые примеры приведены в табл. 1.

В этой связи особый интерес вызывает и единственное во всем тексте службы гапакс-запоминание апостаси (*ἀποστασία*) в переводе заключительного тропаря второго канона, куда Мелетий вставляет чрезвычайно злободневный для него призыв к единению Православных церквей:

«Συμφόνως προσδραμόντες πρὸς τὰ ὑμῶν, ἀσκητήρια θεομακάριστοι, πάντες ἡμεῖς, ὡς ἐξ ἐνὸς στόματος πρὸς ὑμᾶς ἀναβοῶμεν λόσατε, τὰς ἐπαναστάσεις τὰς καθ' ἥμῶν, τὰς τῆς ἀποστασίας τῷ κόσμῳ δὲ εἰρήνην, καὶ σωτηρίαν ἡμῖν εὐχεσθε» (724).

Таблица 2. Славянские переводы отпустительного тропаря службы Киево-Печерским святым Мелетия Сирига

Table 2. Slavonic translations of the Apolytikion from the divine service to the Kyivan Caves Saints by Meletios Syrigos

Греч. оригинал	Ότε κατέλθετε εἰς μνήματα ἐαυτούς περικλείσαντες, τότε τὰ πάθη νεκρώσαντες τὰ τῆς σαρκὸς συνετάφητε, τῷ Χριστῷ, καὶ τὰς τῶν δαιμόνων ἐν τοῖς καταχθονίοις ελύσατε, ἐνέδρας πανσόφους, καὶ διὰ τούτο ὑπερῷθητε ἐν δόξῃ εἰς οὐρανούς ἐν ἀγγέλων τῷφῆ (697)
Воскр. 137	εгда снидесте во гробы самъхъ себе заключившеся тогда страсти смертвивше плотския погребостеся христъ и діавольская въ подземнъхъ разгравишие уградзы въносли и сего ради англи венца отъ небесъ въмъ подадуть (90 об.–91)
Синод. 456	егда снидосте во гробы самъхъ себе заключившеся тогда страсти смертвивше плотския съпогребостеся хрбн и діцволовскі стѣни въ преисподнъхъ раздрѣшиши въносли и сего ради аггли вѣнцъ съ небесъ въмъ подадуть (484–484 об.)

С другой стороны, отдельные фрагменты рассматриваемого перевода полной службы впоследствии были использованы в составленном на основе Молебного канона гимнографиче-

«согласно притекающе къ вѣшчимъ посничествомъ бѣблѣнни все мѣяюко юко юдинъхъ вѣтъ къ вѣмъ вѣниемъ разърешите восстания юже на ны суть апостаси и мири же мири спасениа намъ и просите» (109).

Таблица 1. Церковнославянские кальки сложных греческих слов, употребленные переводчиком Воскр. 137

Table 1. Church Slavonic calques of Greek compound words used by the translator of the manuscript 137 from the Resurrection Monastery collection

Греческое сложное слово	Церковнославянский перевод
φιλέορτος	празднолюбъцъ
κακοπάθεια	злостраданіе
ύψιβάμμων	въисоковосходнъи
εὐθυπορών	правошествиюніи
ἀγωνοθέτης	подвигоположникъ
μυριοπλάσιος	тъмочисленнъи
καρτερόφρων	терпеливомъдріи

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА СЛУЖБЫ

Интерес представляет тот факт, что рассмотренный нами в предыдущей работе [4] перевод Молебного канона Киево-Печерским святым из того же комплекса Мелетия Сирига (канон молебнъи къ вѣмъ ст҃хъ пещерскимъ киевскимъ рвсінскимъ чвдотворцемъ твореніе мелетіа сиригъша єзархи константинопольскаго грека бывшаго въ рвсінскои земли рокъ ахмг, Синодальное собрание 456, XVII век, листы 181–184 об. (далее Синод. 456)) был выполнен другим книжником. Об этом свидетельствует как разная транслитерация греческого имени автора: Συρίγος: сиригъша – сиринъгъ, так и существенные различия в переводе единственного повторяющегося в обоих текстах песнопения – отпустительного тропаря Киево-Печерским святым (табл. 2).

скомъ последовании, озаглавленномъ вѣтоградъ цвѣтнонснъхъ похвалъ или стихири и параклис вѣмъ прѣдѣнъиѣ ющемъ нашимъ въ пещерахъ постничествовавшимъ Рвсінскимъ чвдотворцемъ,

рассмотренном по рукописному Каноннику 1655 года из собрания Российской национальной библиотеки, шифр О. И. 31 (далее О. И. 31). Речь идет о следующих песнопениях:

- два цикла стихир малой вечерни: шесть стихир на «Господи, воззвах» (инципит Ἀσκητὰί θεόφρονες – постники ἐγγενέστεροι) и четыре стихиры на стиховне (инципит Σπήλαιον τῶν ληστῶν – пещера разбойников);
 - два отпустительных тропаря: малой вечерни (инципит Τὴν πολυύμνητον πόλιν τιμήσωμεν – многопсалтырь града почтимъ) и великой вечерни (инципит “Оте кагтэлθете εἰς μνήματα – егда снайдосте въ гробы) с последующим богоордичным;
 - два седальна по первой и второй кафизме утрени с богоордичным (инципиты Αντώνιον

πιστοί, Θεοδόσιον ἄμα – ἀντονια βερνηι ι φεο-
δοσια βκ8πε, Καταβάς ἐπὶ τῆς γῆς – σωσεδ, ζ
на землю);

- кондак и икос канонов утrenи (инципиты Τὰ ἄνω οἰκεῖν – взышниаа вбитати, Ἀβυσσον κοιμάτων Θεοῦ σοφίας – вездыднъ сядебъ вжнаа премвдрости соответственно);
 - литийная стихира великой вечерни с богоордичным (инципит Τοὺς γενναῖοὺς τοῦ Χριστοῦ στοατώτας – добрая христевы винзы).

Сопоставительный анализ текстов данных песнопений (три произвольно выбранных фрагмента представлены в табл. 3) показал, что в данной компиляции был использован перевод Воскр. 137 с незначительными исправлениями.

Таблица 3. Сопоставительный анализ выборочных совпадающих песнопений перевода службы (Воскр. 137) с компиляцией О. И. 31

Table 3. Comparative analysis of selected matching hymns from the service translation (manuscript 137 from the Resurrection Monastery collection) with O. I. 31 compilation

Греческий оригинал	Воскр. 137	О. И. 31
Стихира на «Господи, воззвах» малой вечерни		
Ἀσκηταὶ θεόφρονες ὑμᾶς, οὐχ ἡ γῆ κατέκτεινεν, ἀλλ᾽ ὁ Θεὸς ἐφανέρωσεν, ἐν πᾶσι πέρασι, τοῖς τῆς οἰκουμένης, θαύματα προχέοντας, καὶ μῆρα ιαμάτων ἐκβλύζοντας αὐτῷ προεσβεύσατε, δωροθήναι ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν, τὴν εἰρηνὴν καὶ τὸ μεγαλεός (653–654)	Постница́ бгомвдрия́ вась ни земля́ по-тнала есть но бгъл идъвализ есть въл всѣхъ концехъ вселенния чадеса идъливающе мири исцеление источающа. томъ молитеса даровати ся дшамъ нъшими мири и велию мълѣсть (82–82 об.)	Постници бгомвдрии вась ни земля по-тнала есть но бгъл идъвализ есть въл всѣхъ концехъ вселенния чадеса идъливаю-шихъ: и мири исцеление источающиъ. томъ помолитеса даровати дшамъ на-шимъ, мири и велию мълѣсть (177 об.–178)
Седален на первой кафизме утрени		
Ἀντώνιον πιστοί, Θεοδόσιον ἄμα, φωστήρας ἐπὶ γῆς, μοναστῶν εποφθεντας, τιμησμένεν ἐν ἀσμασι, καὶ σὺν τούτοις Ἰλάριον, ἀρχοποιμένα, τῆς Κιοβίας τὸ κλέος, τοὺς θεράποντας τῆς οὐρανῶν βασιλείας, Χριστὸν μεγαλύνοντες (698)	АНТОНИЯ ВЕРНИИ И ФЕОДОСИЮ ВКСПЕ СВЕ-ТИЛНИКИ НА ЗЕМЛИ МОНАХОВ ІАВИВШИХСЯ ПОЧТЯМ В ПЕСНЯХ С НИМИ ИЛАРИОНА ПАСТЫРЯ НАЧАЛНИКА И КІЕВІВСКІЮ СЛАВІ ВГОДНИКІУ НЕВЕСНАГО ЦРІСТВА ХРІСТА ВЕЛИЧАЮ-ЩАЯ (91)	АНТВНІА ВЕРНІІ ФЕОДОСІЯ ВКСПЕ СВЕТИЛНИКИ НА ЗЕМЛІ МИНАХУМ ІАВЛІШААСА ПОЧТЯМ В ПІСНЯХ С НИМИ ИЛАРИОНА ПАСТЫРЯ НАЧАЛНИКА КІЕВСКІЮ ПОХВАЛІВ, ОУГОДНИКІУ НЕВЕСНАГО ЦРІСТВА ХРІСТА ВЕЛИЧАЮЩА (187 об.–188)
Кондак канонов утрени		
Τὰ ἄνω οἰκεῖν ποθήσαντες βασίλεια, τὸ σῶμα στενοῖς τάφοις περιεκλείσατε, καὶ αὐτὸ λεπτύναντες, πρός οὐράνιον ὑψος ἥρατε, ἀνέποδοίτως ἀπολαύοντες, τὴν δόξαν Κυρίου σὺν ἀγγέλων χοροῖς (714)	Въшниаа вбитати воглюбивше црѣства тело вътънъхъ гробехъ затвори-стѣ и ниѣ источивше къ небеснои въсіотъ подългасте невоздѣранно наслажддающеся славы гѣдниа со англъскими линки (102–102 об.)	Въшниаа вбитати воглюбивше црѣства тѣло вътънъхъ гробехъ затвори-стѣ: и сіе источивше къ небенои въ-сіотѣ подългасте невоздѣранно наслажддающеся славы гѣ съ англъскими линки (194 об.)

Обнаруженный нами в уникальном списке церковнославянский перевод полной службы Киево-Печерским святым Мелетия Сирига (Воскресенское собрание № 137, XVII век) является важным свидетельством начальных этапов церковного прославления Киево-Печерских святых и позволяет прояснить ряд сохранившихся в современной исследовательской литературе загадок относительно ланного процесса и роли в нем греческого книжника.

Сопоставительное текстологическое исследование данного перевода с переводом Молебного канона Киево-Печерским святым Мелетия Сирига, рассмотренного нами ранее [4], показало, что они были выполнены независимо разными славянскими переводчиками. Позднее компиляция из обоих источников (молебный канон из Си-

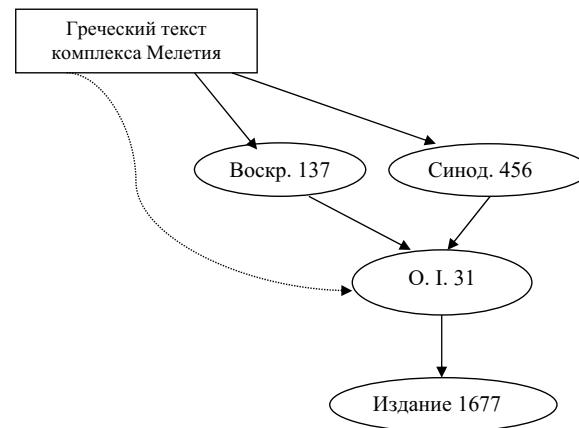
нод. 456 и отдельные фрагменты службы из Воскр. 137), переработанная на основе греческого оригинала, легла в основу гимнографического последовательного «стихир и параклиса» из О. I. 31. Содержащаяся в последнем источнике дата – 12 сентября 1643 года – позволяет установить, что как оба перевода, так и последующая переработка были совершены за два с половиной месяца, последовавшие с момента написания греческого текста в июне 1643 года. В том же 1643 году ряд Киево-Печерских святых впервые включается в месяцеслов, входящий в состав Следованной Псалтири, изданной Петром Могилой в Киево-Печерской типографии⁶, что свидетельствует о том, что деятельность Мелетия находилась в общем русле канонизаторской политики Киевской митрополии

[5: 155–157], [8: 338–340]. Не вызывает сомнения и факт личной заинтересованности Мелетия в общечерковном прославлении Киево-Печерских святых в контексте его деятельности по укреплению единства Православных церквей для совместного противостояния западным влияниям. По неизвестным для нас причинам, однако, активные действия Петра Mogилы и Мелетия Сирига в этом направлении не приносят ожидаемого результата, процесс церковного прославления остается незавершенным, о чем свидетельствует и отсутствие дня памяти, а трехмесячная бурная гимнографическая и переводческая деятельность сменяется периодом молчания, который продолжается вплоть до 1677 года, когда на основе последнего компилированного текста (стихир и параклиса) издается *Правило молебное прпдбнъмъ оцемъ пчерскимъ, и всѣмъ ст҃ымъ въ малой руссии просівшимъ. пъваемое когда, и гдѣ кто и зволитъ* [4: 61–66], [5: 156]. В данном издании текст подвергается существенной как стилистической, так и идеологической переработке, дополняется значительной оригинальной частью, меняется состав поминаемых в нем святых, и эта переработка уже проводится без учета как греческого текста Мелетия, так и первых славянских переводов. Текстологическая история церковнославянских переводов гимнографического комплекса Мелетия схематично представлена на рисунке.

Что касается службы, то она, по всей видимости, в связи с отсутствием официального прославления, так и осталась невостребованной и была забыта. В XIX веке, когда был наконец введен общий день памяти Киево-Печерских святых, была составлена новая служба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что созданный Мелетием Сиригом гимнографический комплекс

Текстологическая история церковнославянских переводов гимнографического комплекса Мелетия Сирига

Textual history of Church Slavonic translations of the hymnographic complex by Meletios Syrigos

свидетельствует не только о его таланте, литературной и богословской образованности, но и о том глубоком впечатлении, которое произвела на него русская монашеская община и русская святость. Во всем тексте видно искреннее чувство, это не просто гимн, написанный по заказу, но текст глубоко прочувствованный. Видно глубокое уважение к русской культуре, которая воспринимается не как чужая, а как своя, глубоко родная, православная, понимание и уважение, даже приятие не только общей православной составляющей, но и того национального начала, культурного своеобразия, которое русские добавили к православию. Все это позволило тексту Мелетия после переработок, о которых мы говорили выше, войти в литургическую жизнь Русской православной церкви, а нам говорить о нем как о важном этапе прославления Киево-Печерских святых и греко-русского культурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pargoire J. Meletios Syrigos, sa vie et ses œuvres // Echos d’Orient. 1908. № 11. P. 280.

² Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Mogila и его сподвижники. Т. 2. Киев, 1883–1898. С. 337–338.

³ Амфилохий, арх. Описание Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки. М., 1876. С. 178; Кавелин Л. А. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, и заметки о старопечатных, церковнославянских книгах того же книгохранилища. М., 1871. С. 56.

⁴ Pargoire J. Meletios Syrigos, sa vie et ses œuvres // Echos d’Orient. 1908. № 11. P. 280.

⁵ Здесь и далее греческий оригинал службы цитируется по бумажному рукописному кодексу № 778 из библиотеки Подворья Храма Гроба Господня в Константинополе, XVII в. С. 683–728.

⁶ Псалтирь Следованная. Киев, 1643. 234 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Т. С. Мелетий Сириг и «греческий взгляд» на киевских святых // VI Международная научная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой: Тезисы и материалы конф. Москва, 20–23 апреля 2021 г. М., 2021. С. 29–34.
- Минея февраль. М., 2002. 812 с.
- Ченцова В. Г. Мелетий Сириг // Православная энциклопедия. Т. 44. М., 2016. С. 591–594.
- Борисова Т. Hymnographic complex by Meletios Syrigos dedicated to the Kyivan Cave Saints and all Russian Saints in the Russian tradition // Scrinium. 2021. № 17. P. 41–67.

5. Дива печер лаврських: Колективна монографія / Відп. ред. В. М. Колпакова. Київ, 2011. 248 с.
6. Δε τοράκης, Θ. Μελέτιου Συρίγου του Κρήτος Ανέκδοτα Επιγράμματα στους Αγίους της Λαύρας Πιετζαρίου του Κιέβου // Επιστημονική Επετηρίδα Νεάπολις Κρήτης. 2014. Т. 5 (1). Σ. 36–44.
7. Πασχαλίδης Σ. Η Αντιστροφή μιας Σχέσης: Ρωσικές αγιολογικές Παραδόσεις στην Ελληνόφωνη Ορθοδοξία (16ος–19ος αι). Κύριλλος και Μεθόδιος. Το Βυζάντιο και ο Κόσμος των Σλάβων. Θεσσαλονίκη, 2015. Σ. 519–539.
8. Petrowycz M. The Addition of Slavic Saints to Seventeen-century Liturgical Calendars of the Kyivan Metropolitanate. Inquiries into Eastern Christian Worship. Selected Papers of the Second International Congress of the Society of Oriental Liturgy. Rome, 17–21 September 2008. Leaven-Paris-Walpole, 2012. P. 331–343.
9. Podskalsky G. Η Ελληνική θεολογία επί Τουρκοκρατίας. 1453–1821. Η Ορθοδοξία στη σφαίρα επιρροής των Δυτικών δογμάτων μετά τη Μεταρρύθμιση. Αθήνα, 2005. 578 σ.
10. Tchentsova V. Les peintures de l'église Saint-Sauveur de Berestovo: Remarques sur le programme iconographique et épigraphique. Museicon. 2020. Vol. 4. P. 193–212.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 25.02.2022

Original article

Tatiana S. Borisova, Dr. Habil., PhD, Associate Professor, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)
ORCID 0000-0002-7729-0013; borisova@slavstud.uoa.gr

CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE GREEK SERVICE DEDICATED TO THE KYIVAN CAVES SAINTS BY MELETIOS SYRIGOS BASED ON THE MANUSCRIPT SOURCE OF THE XVII CENTURY

A b s t r a c t. The paper deals with the Church Slavonic text of the service dedicated to the Kyivan Caves Saints, which has been preserved in a single copy dating back to the XVII century (Resurrection Monastery collection, manuscript 137). The study was performed on the basis of unpublished Greek and Slavonic manuscripts by descriptive and comparative textological methods. The results of the analysis proved that the studied Slavonic text is a translation of the Greek service written in 1643 by a distinguished scholar Meletios Syrigos, who visited Kyiv as a legate of the Ecumenical Patriarchate. The description of the manuscript and the analysis of the linguistic peculiarities of the Church Slavonic text revealed that this translation was done in the Kyivan Caves Monastery immediately after the Greek service was composed. Textological analysis showed that some fragments of this service were subsequently used in hymnographic complexes dedicated to the Kyivan Caves Saints, but the service itself was not included in the liturgical practice. Therefore, the creation of both the original Greek service and its Church Slavonic translation was in compliance with the policy of the Kyiv Metropolia for the church glorification of the Kyivan Caves Saints supported by Meletios Syrigos, but was not completed at the time for unknown reasons.

Key words: hymnography, Kyivan Caves Saints, Meletios Syrigos, Greek-Russian cultural communication, Church Slavonic translations

For citation: Borisova, T. S. Church Slavonic translation of the Greek service dedicated to the Kyivan Caves Saints by Meletios Syrigos based on the manuscript source of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):67–72. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.754

REFERENCES

1. Borisova, T. S. Meletios Syrigos and the “Greek view” on the Kyivan Saints. *VI International Research Conference on Hellenic Studies in Memory of I. Kovalyova: Conference proceedings. Moscow, April 20–23, 2021*. Moscow, 2021. P. 29–34. (In Russ.)
2. Menaion for February. Moscow, 2002. 812 p. (In Russ.)
3. Tchentsova, V. G. Meletios Syrigos. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 44. Moscow, 2016. P. 591–594. (In Russ.)
4. Borisova T. Hymnographic complex by Meletios Syrigos dedicated to the Kyivan Cave Saints and all Russian Saints in the Russian tradition. *Scrinium*. 2021;17:41–67.
5. Дива печер лаврських: Колективна монографія. (Відп. ред. В. М. Колпакова). Київ, 2011. 248 с.
6. Δε τοράκης, Θ. Μελέτιου Συρίγου του Κρήτος Ανέκδοτα Επιγράμματα στους Αγίους της Λαύρας Πιετζαρίου του Κιέβου. *Επιστημονική Επετηρίδα Νεάπολις Κρήτης*. 2014;5(1):36–44.
7. Πασχαλίδης Σ. Η Αντιστροφή μιας Σχέσης: Ρωσικές αγιολογικές Παραδόσεις στην Ελληνόφωνη Ορθοδοξία (16ος–19ος αι). Κύριλλος και Μεθόδιος. Το Βυζάντιο και ο Κόσμος των Σλάβων. Θεσσαλονίκη, 2015. Ρ. 519–539.
8. Petrowycz, M. The Addition of Slavic Saints to Seventeen-century Liturgical Calendars of the Kyivan Metropolitanate. *Inquiries into Eastern Christian Worship. Selected Papers of the Second International Congress of the Society of Oriental Liturgy*. Rome, 17–21 September 2008. Leaven-Paris-Walpole, 2012. P. 331–343.
9. Podskalsky, G. Η Ελληνική θεολογία επί Τουρκοκρατίας. 1453–1821. Η Ορθοδοξία στη σφαίρα επιρροής των Δυτικών δογμάτων μετά τη Μεταρρύθμιση. Αθήνα, 2005. 578 σ.
10. Tchentsova, V. Les peintures de l'église Saint-Sauveur de Berestovo: Remarques sur le programme iconographique et épigraphique. *Museicon*. 2020;4:193–212.

Received: 31 January, 2022; accepted: 25 February, 2022

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ДАНИЛИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского (Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8804-2157; daniilina.ni@staff.sgm.ru

ЛАТИНСКАЯ ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ БЕЗУМИЯ: К РАЗГРАНИЧЕНИЮ СИНОНИМОВ

Аннотация. Цель статьи – уточнить функционально-семантические различия синонимов со значением «безумие» в латинском языке: *dementia*, *amentia*, *insania*, *furor*. Материал – выборка контекстов из оцифрованных произведений античных авторов, преимущественно Цицерона («Тускуланские беседы») и Сенеки («Нравственные письма к Луцилию», «О гневе»), у которых данная тема наиболее разработана. Установлено, что слово *insania* может использоваться как медицинский и философский термин. В стоической философии *insania* – антоним понятия *sapientia*, а его внутренняя форма – основа широкоупотребительной развернутой метафоры «невежество – безумие (нездоровье), философия – лечение». Слова *dementia*, *amentia* и *furor* не приобретали терминологического смысла. Понятие *furor* соответствует аффекту в его современном понимании и включается в более широкое понятие страсти; одной из форм его проявления становится гнев. У Сенеки понятия *insania* и *furor* соотносятся как общее и частное, Цицерон лишь подчеркивает их нетождественность, не определяя соотношения. Характеризуя эмоциональную сферу объекта речи, *furor* в общеупотребительном языке обладает констатирующей семантикой и не содержит оценочного компонента. Слова *dementia* и *amentia*, напротив, употребляются преимущественно как средство оценки говорящим описываемой ситуации. Со словом *amentia* в большей мере связана эмоциональная оценка (неодобрение), со словом *dementia* – рациональная (несоответствие здравому смыслу).

Ключевые слова: безумие, стоицизм, латинский язык, семантика, Цицерон, Сенека

Для цитирования: Данилина Н. И. Латинская лексика с семантикой безумия: к разграничению синонимов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 73–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.755

ВВЕДЕНИЕ

Тема безумия давно и широко разрабатывается, прежде всего в философии и культурологии (в новое время – начиная со ставшей уже классикой работы [6]), о чем можно судить, в частности, по современным обзорам, например [2]. Уже в XXI веке к ней обратились лингвисты – исследователи современных языков¹. Истоки философского осмысления безумия уходят корнями в античную традицию. Несмотря на безусловный приоритет древнегреческой философии в данном вопросе [4], [7], не остаются без внимания и латиноязычные произведения [3]. В то же время редко кто из наших современников, пишущих о теме безумия в античности, обращает внимание на вербальное выражение ключевого понятия в латинском языке [5]. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть, какое значение приписывают латинские авторы словам, в которые облекают свои идеи, как соотносятся деклари-

руемые формулировки с реальным словоупотреблением. Цель нашего исследования – уточнить семантические различия синонимов; предмет – ряд латинских существительных, традиционно рассматриваемых как синонимы (что находит отражение в соответствующих словарях) и могущих переводиться на русский язык словом *безумие* (*insania*, *dementia*, *amentia*, *furor*), а также соотносимые с ними однокоренные прилагательные.

Объектом нашего исследования стали философские труды Цицерона и Сенеки. Выбор данных авторов неслучаен. Анализ статистики употребления перечисленных существительных, выполненный по текстовому корпусу *Perseus*², показал, что наибольшая частота употребления слова *insania* приходится именно на тексты Сенеки и Цицерона: при средней частоте слова *insania* по всем текстам корпуса 3,4 словоупотребления

на 1 млн у названных авторов этот показатель может достигать 4,8. В абсолютном выражении материал также представляется валидным: в «Нравственных письмах к Луцилию» отмечено 19 примеров, большинство в письме № 94; «О гневе» – 10 примеров; в «Тускуланских беседах» – 35 примеров. Слово *amentia* значительно чаще, чем другие авторы, также употребляет Цицерон (до 5,1 при средней частоте по корпусу 1,0), особенно много примеров (57) находим в речах. Слово *dementia* у названных авторов не отклоняется по частоте от среднестатистического показателя (2,9). Слово *furor* имеет большую среднюю частоту, чем все перечисленные (5,9), и встречается преимущественно у Сенеки (с частотой до 59,7), однако не в философских произведениях, а в драматических (161 пример). Следует отметить, что и произведения других авторов, в которых частота слова *furor* значительно превышает среднюю, не являются философскими (элегии Проперция, лирика Катулла, «Аргонавтика» Флакка, речи Цицерона и др.). В то же время достаточное количество контекстов со словом *furor* можно найти и в философских произведениях Сенеки и Цицерона, которые посвящены осмыслению темы безумия. Таким образом, основным материалом нашего исследования выбраны «Тускуланские беседы», «Нравственные письма к Луцилию» и «О гневе», но привлекались и контексты из других сочинений. Латинские цитаты приведены по изданиям, оцифрованным в корпусе Perseus, переводы – по изданиям, представленным на странице «Античная литература» сайта «История Древнего Рима»³.

В «Тускуланских беседах» теме безумия посвящены фрагменты 7–11 третьей книги («Об утешении в горе») и 52–55 четвертой книги («О страстях»). Причем отдельное внимание уделяется рассуждениям о словесном выражении идей. Значение слов Цицерон старается вывести из их внутренней формы (1). Слова *dementia* и *amentia* трактуются как синонимы друг друга и антонимы слова *mens* (2). Слово *insania*, по мнению Цицерона, выводит на первый план идею болезни как длительного состояния ума, в отличие от волнения, возникающего ситуативно (3). В согласии со стоической философией, *insania* – антоним мудрости (*sapientia*) (4).

(1) «*Totum igitur id quod quaerimus quid et quale sit, verbi vis ipsa declarat.* В самом смысле их уже раскрыто, что мы ищем и каково оно» [Cic. Tusc. III. 9].

(2) «...*animi affectionem lumine mentis parentem* ...волнение души, не освещенное светом ума» [Cic. Tusc. III. 10].

(3) «...*nomen insaniae significant mentis aegrotationem et morbum* ...что такое безумие? Страдание и болезнь ума» [Cic. Tusc. III. 8].

(4) «...*omnes insipientes igitur insaniant* ...кто не мужец, – все они душевнобольные» [Cic. Tusc. III. 9].

В то же время следует отметить, что вне обозначенного фрагмента теоретических рассуждений употребление Цицероном слов рассматриваемого синонимического ряда дает несколько иную картину.

Слово *amentia* Цицерон никогда не употребляет в философском смысле, но частое его использование в речах для характеристики обвиняемых согласуется с пониманием *amentia* прежде всего как *affectio*, причем нравственно не одобряемого. Здесь оно вписывается обычно в контекст других отрицательно оцениваемых поступков человека или в ряд антитет (5). Безумие, близкое к аффекту, обозначается словом *amentia* и у других авторов (6–8). Однако в переписке Цицерона *amentia* появляется и там, где заходит речь о недостаточно продуманных решениях и действиях, не связанных со страстями (9). То же изредка находим и у других авторов (10).

(5) «...*copia cum egestate, bona ratio cum perdita, mens sana cum amentia... confilit*. ...изобилие сражается с нищетой, порядочность – с подлостью, разум – с безумием» [Cat. II. 11].

(6) «*Arma amens capio.* Я вне себя хватаюсь за меч» [Ver. Aen. II. 314].

(7) «*Dolore pulsa gravi gravis est amentia.* Сменилось тяжким страданьем в ней беспамятство тяжкое» [Ov. Meth. V. 510].

(8) «*Quod si furore atque amentia impulsu bellum intulisset.* Если даже под влиянием бешенства и безумия он действительно начнет войну» [Caes. Gal. I. 40].

(9) «*amens mihi fuisse videor a principio... do, do poenas temeritatis meae. etsi quae fuit illa temeritas? quid feci non consideratissime?* Безумен, мне кажется, был я сначала... Несу я, несу кару, за свое безрассудство. Впрочем, что это было за безрассудство? Чего не сделал я самым осмотрительным образом?» [Cic. Att. IX. 10].

(10) «*uti Licynnius revivisceret et corrigeret hanc amentiam tectoriorumque errantia instituta!*» [Vitr. VII. 5].

Словом *dementia* также могут обозначаться не только волнения души, но и поступки, и даже мысли, не согласующиеся, по мнению автора, со здравым смыслом. Словари русского языка выделяют такое значение слова *безумие* как самостоятельное, противопоставленное значению ‘сумасшествие’. Именно лексика мыслительной деятельности часто окружает в текстах слово *dementia* (11, 12). Аналогичное употребление слова *dementia* характерно и для Сенеки (13–15); синонимом слова *demens* у него выступает *stultus* (16).

(11) «*Tu ips Paulo ante cum tamquam senatum philosophorum recitares, summos viros desipere delirare amentis esse dicebas.* Ты сам немного ранее, когда словно зачитывал список сената философов, говорил,

что эти великие люди **безумствуют, бредят, сошли с ума**» [Cic. N.D. I. 94].

(12) «*Sed quae tanta dementia est, ut in maxumis motibus mutationibusque caeli nihil intersit qui ventus, qui imber, quae tempestas ubique sit?* Но какое **безумие не придавать никакого значения** величайшим переменам и переходам в состояниях неба, тому, где какой ветер, дождь, погода» [Cic. Div. 94].

(13) «*Demens est, qui fidem praestat errori.* Безрас- суден тот, кто остается верен своему **заблуждению**» [Sen. Ben. IV. 36].

(14) «*Quanta autem dementia eius est quem clamores imperitorum hilarem ex auditorio dimittunt!* Но как велико **безумие** того, кто покидает круг **слушателей**, радуясь восторженным крикам **невежд?**» [Sen. Ep. LII].

(15) «*Atqui ut his irasci dementia est, quae anima carent, sic mutis animalibus.* Гневаться на бессловесных животных так же **безумно**, как и на бездушные предметы» [Sen. Ir. II. 26].

(16) «*His irasci quam stultum est, quae iram nostrum nec meruerunt nec sentiunt!* А ведь гневаться на них тем глупее, что они не только не заслужили нашего гнева, но и не могут его почувствовать» [Sen. Ir. II. 26].

Таким образом, *dementia* и *amentia* являются, по сути дела, не философскими понятиями, а оценочными словами общеупотребительного языка, что и объясняет их невысокую частоту в философских произведениях. Причем *amentia*, по-видимому, чаще связано с состоянием аффекта, чем *dementia*.

Обратимся к слову *insania*. Оно, в отличие от *dementia* и *amentia*, по-видимому, не употребляется как оценочное, а является констатацией медицинского факта (17–19) или метафорой (20, 21). Неслучайно именно словом *insania* пользуется Цельс (18), описывая разные виды сумасшествия. Пример 21 демонстрирует такой потенциал значения ‘безумие’, который в новых языках порождает отдельный семантический вариант либо десемантизирует лексему: в русском **безумный** ‘достигший крайней степени проявления, очень сильный’⁴, аналогично в английском *mad*⁵.

(17) «*in felle nigro insaniae causa homini morsque toto redditio*» [Plin. Nat. XI. 79].

(18) «*robusto adhuc corpora insolitus dentium stridor insaniae signa sunt*» [Cels. II. 7].

(19) «*Quae mentem insania mutat?* Какое безумье дух мой мутит?» [Ver. Aen. XII. 38].

(20) «*O miseri, quae tanta insania, cives? Creditis aevectos hostis?* Несчастные! Все вы безумны! Верите вы, что отплыли враги?» [Ver. Aen. II. 40].

(21) «*Quorum uero studio teneretur, omnibus ad insaniam fuit.* Чем бы он ни увлекался, в своей страсти он доходил до безумия» [Suet. Cal. 55].

В контексте философских сочинений слово *insania* приближается к термину. При этом безумие медицинское выступает метафорой безумия философского (4, 22). Понимание философии

как средства исцеления непросвещенных, и потому безумных, душ – излюбленная тема стоек, в частности Сенеки. Рассуждения о безумии, именуемом *insania*, часто разворачивают метафору болезни и лечения, заложенную во внутренней форме слова, насыщая контексты словами медицинской тематики (23, 24). У Сенеки это проявляется особенно ярко: в трактате «О гневе» мы нашли 16 подобных контекстов, в 94-м письме – 10. В то же время антитеза *insania – sapientia* у Сенеки не обсуждается подробно, лишь изредка и в трактате, и в письме встречаются слова *sapiens, mens, ratio*.

(22) «*Inter insaniam publicam et hanc, quae medicis traditur, nihil interest nisi quod haec morbo laborat, illa opinionibus falsis.* Нет разницы между безумием всеобщим и тем, которое поручают лечить врачам, – кроме одной: тут страдают недугом, а там – ложными мнениями» [Sen. Ep. XCIV. 17].

(23) «*qui pecuniae cupiditate, qui voluptatum libidine feruntur, quorumque ita perturbantur animi, ut non multum absint ab insanis, quod insipientibus contingit omnibus, is nullane est adhibenda curatio?* Утром **quod minus noceant animi aegrotationes quam corporis, an quod corpora curare possint, animorum medicina nulla sit?** Кто увлечен стяжательством, кто похотью, у кого душа в такой смуте, что остается один лишь шаг до **безумия**, – а именно такие многие неразумные, – разве все это не нуждается в **лечении?** Или **страдания души** меньше, чем **страдания тела**, или для тел **лекарства** есть, а для душ – нету?» [Cic. Tusc. III. 4].

(24) «*Si intrassem valetudinarium exercitus ut sciens aut domus divitis, non idem imperassem omnibus per diversa aegrotantibus; varia in tot animis vitia video et civitati curandae adhibitus sum; pro cuiusque morbo medicina quaeratur.* Если бы я пришел в **больницу** или в богатый дом как знающий врач, я не стал бы прописывать одно и то же лечение разным **больным**. Теперь же мне поручена **забота о здоровье** общества, и я вижу в разных душах самые разные пороки; для каждой **болезни** нужно изыскать свое **средство**» [Sen. Ir. I. 16].

Однако в трактовках философского безумия присутствуют и спорные моменты. Как будто бы признавая в третьей книге оппозицию *insania – sapientia*, Цицерон оспаривает ее в четвертой (25, 26). Предметом спора выступают страсти. Неслучайно слово *insania* часто встречается в философских рассуждениях о страстиах.

(25) «*Stoici, qui omnes insipientes insanos esse dicunt, none ista configunt? Remove perturbations maximeque iracundiam: iam videbuntur monstra dicere.* Эту связь ведь придумали стоики, считающие, будто, кроме мудрецов, все безумны, достаточно из этого их понятия о безумии исключить гнев и другие страсти, – и мнение их окажется нелепо» [Cic. Tusc. IV. 54].

(26) «*quod cum maius esse videatur quam insania, tamen eius modi est, ut furor in sapientem cadere possit, non posit insania.* И хоть бешенство, кажется, тяжелей, чем безумие – однако не надо забывать, что бешенству мудрец может быть подвержен, безумию же и неразумию – никогда» [Cic. Tusc. III. 11].

В ряду синонимов со значением «безумие» понятие страсти представлено словом *furor*. Если последовать логике Цицерона и восстановить внутреннюю форму, то увидим, что *furor* родственен глаголу *fervere* ‘кипеть, клокотать’. Следует отметить, что переводят *furor* чаще как *бешенство* или *ярость*, хотя вариант *безумие* предлагается словарем. Цицерон не формулирует значение данного слова, говоря лишь, что это не то же, что *insania* (27). Понятие *furor* он иллюстрирует гневом (28) и ограничивает *insania* на том основании, что временные состояния человека (*ira* ‘гнев’) следуют отличать от его постоянных свойств (*iracundia* ‘гневливость’), так как первые не предполагают обязательного безумия, а могут изредка появляться и у мудрецов (26). Впрочем, в этом противопоставлении Цицерон не всегда последователен. Так, он не акцентирует противопоставление временного и постоянного *furor* на вербальном уровне, хотя таковое и существует (*furor* и *furiosus*). Или, например, любовное безумие в одном и том же фрагменте именуется и *furor* [Cic. Tusc. IV. 76], и *insania* [Cic. Tusc. IV. 72]. Цицеронова аналогия с парой *ira* и *iracundia* также, по-видимому, нарушается его собственным словоупотреблением: в статье А. М. Браговой, посвященной понятию гнева у Цицерона, собраны многочисленные контексты, из которых видно, что часто словом *iracundia* обозначается гнев как временное состояние [1].

(27) «*Hanc enim insaniam, quae iuncta stultitiae patet latius, a furore disiungimus.* Мы отличаем “безумие” (к которому примыкает более широкое понятие “неразумие”) от “бешенства”» [Cic. Tusc. III. 11].

(28) «*Sic iracundus non simper iratus est; lacesse: iam videbis furentem.* Так и гневливый не всегда гневен: но, задень его, он и вправду покажет свою ярость» [Cic. Tusc. IV. 54].

Сенека, разделяя позицию стоиков, склонен отождествлять понятия *furor* и *insania* (29, 30), придавая им, кроме философского, медицинское значение (*phrenesis*), возможно, на уровне метафоры, но и это весьма показательно (31). Антидеза «временное – постоянное» для него не принципиальна. По мнению стоиков, одной из ипостасей и причин безумия выступает гнев (32), однако мы оставим анализ слова *ira* за пределами данного исследования, так как оно обозначает конкретную страсть и никогда не переводится словом *безумие*. Более того, это самостоятельный концепт, эволюции которого в философии посвящена, например, работа [8].

(29) «*Si tantum irasci vis sapientem, quantum scelerum indignitas exigit, non irascendum illi sed insanendum est.* Если, по-твоему, мудрец должен чувствовать гнев, какого требует возмутительность каждого преступления,

то ему придется не гневаться, а сойти с ума» [Sen. Ir. II. 9].

(30) «*Si quis furioso praecepta det... erit ipso, quem monebit, insanior.* Кто начнет наставлять безумца... тот будет безумнее вразумляемого» [Sen. Ep. XCIV. 17].

(31) «*Isto modo dic et phrenesin atque insaniam viribus necessariam, quia saepe validiores furor reddit.* Скажи уж тогда, что и умопомешательство необходимо для придания сил: известно ведь, что в приступе бешенства безумцы часто становятся намного сильнее» [Sen. Ir. I. 13].

(32) «*Multi itaque continuaverunt irae furorem nec quam expulerant mentem utquam recuperunt. Aiace in mortem egit furor, in furorem ira.* Многие так и остались в буйном помешательстве гнева: они не смогли вернуть назад ум, который на время отбросили. Аякса гнев подтолкнул к безумию, а безумие – к смерти» [Sen. Ir. II. 36].

Слово *furor*, подобно *dementia* и *amentia*, не является ни философским, ни медицинским термином; но, в отличие от них, не выступает и в роли оценочного и не может быть употреблено в контексте *Tantum *furor est + описание поступка* (Что за безумие...). Несмотря на отсутствие четкого определения, оно более остальных оказывается значимым социально, в частности юридически. Возможно, именно этим объясняется его высокая, сравнительно с остальными словами рассматриваемого ряда, относительная частота в текстах нефилософского содержания. Ссылка Цицерона на законы XII таблиц (33) дает основание предполагать, что оно могло обозначать не только краткое, но и продолжительное состояние человека – юридическую недееспособность.

(33) «*Qui ita sit adfectus, eum dominum esse rerum suarum vetant duodecim tabulae; itaque non est scriptum “si insanus”, sed “si furiosus escit”.* Кто поражен бешенством, тому XII таблиц запрещают владеть имуществом: не “кто безумен”, написано в них, а “кто бешен”» [Cic. Tusc. III. 11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщим наши наблюдения. Из проанализированных слов выделяется прежде всего *insania*, которое, помимо функционирования в общеупотребительном языке, могло выступать как медицинский и философский термин. В стоической философии понятие *insania* противопоставляется понятию *sapientia*. Различия в объеме понятия *insania* связаны с релевантностью (для Цицерона) / нерелевантностью (для Сенеки) противопоставления временных аффектов продолжительным состояниям (свойствам) человека. Эвфемистическая метафора, заложенная во внутренней форме данного слова, часто получает развитие в рассуждениях на уровне текста, перерастая в развернутое сопоставление «невежество – безумие, философия – лечение».

Остальные слова проанализированного ряда не имели специального значения ни в медицине, ни в философии и являлись исключительно словами общеупотребительного языка. Хотя через слово *affectio* Цицероном определяются *amentia* и *dementia*, современному пониманию аффекта как «эмоционального состояния, характеризующегося болезненным возбуждением чувств, включением воли, вместе с тем сильным ослаблением ясности мышления и его влияния»⁶ соответствует, скорее, *furor*. Это слово употреблялось для обозначения неистовства в чистом

виде как поведенческого факта, не становящегося предметом оценки говорящего. В философских сочинениях понятие *furor* иллюстрируется преимущественно гневом (*ira*).

Специфика семантики слов *amentia* и *dementia* заключается, напротив, в имплицитном присутствии субъекта, оценивающего, насколько мысли и поступки, о которых идет речь, соотносимы с *mens* или *ratio*. При этом со словом *amentia* в большей мере связана эмоциональная оценка (неодобрение), со словом *dementia* – рациональная (несоответствие здравому смыслу).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жевайкина Ю. В. Когнитивные аспекты идиоматики (на материале семантического поля «безумие» в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2004. 22 с.; Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.; Begley M. The Middle English lexical field of INSANITY: Semantic change and conceptual metaphor: A thesis... of DPH. University of Manchester, 2018. 256 p.
- ² Perseus Digital Library / (G. R. Crane, Ed.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/> (дата обращения 13.08.2021).
- ³ Античная литература [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/index.htm> (дата обращения 13.08.2021).
- ⁴ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.
- ⁵ Begley M. The Middle English lexical field of INSANITY: Semantic change and conceptual metaphor: A thesis... of DPH. University of Manchester, 2018. P. 221.
- ⁶ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 568 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагова А. М. Содержание цицероновского понятия *iracundia* // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 5. С. 727–734.
2. Железовский А. Д. Феномен безумия как объект культурологического исследования // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1, № 2. С. 218–224.
3. Новичкова Е. В. Лики безумия в культуре латинского средневековья // Человек. 2009. № 1. С. 92–103.
4. Обидина Ю. С. «*Mania*» в древнегреческой культуре: эволюция безумия в историческом и религиозно-антропологическом контексте // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 4. С. 40–47. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-40-47
5. Овсянников С. А. История и эпистемология пограничной психиатрии. М.: Альпари, 1995. 204 с.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Страф. М.: ACT, 2010. 698 с.
7. Güven F. Madness and death in philosophy. New York: State university of New York Press, 2005. 220 p.
8. Harris W. V. The Roman version. Ten years of the Agnes Kirsopp Lake Michels lectures at Bryn Mawr College. (S. B. Faris, L. E. Lundein, Eds). Bryn Mawr, PA, 2006. 240 p.

Поступила в редакцию 04.12.2021; принята к публикации 01.02.2022

Original article

Natalia I. Danilina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina.ni@staff.sgm.ru

LATIN WORDS WITH THE MEANING OF INSANITY: DISTINGUISHING SYNONYMS

Abstract. The aim of the article is to clarify the functional and semantic differences between synonyms with the meaning of “madness” in the Latin language: *dementia*, *amentia*, *insania*, *furor*. The material comprised selected con-

texts from the works of ancient authors, mainly Cicero (*Tusculanae Disputationes*) and Seneca (*Epistulae Morales ad Lucilium, De Ira*), who developed this topic most comprehensively. It was established that the word *insania* can be used as a medical and philosophical term. In Stoic philosophy, *insania* is the antonym for the concept of *sapientia*, and its internal form is the basis of the widely used extended metaphor “ignorance is madness (unhealthiness), philosophy is treatment”. The words *dementia*, *amentia* and *furor* did not acquire terminological meaning. The concept of *furor* corresponds to affect in its modern sense and is included in a broader concept of passion, with anger being one of the forms of its manifestation. In Seneca’s works, the concepts of *insania* and *furor* correlate as general and specific, while Cicero only emphasizes their non-identity, without defining their relationship. In the commonly used plain language, *furor* characterizes the emotional sphere of the object of speech, has ascertaining semantics, and does not contain an evaluative component. The words *dementia* and *amentia*, on the contrary, are used primarily as a means of assessing the situation described by the speaker. Emotional evaluation (disapproval) is more associated with the word *amentia*, while rational evaluation (inconsistency with common sense) is associated with the word *dementia*.

Keywords: madness, insanity, Stoicism, Latin, semantics, Cicero, Seneca

For citation: Danilina, N. I. Latin words with the meaning of insanity: distinguishing synonyms. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):73–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.755

REFERENCES

1. Bragova, A. M. The meaning of Cicero’s concept of iracundia. *Bulletin of Science and Practice*. 2018;4(5):727–734. (In Russ.)
2. Zhelezovskiy, A. D. Phenomenon of madness as a subject of culturological research. *Observatory of Culture*. 2016;1(2):218–224. (In Russ.)
3. Novichkova, E. V. Faces of madness in the culture of the Latin Middle Ages. *Human*. 2009;1:92–103. (In Russ.)
4. Obidina, Yu. S. “Mania” in Ancient Greek culture: the evolution of madness in the historical and religious-anthropological context. *Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”*. 2018;4(4):40–47. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-40-47 (In Russ.)
5. Ovsyannikov, S. A. History and epistemology of borderline psychiatry. Moscow, 1995. 204 p. (In Russ.).
6. Foucault, M. *Folie et déraison. Histoire de la folie à l’âge classique*. Paris, 1961. 674 p.
7. Güven, F. *Madness and death in philosophy*. New York, 2005. 220 p.
8. Harris, W. V. The Roman version. Ten years of the Agnes Kirsopp Lake Michels lectures at Bryn Mawr College. (S. B. Faris, L. E. Lundein, Eds.). Bryn Mawr, PA, 2006. 240 p.

Received: 4 December, 2021; accepted: 1 February, 2022

АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ ЯСТРЕБОВ

доктор церковной истории, доктор философии (PhD), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви

Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4692-4810; mirofore@gmail.com

ДЕТАЛИ К БИОГРАФИИ АПОСТОЛА ЦИГАРАСА

Аннотация. Фигура выходца из Янины Апостола Цигараса († 1637) не входит в плеяду видных представителей греческого народа в эпоху турецкого владычества. Не будучи государственным или церковным деятелем, крупным коммерсантом или военным, он жил жизнью политического эмигранта в изгнании, занимаясь торговлей. И тем не менее, несмотря на миноритарное положение в среде образованных греков диаспоры, ему суждено было сыграть заметную роль в деле просвещения своих соотечественников, а также в процессе установления связей между Русской православной церковью и Филадельфийской митрополией константинопольского патриархата. В статье изучаются связи Апостола с Россией и Русской церковью. В дополнение к уже известным фактам приводятся новые, до сих пор не исследованные данные. Цигарас выполнил важную роль: он познакомил Русскую церковь с ее защитником в далкой Европе – митрополитом Филадельфийским Гавриилом Севирием. После этого митрополит был почен вниманием самого московского патриарха Иова. Благодаря ему, как редактору и соавтору, стала доступной для массового читателя в Европе «Хроника» Псевдо-Дорофея – история эллинов в византийский и поствизантийский периоды, из которой, в частности, стало известно об основании патриаршества в Русской церкви. Его роль в публикации «Хроники» будет отдельно рассмотрена в настоящей работе. В приложении к статье публикуется ранее не издававшееся на русском языке завещание А. Цигараса.

Ключевые слова: Апостол Цигарас, Зот Цигарас, митрополит Гавриил Севир, Филадельфийская митрополия, «Хронограф» Псевдо-Дорофея

Благодарности. Выражаю искреннюю признательность проф. Л. Котовану (Париж) и проф. А. Фалангасу (США) за любезно предоставленные материалы, недоступные в Москве.

Для цитирования: Ястребов А. О. Детали к биографии Апостола Цигараса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.756

ВВЕДЕНИЕ

Семейство, которому принадлежал Апостол Цигарас, было союзом двух эпирских кланов – Цигарасов и Апсараков, ведущих свою историю еще с византийских времен¹. Его родители, Георгий и Пагона, насколько известно, имели пятеро сыновей, которым постарались дать хорошее образование. Старшим среди них был, вероятно, Зот, с которым Апостол пройдет вместе через времена славы и изгнания.

Население Эпира исторически было связано с дунайскими княжествами как в силу родственных отношений, так и благодаря развитой торговой сети, соединявшей вначале Византийскую, а затем и Османскую империю с северными Балканами, Австрией и Венгрией. Отпрыски знатной, но к тому времени уже небогатой фамилии, братья Цигарас должны были сами прокладывать себе дорогу в жизни. Зот говорит: «...бедным под-

ростком отправился я из дома моих предков и пошел трудиться, пока Господь Бог не помог мне»². Действительно, образование, которое он получил дома, вскоре помогло ему, знавшему греческий и турецкий языки, найти достойное место в Молдавском княжестве при дворе господаря Петра VI Михни и даже обеспечить своих близких³.

«Хроника» Псевдо-Дорофея Монемвасийского, о которой будет сказано ниже, описывает его как «судивительного юношу по имени Зот, прекрасного видом, стройного, искусного и доброго в слове, мудрого и честного, чистой жизни, верного в делах царства»⁴. Неудивительно, что такой молодой человек из благородного рода привлек внимание господаря и он выдал за него в 1586 году свою дочь Марию, по матери также происходившую из знатной греческой семьи с острова Родос. Зот был осыпан богатством и чинами: кроме подарков в десятки тысяч венецианских дукатов

в 1589 году в возрасте всего 26 лет он становится начальником важной молдавской крепости Хотин, в 1590 году назначается главным казначеем княжества, а еще через год удостаивается сана протоспафария, заимствованного дунайскими владельцами из византийской титулатуры [16: 199].

В 1591 году Петр Хромой был низложен с престола и изгнан, а вслед за ним отправилась в эмиграцию вся его семья. Господарь увез с собой свою казну, ставшую позже предметом споров его приближенных. Он скончался в 1594 году в Тироле, и после его смерти, завладев значительной частью денег, Зот с семьей обосновался в Венеции, где его, впрочем, не оставляли в покое судебные тяжбы⁵. Известно, что в течение года (1595/96) он был главой, «гастальдом» (или «гвардиано грандо») греческой общины Венеции – доверие, ему оказанное, подразумевало и финансовое участие в делах братства [12: 16]⁶ (рис. 1).

Рис. 1. Греческая церковь святого Георгия в Венеции.
Гравюра Джованни Пивидора

Figure 1. The Greek Church of St. George in Venice.
Engraving by Giovanni Pividori

За месяц до своей смерти († 11 апреля 1599 года) Зот составил завещание, в котором назначил распорядителями своего крупного состояния брата Апостола и Константина Палеолога⁷.

Апостол все это время находился рядом с Зотом, оставаясь в тени своего знатного брата⁸. Между строк летописи бурной жизни изгнанного молдавского вельможи читаем историю странствий и его родственника⁹.

АПОСТОЛ И РОССИЯ

Знакомство Апостола с Россией вновь начинается с Зота, вернее, с его торгового предприятия. Для этих целей тот занял крупную сумму у своего тестя и впоследствии просил его подождать с выплатой долга, поскольку деньги были вложены в дело [14: 148]. 20 декабря 1593 года он пишет:

«По поводу того долга, что остался перед твоей светлостью, прошу твою светлость подождать еще и не посыпать никого за ним, потому что Бог ведает, как мы стеснены, и нет у нас сейчас [чем отдать], но в основном все то, что имели от твоей светлости, послали в Москвию с людьми, чтобы заработать на кусок хлеба, если даст Бог, и будем здравствовать. А ныне Бог ведает, как мы стеснены. Но когда даст Бог и вернутся ребята, все вернем, как ты приказываешь»¹⁰.

Зот не говорит, кто именно отправился в пределы Московского государства, употребляя нейтральный термин «ребята». Однако из того, что нам известно, можно с уверенностью сказать, что его доверенным лицом в «московской миссии» был именно Апостол. Во всяком случае, именно о нем как о своем письмоносце говорит архиепископ Арсений Элассонский в послании к митрополиту Гавриилу Севиру от 27 марта ст. ст. 1593 года. Тогда Арсений передал в дар храму Святого Георгия и лично митрополиту четыре иконы¹¹. Из сопоставления двух дат следует, что Апостол пробыл в России целый год, занимаясь закупкой необходимого товара.

Более того, можно вслед за архиепископом всея Эллады Хризостомом (Пападопулосом) и С. Беттисом предположить, что Апостол бывал в России неоднократно [12: 202, 205, ὑποστημείσθη 20]¹². Так, в письме, направленном 15 марта н. ст. 1594 года из Больцано в Вену, местный чиновник уведомляет эрцгерцога Фердинанда о просьбе господаря Петра позволить ему встретиться с двумя купцами, направлявшимися из Венеции в Москвию для покупки шуб. Одним из них был Константин Палеолог, к которому, по всей видимости, присоединился Апостол. Они приехали к Петру, вероятно, чтобы вернуть долг, о котором упоминалось выше, и проследовали далее¹³.

Что кроме вышесказанного заставляет предположить, что Апостол продолжал свои поездки в Россию? В Греческом институте Венеции хранится еще один дар архиепископа Арсения Элассонского митрополиту Филадельфийскому Гавриилу – позолоченная серебряная панагия, датируемая 1596 годом [9: 133], [13: 42]. Можно думать, что связь с Венецией греческий архиерей продолжил поддерживать через Апостола, тем более что, как было упомянуто выше, семья Цигарасов была связана с греческой церковью и лично с митрополитом Гавриилом¹⁴.

Впрочем, Апостол интересовался не только торговлей, но и общественной деятельностью. Известно, что в 1614 году он занимал должность викария греческой церковной общины, вторую по значению после гастальдо (гвардиано грандо) [7: 232]¹⁵. Кроме того, Цигарас написал летопись греческой общины Венеции, о чём сам упоминает в завещании, составленном в 1625 году, что говорит о его добротном образовании и интересе к истории своего народа¹⁶.

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА «ХРОНИКИ» ПСЕВДО-ДОРОФЕЯ МОНЕМВАСИЙСКОГО

Бесспорно, главным делом жизни Апостола, трудом, благодаря которому он действительно вошел в историю, стало издание «Хроники» (или «Хронографа») Дорофея Монемвасийского, посвященной горячо любимому брату Зоту¹⁷. «Хроника» представляет собой свод исторических известий, начинаяющихся от сотворения мира и заканчивающихся 1629 годом. Уникальность этого произведения прежде всего в том, что оно стало первым трудом по истории Византии, Османской империи и Венеции, напечатанным на новогреческом языке. С 1631 года она выдержала без малого два десятка переизданий [1: 300]. Об этой книге, об истории бытования ее рукописной (в том числе переводной, в частности русской) традиции и особенно о ее авторе / авторах существует обширная библиография [1: 299–301], [5: 299–305], [15: 209] (рис. 2).

Рис. 2. Титульный лист первого издания «Хроники» с портретом Зота Цигараса

Figure 2. Title page from the first edition of the *Chronicle* with a portrait of Zotos Tsigaras

Спор вокруг авторства «Хроники» возник в XIX веке. Дело в том, что монемвасийского митрополита с именем Дорофей попросту не существовало. Мнения ученых первоначально склонялись к тому, чтобы атрибутировать труд митрополиту Иерофею Монемвасийскому, который сам фигурирует в «Хронике» и знал Зота (последнему рукопись принадлежала до 1599, года его смерти) и Апостола, поскольку прожил почти два года (1589–1591) при дворе господаря Петра Хромого в Яссах¹⁸. Апостол в одном из приветственных слов в начале «Хроники» говорит, что рукопись была составлена «по приказу господаря Петра Хромого и под наблюдением и на средства Зота», что, казалось бы, и давало основания думать, что автором ее является митрополит Иерофей, как раз в те годы находившийся в Молдавии¹⁹. Ведь он был одаренным богословом и профессиональным переписчиком книг, и все говорило в пользу того, что он в действительности мог быть автором «Хронографа». Причину же, по которой имя автора было изменено, видели первоначально в ошибке наборщика в типографии [5: 293]²⁰.

Однако это объяснение вскоре было признано неудовлетворительным. Явилось множество свидетельств существования рукописи «Хронографа» в десятках списков еще за 50 лет до ее первой публикации [10: 46–47]²¹. Ее автором называли Дамаскина Студита или Мануила Малаксоса, соответственно учителя и школьного товарища Иерофея²². В дальнейшем среди ученых распространилось мнение, что Иерофей просто дополнил рукопись Дамаскина, заканчивавшуюся 1570 годом, событиями, связанными с его путешествием в Россию в 1588–1589 годах, и что именно этот вариант труда попал в руки Зота Цигараса и впоследствии был напечатан его братом [5: 239]²³, [11: 36–38], [15: 209].

В научном сообществе и на сегодняшний день нет однозначного решения вопроса, кто же был подлинным автором / авторами «Хроники» и каковы причины изменения его имени, хотя считается доказанным, что рукописный свод, известный как минимум с 1570 года, является компиляцией нескольких независимых друг от друга разновременных источников [1: 300]. Относительно же степени участия в его составлении Иерофея Монемвасийского согласимся с архиепископом Хризостомом, что аргументы сторонников авторства Иерофея не вполне надежны. Так, например, последние утверждали, что подробности жарких московских дискуссий между греками по вопросу об установлении патриаршества не могли быть известны никому, кроме трех человек: патриарха Иеремии, митрополита Иерофея

и архиепископа Арсения Элассонского, который, как нам известно, дважды описал те события и ни в одном случае не говорил об имевших место разногласиях²⁴. Значит, по их мнению, информация о спорах исходила не от него, а от Иерофея, и, таким образом, именно он является автором этой части труда.

Однако, во-первых, согласно имеющимся данным, круг обсуждавших острый вопрос в Москве не ограничивался тремя греческими иерархами²⁵. Во-вторых, Иерофей Монемвасийский теми разговорами, которые вел с патриархом наедине (*κατά μονάς*), мог поделиться со своими спутниками и придворными Петра Михни во время своего последующего пребывания в Яссах²⁶. В тот период он был занят переписыванием большого сборника, который начал еще в 1588 году в Москве и окончил в середине июля 1591 года за полтора месяца до смещения Петра Хромого²⁷. В-третьих, против авторства Иерофея говорит тот факт, как на это указывал еще архиепископ Хризостом, что, если в сочинении архиепископа Арсения Элассонского называются по именам спутники патриарха, которые вместе с Иерофеем разубедили его оставаться в России, в «Хронике» они даже не упоминаются, что говорит за то, что эти события описывал все-таки не их очевидец²⁸. Наконец, в уста митрополита Иерофея вкладываются очень жесткие слова в адрес патриарха за его уступчивость, тогда как известно, что он испытывал к Иеремии II дружеские чувства и даже смело выступал в его защиту перед турками [5: 296], [15: 42].

Архиепископ Хризостом заключает, что автор «Хронографа» негативно относился к личности Иеремии и поэтому вкладывает в уста Иерофея жесткие слова в его адрес, в то время как у Арсения в обоих его трудах нет и намека на резкие выражения в адрес патриарха со стороны Монемвасийского митрополита. Вот почему представляется, что Иерофей не имел непосредственного отношения к составлению рукописи, послужившей образцом для первого издания «Хроники». В случае с резкими словами в адрес патриарха речь может идти скорее не о неприязни Иерофея к Иеремии, а, как полагает В. Г. Ченцова, о негативном отношении составителя сборника к России: это место повествования принадлежало перу тех, кто поддерживал диалог с католической церковью и союз христианских сил против турок, тех, среди которых царило разочарование антилатинской риторикой и примирительной политикой Московского государства по отношению к Османской империи. Как следствие, описание давления московских властей на патриарха и его спутников, споры между ними и резкий комментарий составителя в адрес Иеремии резко

контрастируют с рассказом о радушном приеме, оказанном грекам при дворе Петра Хромого²⁹.

АПОСТОЛ ЦИГАРАС КАК СОАВТОР «ХРОНИКИ»

Итак, согласно одному из свидетельств самого Апостола Цигараса, рукопись попала к его брату Зоту случайно, и вполне возможно, что в ней в тот момент попросту не было еще раздела о России, а также изложения последующих событий³⁰. Заметим также, что описание поездки в Москву непосредственно следует за строками, в которых приводится рассказ о Зоте и его свадьбе с принцессой Марией, автором которого наверняка был Апостол³¹.

Но главное, последний неоднократно встречался с очевидцами тех событий и мог получить всю интересовавшую его информацию как от Иерофея Монемвасийского в 1589–1591 годах, так и позже в России непосредственно от Арсения Элассонского, который, конечно, в письменных памятниках не осмеливался говорить что-либо, что могло бросить тень на события, связанные с учреждением патриаршества, а в личной беседе вполне мог высказать свои личные впечатления и критические суждения³². В желании и способности Апостола заниматься историческим исследованием нас убеждает факт существования его собственной работы, к сожалению, не дошедшей до нас³³. В любом случае данные «Хроники» (доведенной до 1629 года), которые были получены после 1599 года, то есть смерти Зота Цигараса, были добавлены Апостолом³⁴.

Вышеизложенное позволяет пересмотреть статус Апостола Цигараса в деле публикации «Хроники» и увидеть в нем не только издателя, но и соавтора книги, причем благодаря его вполне доказанным тесным связям с Россией к его перу можно отнести именно раздел об установлении московского патриаршества [12: 205, ὑποβημείωση 20].

Откуда же взялось имя Дорофея? Типографская ошибка в имени автора исключена. Оно имеется не только на титульной странице, но и во всех трех обращениях пролога А. Цигараса³⁵. Есть предположения, что ошибка была в несохранившейся рукописи Зота и ее просто воспроизвел Апостол³⁶. Если бы это было так, то стало бы еще одним доказательством, что автором книги был не Иерофея, которого прекрасно знали оба брата. Однако позволим себе предположить, что и это не истинная причина замены имени. Тем более что ни одна из более чем пяти десятков выявленных рукописей памятника не носит имени Дорофея [10: 46].

Имя, размещенное на титульном листе и в прологе, скорее всего, является сознательно избранным псевдонимом. Мистификация издателя, на наш взгляд, служила для того, чтобы

отослать читателя к персоне Иерофея Монемвасийского, которая неизбежно вслыхивает в памяти в связи с описанием событий во вселенской патриархии и поездкой в Россию и вместе с тем не может вызывать обвинений в присвоении митрополитом (к тому времени уже умершим) авторства труда [15: 209].

Зачем же Апостол атрибутировал «Хронику» Иерофею? Известно, что все наиболее важные рукописи памятника, которые близки к венецианскому изданию, так или иначе восходят к дунайским княжествам или к Варлаамову монастырю в Метеорах, где в XVI веке занимали важные должности выходцы из знатной эпирской семьи Апсарасов, родственников по матери братьев Цигарас [5: 292]. Отсылая к имени своего авторитетного земляка, Апостол тем самым кодифицировал эпирско-валашскую традицию бытования памятника, утверждая приоритет его проевропейской и антиосманской идеологии³⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А. Цигарас, при недостаточности сведений о его жизни, сделал два важных дела в области русско-греческо-венецианских связей.

Во-первых, он открыл для Русской церкви православную Венецию, рассказав архиепископу Арсению Элассонскому о митрополите Гаврииле и Филадельфийской митрополии и, возможно, подвигнув написать ему послание, после чего последовала не только череда контактов между двумя иерархами, но и обмен письмами Гавриила с патриархом Иовом³⁸.

Во-вторых, публикация «Хронографа» Псевдо-Дорофея Монемвасийского, издателем и одним из авторов которого был Апостол, сделала широко известным на Западе факт основания³⁹ Московского патриархата.

Приложение

«Хроника» стала главным, но не единственным примером заботы о памяти брата. Апостол ревностно соблюдал исполнение пунктов завещания, согласно которому был его душеприказчиком⁴⁰.

На свои средства он заказал надгробие, которое находилось над местом упокоения Зота, у алтаря церкви Святого Георгия (позже перенесено и сейчас располагается за алтарем храма). Апостол также обязал через суд главу греческого братства устроить саркофаг Зоту, как это было предписано в завещании и на что были выделены покойным 600 дукатов, и впоследствии высек на ней эпитафию: «Зот Цигарас из Яини. Достойно избранный протоспафарием и зятым князя и властителя всей Молдавалии Петра Михни, блестяще совершив свой жизненный путь в православной вере, в сем саркофаге, созданном братом его Апостолом для него и его наследников, вкушает мир в ожидании воскресения мертвых. 1599 год, 11 апреля»⁴¹ (рис. 3).

Рис. 3. Надгробие Зота Цигараса. Фото А. О. Ястребова

Figure 3. The tombstone of Zotos Tsigaras.
Photo credit: A. O. Yastrebov

Его привязанность к брату распространилась и на его четырех дочерей, из которых к моменту составления завещания оставались в живых лишь двое: Роксана и Изабелла. Как явствует из текста, он не был женат, но посвятил свою жизнь заботе о воспитании детей рано умершего брата. Апостол показал любовь ко всей своей семье и родине – Эпиру. В завещании упоминаются два монастыря в Яине и оставшиеся там родственники, которым он также по завещанию оставил средства.

В список имен усопших, которые должны были поминаться согласно его завещанию в церкви Святого Георгия в Венеции, кроме самого Апостола входит его брат, родители Георгий и Пагона, Панайот, второй его единогубранный брат, и некий Кириак.

Интересна судьба главы его распорядителей – племянницы Роксаны (в тексте завещания – Розанны). После 1617 года она приняла монашеский постриг с именем Ромила в женском монастыре, располагавшемся рядом с храмом Святого Георгия в Венеции и устроенным на деньги ее отца Зота Цигараса⁴², однако впоследствии перебралась на Корфу (совр. Керкиру), где вступила в сестричество монастыря святого апостола Андрея. Ее первые вклады в эту обитель датируются 1639 годом [8: 56–62], [12: 204, ὑποσημείωση 17]⁴³. Таким образом, можно предположить, что Роксана, многим обязанная дяде, оставалась в Венеции до его смерти, после которой, распорядившись его наследством согласно завещанию, перебралась на Корфу. Где похоронен сам Апостол, неизвестно.

Завещание Апостола Цигараса⁴⁴

Завещание Апостола Чигарà 1 октября 1625 года⁴⁵. Во имя вечного Бога. Аминь. Год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа тысяча шестьсот двадцать пятый, девятый индикт, день среда. В присутствии свидетелей и т. д.

«Я, Апостол Чигарà, по отцу Дзордзи (Zorzi), по происхождению из Янинь, но проживающий в этом городе Венеции, не желая умереть без завещания и оставить мое имущество без управления, но, по милости Божией, будучи здоровым умом, телом и расудком, пришел в контору Фаусто Дольона, нотариуса Венеции, расположенную на площади Святого Марка, и нашел его там. Я попросил его записать мое завещание, содержащее в себе мою последнюю волю, и впоследствии исполнить и сделать его действительным после моей смерти согласно законам и установлениям этого города. И прежде всего вручаю мою душу высшему Творцу Богу и славной Приснодеве Марии и всему сонму небесному. Хочу, чтобы любое мое завещание, сделанное прежде сего, было аннулировано и чтобы только это считалось действительным.

Желаю, чтобы из всего заработанного моим трудом 500 дукатов были взяты моими доверенными лицами и вложены в Дзекку⁴⁶ или в другое надежное место. Из доходов с этой суммы, хочу, чтобы упомянутые распорядители давали 10 дукатов приходским священникам церкви Святого Георгия Греков с тем, чтобы они совершали по мне две панихиды, одну в день поминования всех усопших, другую в день Мадонны в августе. Мои похороны пусть совершают все священники, которые будут в церкви, чтобы они молились за души Апостола, Георгия (Giorgio)⁴⁷, Герасима, Пагоны, Панайота и Кириака.

Затем желаю, чтобы были даны 4 дуката, по два каждому упомянутому приходскому священнику, чтобы вынимали за меня частицу, каждый раз как будут совершать мессу, молясь за меня Богу.

Остаток от дохода с 500 дукатов пусть будет для церкви Святого Георгия с обязательством давать вечно ежегодно греческим монахиням чистого масла, чтобы они зажигали лампаду перед иконой Христа.

Оставляю для монастыря Святых Николая и Иоанна “Турбана” на моей родине, в Янине, где похоронены мои родственники, 100 дукатов на поминование моей души с тем, чтобы они каждый год призывали в монастырь Святого Николая других священников из окрестных монастырей и совершали панихиду за души мои и моих родственников.

Завещаю монастырю Мадонны Киразистиоцы, также расположенному в Янине, еще 50 дукатов, чтобы те священномонахи молились Господу Богу за души мои и моих родных.

Завещаю 50 дукатов иерусалимскому патриархату и еще 50 дукатов монастырю Святого Саввы в Иерусалиме, чтобы молились за мою душу.

Завещаю 400 дукатов Святой Горе, называемой “Агион Орос” в 20 монастырей, которые находятся на ней, и это за мою душу. Чтобы разделены были дукаты по 20 на каждый монастырь с обязательством для тех отцов молиться за мою душу и за те пять имен, что я назвал выше.

Завещаю младшему сыну моего двоюродного брата Севестиана Чигарà, что живет в Янине и имеет имя Ламприс, 50 дукатов единовременно, а если он умер, то пусть они достанутся его сестрам.

Завещаю сыновьям Стама Апсарапа, также моего двоюродного брата, 50 дукатов единовременно и на всех.

Завещаю дочери покойного Джованни Чигарà, моего двоюродного брата, 20 дукатов единовременно.

Завещаю 15-ти священникам из Янинь 15 реалов на каждого, испанских реалов, чтобы каждый совершил по мне сорокоуст.

Завещаю здесь в Венеции греческим монахиням пять дукатов единовременно, чтобы молили Бога за меня.

Завещаю четырем госпиталям Венеции по пяти дукатов.

Завещаю госпоже Анне Пероклеру и Ярду Делла Филья 50 дукатов, чтобы молились за меня.

Завещаю двум дочерям превосходительного крестного Барбьера, монахиням при храме Святого Георгия Греков, пять дукатов на двоих единовременно.

Завещаю моей племяннице Розанне 10 дукатов, Изабелле, второй моей племяннице, еще 10 дукатов, Зифиретте, дочери моей покойной племянницы Зафиры, еще 10 дукатов единовременно. Таким образом, упомянутые мои племянницы обязаны молить Бога за меня, потому что я всегда подвизался ради них и воспитал их с детского возраста до совершенных лет с жертвами и трудами, как это известно всем, кто меня знает.

Заявляю, что не имею ни перед кем никаких долгов ни на одно сольдо, и если мои душеприказчики, которых назову ниже, не вложат 500 дукатов, чтобы извлечь выгоду, как я приказал выше, в таком случае желаю, чтобы пришли сыновья упомянутого мною брата Бастиана (Севестиана) Чигарà или любой из его сыновей, кто будет [жив], или их потомки мужского или женского пола, которые рождаются и будут иметь власть, но в первую очередь мужского пола, чтобы свободно взять 500 дукатов, оттуда, где они будут, и принесут их на мою родину. Желаю, чтобы на них в память обо мне была создана церковь в квартале Чигарà, посвященная Вседержителю.

Желаю, чтобы оставшаяся часть моего имущества, то есть домашняя мебель, золото, серебро, наличные деньги или иное, что найдется ко времени моей смерти, было продано моими душеприказчиками и после выплаты всего наследства то, что останется, было роздано беднякам здесь, в Венеции, для поминования моей души.

Желаю, чтобы душеприказчиками были гвардиан со всем советом “Банка”, “собранием сорока” и советом “Дзонта” школы Святого Георгия Греков, которые будут в тот момент действующими членами, и желаю, чтобы ничего не решалось без одобрения “собрания сорока” при кворуме не менее чем в 36 присутствующих членов и большинством не менее чем в 24 голоса⁴⁸.

Душеприказчиков молю сердцем Христовым принять это мое поручение и исполнить в точности, как я завещал, в противном случае они дадут ответ Богу за свои действия в день суда.

Завещаю книгу, которую я только что окончил, написанную по-гречески и названную “Хронограф”, то есть Хроника школы Святого Георгия Греков, с тем, чтобы в конце года ее отдали бы в печать с моими именем, фамилией и родиной, а если не будет этого сделано, желаю, чтобы указанная книга была отдана отцам монастыря Святого Николая “Турбана” в Янину, который я упоминал выше, чтобы мои родственники могли читать ее в память обо мне, но не забирали бы из монастыря. Оставляю им мою древнюю писаную картину “12 Ксеркс, повелитель Рассана”⁴⁹.

Также завещаю пять дукатов в монастыри Джудекки единовременно, чтобы молились обо мне⁵⁰.

Также [оставляю] монсеньору архиепископу Филадельфийскому 10 дукатов, чтобы поминал меня на многих мессах.

Также [оставляю столько же] Герасиму, приходскому священнику церкви Святого Георгия, чтобы

совершать за меня две панихиды каждый год, в дни, которые я назвал.

Желаю, чтобы упомянутый капитал в 500 дуктов был положен в банк и т. д.»

Будучи спрошен о других святых местах, ответил: «не хочу приказать иного, кроме как, чтобы Вы, нотариус, написали это завещание на пергаменте, потому что хочу иметь его при себе для моего удовлетворения».

**Добавление к завещанию, 8 сентября 1630,
индикт 14, пятница**

«Я, Апостол Чигарà, по отцу Дзордзи, по происхождению из Янины, оформив завещание у Вас, нотариуса, пришел в Вашу контору, потому что хотел бы к нему

нечто добавить. Я оставил в качестве распорядителей гвардiana, совет “Банка” и т. д. церкви Святого Георгия Греков. Теперь же объявляю, что желаю, чтобы вместе с ними вошла в комиссию моя племянница Розанна Чигарà, которая будет первой среди распорядителей во всем, что найдется из моего имущества, и позаботится она сама, чтобы все было сделано в соответствии с моим завещанием в присутствии других душеприказчиков, и будет их главой. Объявляю, что 500 дуктов будет она хранить до тех пор, пока не будут вложены, и желаю, чтобы это добавление Вы сейчас же прикрепили к моему завещанию».

Было опубликовано 7 июня 1637 года,
в день его смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О семье Чигарасов см.: [12: 12–19, 202–212], [14: 146–148], [16: 197].

² Legrand É. *Bibliographie hellénique du dix-septième siècle*. Т. 3. Р.: Alphonse Picard et fils, 1895. Р. 429; Μέρτζος К. Δ. Το εν Βενετίᾳ Ηπειρωτικόν Αρχείον // Ηπειρωτικά Χρονικά. 1936. Σ. 13–114.

³ Об образовании Зота см.: [12: 14–15]. Впрочем, на примере писем Зота видно, что его владение родным греческим языком на письме оставляло желать лучшего. См.: Hurmuzaki E., Iorga N. (cul.) *Documente privitoré la istoria românilor*. Т. XIV/1. Bucureşti: Socecu, 1915. Р. 97–99.

Петр VI Михня или Хромой (молд.: Petru Šchiopul) – господарь Молдавского княжества с июня 1574 по 23 ноября 1577, с 1 января 1578 по 21 ноября 1579 и с 17 октября 1582 по 29 августа 1591 года.

⁴ Legrand É. *Bibliographie hellénique du dix-septième siècle*. Т. 1. Р.: Alphonse Picard et fils, 1894. Р. 298.

⁵ Iorga N. *Ospiti romeni in Venezia (1570–1610)*. Bucarest: Imprimeria Națională, 1932. Р. 127–137.

⁶ Μέρτζος К. Δ. Op. cit. Σ. 10. Н. Йорга со ссылкой на документы, опубликованные Е. Хурмузаки, говорит о заинтересованности греческой общины Венеции и лично митрополита Филадельфийского Гавриила Севира в том, чтобы значительная часть наследства Петра попала в руки Зота, с тем чтобы впоследствии частично пойти на нужды греческой церкви. См.: Iorga N. Op. cit. Р. 119, 129, 131, 135, 137–138.

⁷ Опубликовано у Легранда (Legrand É. *Bibliographie hellénique du dix-septième siècle*. Т. 3. Р. 429–434), а также в подлиннике и в переводе на новогреческий: Μέρτζος К. Δ. Op. cit. Σ. 5–16.

Имя Константина находим в списках молдавских бояр. Он покинул страну вместе с Петром Хромым и впоследствии путешествовал по делам вместе с Апостолом и, как видим, пользовался большим доверием его старшего брата. См.: [16: 201, note 30], а также: Hurmuzaki E., Iorga N. (cul.) *Documente privitoré la istoria românilor*. Т. XI. Bucureşti: Socecu, 1900. Р. 270, 425–426.

⁸ Апостол получил образование в той же монастырской школе Янины, что и Зот. См.: [12: 202].

⁹ Так, например, в октябре 1594 года он уезжает на месяц в Венецию, чтобы хлопотать там о задержанном в Больцано Зоте, который в ходе тяжбы за наследство своего тестя подвергался обвинениям со стороны соперников. См.: Hurmuzaki E., Iorga N. (cul.) Op. cit. Р. 22, 513–514, а также: Iorga N. Op. cit. Р. 130. Действия Зота нельзя признать справедливыми. От имени своей жены он пытался завладеть частью, полагавшейся сыну Петра Хромого, Стефану, законному наследнику и коронованному соправителю отца. Все перипетии борьбы за наследство см.: Iorga N. Op. cit. Р. 127–138.

¹⁰ Письмо Зота Чигараса Петру Хромому от 20 декабря н. ст. 1593 года. См.: Hurmuzaki E., Iorga N. (cul.) *Documente privitoré la istoria românilor*. Т. XIV/1. Р. 97–98.

¹¹ О письме архиепископа Арсения Элассонского митрополиту Гавриилу см.: [6: 191–192].

¹² Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Περί της ελληνικής εκκλησιαστικής χρονογραφίας του ΙΣΤ' αιώνος. Εν Αλεξανδρείᾳ: Εκ του Πατριαρχικού Τυπογραφείου, 1912. Σ. 42.

¹³ Hurmuzaki E., Iorga N. (cul.) *Documente privitoré la istoria românilor*. Т. XI. Р. 425–426; Iorga N. Op. cit. Р. 114–115.

¹⁴ Кроме того, как было сказано выше, митрополит Гавриил принимал активное участие в судьбе наследства покойного Петра Хромого на стороне Зота Чигараса, который отписал церкви Святого Георгия 600 дуктов и лично митрополиту – 60. См.: Legrand É. Op. cit. Р. 427.

¹⁵ Благодарю Л. Котовану за указание на эту публикацию.

¹⁶ Завещание публикуется в Приложении к статье.

¹⁷ *Editio princeps – Venezia, 1631* под титулом: Βιβλίον ιστορικόν περιέχον εν συνόψει διαφόρους και εξόχους ιστορίας: Αρχόμενον από κτίσεως Κόσμου μέχρι της αλώσεως Κωνσταντινουπόλεως, και επέκεινα, συλλεχθέν μεν εκ διαφόρων ακριβών ιστοριών και εις την κοινήν γλώσσαν μεταγλωτισθέν παρά του ιερωτάτου μητροπολίτου Μονεμβασίας Κυρίου Δωροθέου. Νεωστί δε τυπωθέν. Περιέχον και πίνακα πλουσιώτατον πάντων των αξιομνησεύτων πραγμάτων. Ενετίσιν: Παρ' Ιωάννη Αντωνίῳ τω Ιουλιανώ, αχλα', 1631. (Книга историческая, содержащая вкратце различные превосходные истории от сотворения мира до взятия Константинополя и далее, собранная из различных достоверных историй и переведенная на общий язык преосвященнейшим митрополитом Монемвасии господином Дорофеем. Венеция: Типография Иоанна Антония Юлиана, 1631).

- ¹⁸ К. Сафас первоначально считал, что рукопись, оказавшаяся впоследствии через Зота у Апостола, была переписана именно Иерофеем, однако, как бы в наказание за то, что он хотел присвоить себе труд своего учителя, его имя на книге вышло искаженным. См.: Σάθας Κ. (επιστασία) Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη ή Συλλογή ανεκδότων μνημείων της Ελληνικής Ιστορίας. Τόμος Γ'. Εν Βενετίᾳ: Τύποις του Χρόνου, 1872. Σ. 15.
- ¹⁹ На самом деле, в двух приветственных словах (из трех, имеющихся в прологе): к Александру Воеводе, бывшему господарю Валахии (1623–1627) и Молдавии (1629–1630), и к читателям Апостол различно сообщает о том, как рукописный подлинник оказался в руках Зота. В первом слове он говорит, что манускрипт был составлен и написан по приказу Петра Хромого под наблюдением и на средства старшего брата, а в третьем – слове «к благочестивым и православным христианам» он пишет, что рукопись попала к его брату практически случайно (κατά τινας θείαν πρόσοντα), а после его смерти перешла к нему. См.: Legrand É. Bibliographie hellénique du dix-septième siècle. Т. 1. Р. 291, 296, Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 24.
- ²⁰ Σάθας Κ. (επιστασία) Ορ. cit. Σ. 15.
- ²¹ И. Н. Лебедевой выявлен 51 список «Хроники». См. [2: 31–70].
- ²² Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 20.
- ²³ Ibid. Σ. 21.
- ²⁴ Разногласия касались неправомерных, по мнению митрополита Иерофея, действий патриарха Иеремии, согласившегося поставить первого русского патриарха без решения других восточных патриархов. Арсений прямо не говорит о неправомерности поставления Иеремией московского патриарха, зато у него есть разнотечения в объяснении ситуации, когда Иеремии предложили самому возглавить новый патриархат: в своей поэме «Труды и странствования смиренного Арсения, архиеп. Элассонского» (1593) он говорит о том, что Иеремия сам отказался от этой чести, а в «Истории России» (1619) сообщает, что патриарха отговорили его спутники и некоторые другие греки. То есть Арсений глухо упоминает об имевшем место разногласиях, но не связывает их напрямую с основанием Московского патриархата. См.: Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 27; Дмитриевский А. Архиепископ Арсений Элассонский и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского сумелийского монастыря. Киев: Типография императорского ун-та св. Владимира, 1899. С. 21–22, 89–90.
- ²⁵ Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 28–29, Дмитриевский А. Указ. соч. С. 87.
- ²⁶ Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 40–41, Σάθας Κ. Βιογραφικόν σχεδίσμα περί του Πατριάρχου Ιερεμίου Β': (1572–1594). Εν Αθήναις: Τυπογραφείον Α. Κτενά και Σ. Οικονόμου, 1870. Σ. 21.
- ²⁷ Кстати, эту рукопись он впоследствии сам привез в Россию, которую посетил вторично в 1596 году. См. [4: 46].
- ²⁸ Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit.; [2: 69]. Ср.: Δωροθέου Μονεμβασίας. Βιβλίον ιστορικόν. Σ. 452. Проф. Дмитриевский ошибается, когда сообщает, что спутники патриарха Иеремии – Дмитрий протоканонарх, Георгий логофет и Николай Аристотель – упоминаются в «Хронике». См.: Дмитриевский А. Указ. соч. С. 87.
- ²⁹ Автор «Хроники» о патр. Иеремии: «Поэтому-то низвергнут и сам он, и Церковь в дни его» (Δωροθέου Μονεμβασίας. Ορ. cit. Σ. 452). Ср. [5: 298–299].
- ³⁰ Например, списка венецианских дожей, который доходит до 1629 года – конца правления дожа Джованни Корнера, а также султанов Османской империи, доходящих до конца правления Мурада III (1574–1595).
- ³¹ Δωροθέου Μονεμβασίας. Ορ. cit. Σ. 451–452.
- ³² Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 41–42. Ср.: Дмитриевский А. Указ. соч. С. 89; Николаевский П. Ф., прот. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. № 7–8. С. 394, примеч. 1. Дмитриевский решительно не согласен с Николаевским в том, что патриарха Иеремию изолировали и, по сути, принуждали рукоположить для Руси патриарха.
- ³³ См. Приложение.
- ³⁴ Παπαδόπουλος Χρ., αρχιεπ. Ορ. cit. Σ. 44.
- ³⁵ Ibid. Σ. 22.
- ³⁶ Ibid. Σ. 26.
- ³⁷ Думается при этом, что издатель не слишком погренил против истины, поскольку окончательная редакция свода действительно сложилась в кругу митрополита Иерофея. См.: [5: 299], [15: 200].
- ³⁸ Этот факт в научной литературе освещается впервые, поскольку, хотя Апостол упоминается в письме Арсения Элассонского Гавриилу Севиру, а его спутник Константин Палеолог в письме патриарха Иова тому же Гавриилу, никто из историков не обратил внимания на его предполагаемый вклад в укрепление отношений с Россией.
- ³⁹ Замечание И. Н. Лебедевой относительно авторства заключительной части «Хроники» не исключает, а, на-против, позволяет рассматривать Апостола как автора дополнения книги с той лишь поправкой, что оно было «общим местом», заимствованным из других современных ему источников, что не отменяет его вклада в корпус текстов [2: 70]. Впрочем, и здесь позволим себе не согласиться, поскольку информация об установлении патриаршества в Русской церкви и, пусть и краткое, описание событий в Молдавском княжестве, если они принадлежат перу Апостола, как изложено выше в качестве гипотезы, есть важные и отнюдь не банальные для своего времени сведения.
- ⁴⁰ Апостол и Константин Палеолог даже судились в 1601 году с вдовой Зота Марией и с главой греческого братства Грибетто (1606–1608) по вопросам неисполнения пунктов завещания. См.: Iorga N. Ορ. cit. Р. 143, 153.
- ⁴¹ Эпитафия приводится: Legrand É. Bibliographie hellénique du dix-septième siècle. Т. 3. Р. 428, Iorga N. Ορ. cit. Р. 138–139, Μέρτζιος Κ. Δ. Ορ. cit. Σ. 9, ύποσημείωση 12, [12: 19]. Отдельное исследование надгробия см. у М. Штефанеску: [17].
- ⁴² Μέρτζιος Κ. Δ. Ορ. cit. Σ. 7.

⁴³ Вклады Роксаны сохранились до наших дней. Это живописная икона, изображающая Богородицу с Младенцем на небесах со святыми Космой и Дамианом. Внизу посередине изображен Зот Цигарас, облеченный в одежду своего сана. Слева от него его жена, Домна Мария, изображенная очень молодой, а слева уже пожилая их дочь Роксана-Ромила. Сохранились также златотканые священнические одежды, шитые самой Роксаной. После 1644 года упоминаний о ней не имеется.

⁴⁴ Хранится: AAIE. Pergamena. Busta 276. Опубликовано: Μέρτζος Κ. Δ. Op. cit. Σ. 21–27. Перевод с итальянского А. О. Ястребова.

⁴⁵ Имена собственные приводятся в оригинальном итальянском произношении, где греческое “Τζιγαράς”, например, превращается в итальянское “Cigara”, смягчая согласные и теряя характерное окончание.

⁴⁶ Дзекка – венецианский монетный двор.

⁴⁷ Апостол приводит имя *Георгий* то в венецианской огласовке *Дзордзи*, то в классической *Джорджио*, переводящейся здесь как *Георгий*.

⁴⁸ Венецианские «школы» представляли собой братства мирян, которые объединяли членов по религиозному, профессиональному или национальному признаку. Число «школ» доходило до 400, из них 9 назывались «великими». Начав свое существование с XI века, они были упразднены после падения республики в 1797 году. Пять «школ» существуют в наши дни. Все «школы» имели сходный характер управления: в основе каждой лежал устав, председательствовал выборный «гвардиан грандо» или «гастальдо», капитул был общим собранием всех братчиков, исполнительные функции были у советов «Банка» и «Дзонта». Греческое братство имело название «сколетта Сан-Николо», а не «スクола Святого Георгия Греков», как говорит Апостол.

⁴⁹ Неясно, о каком сюжете идет речь.

⁵⁰ Джудекка – остров в Венеции, в районе Дорсадура. Интересно, что там не было православных обителей, но в одном женском монастыре хранились мощи святителя Афанасия, архиеп. Александрийского (295–373). Вероятно, близость любимого греческого святого побудила Апостола обратиться в католические монастыри с просьбой о молитве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лебедева И. Н. Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // Труды Отдела древнерусской литературы. 1965. Т. 21. С. 298–308.
- Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968. 139 с. (Палестинский сборник / Акад. наук СССР. Рес. Палестин. о-во; Вып. 18 (81)).
- Макарий (Веретеников), архим. Первый патриарх Иов и его время // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. Вып. 1 (21). С. 11–170.
- Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М.: Индрик, 2003. 512 с.
- Ченцова В. Г. Поставление первого русского патриарха по хронике Псевдо-Дорофея: замечания к изучению // Человек в пространстве и времени культуры: Материалы Всерос. науч. конф. «Человек и мир человека». Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 289–306.
- Ястребов А. О. «Быть едиными в духе, пусть многие из нас и рассеяны по лицу земли». Письмо Арсения Элассонского митрополиту Гавриилу Севиру // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2017. Т. 78, № 1. С. 185–195.
- Βλάστη Δ. Ε. Η δωρεά του Κυπρίου μεγαλέμπορα Μιχαήλ Δημάρικου του Πέτρου στην ελληνική αδελφότητα Βενετίας (1608–1614) // Πρακτικά του Διεθνούς Συμποσίου Κύπρος-Βενετία. Κοινές ιστορικές τύχες, Αθήνα, 1–3 Μαρτίου 2001 / Μαλτέζου Χ. Α. (επιμ.). Βενετία, 2002. Σ. 218–237.
- Γκέλης Κ., πρωτοπρεσβ. Ο απόστολος Ανδρέας και η ιερά μονή Περατάτων (Μηλαπιδιάς) Κεφαλληνίας. Αθήναι: Ι. Μ. Απ. Ανδρέου Κεφαλληνίας, 1986. 127 σ.
- Δημητράκος Φ. Άρσενιος Έλασσόνος (1550–1626). Βίος καί ἔργο. Απομνημονεύματα. Συμβολή στή μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς. Αθήνα: Παρούσια, 2007. 379 σ.
- Ζαχαριάδος Ε. Α. Μια ιταλική πηγή τοῦ Ψευδο-Δωροθέου γιά τήν ιστορία τῶν Ὀθωμανῶν // Πελοποννησιακά. 1962. Т. 5. Σ. 46–59.
- Μαρκόπουλος Α. Ένα χειρόγραφο από το Μελένικο στη βιβλιοθήκη John Rylands του Μάντσεστερ. (Ψευδο-Δωρόθεος, Λέων ΣΤ' ο Σοφός) // Μνήμων. 1975. Т. 5. Σ. 35–48. DOI: 10.12681/mnimon.355
- Μπέττη Σ. Ζώτος, Απόστολος και Στέφανος Τζιγαράδες // Ηπειρωτική εστία. 1977. № 26. Σ. 12–19, 202–212.
- Χαρχαρέ Ε. Ρωσικά πολιτιστικά αγαθά στο Ελληνικό Ινστιτούτο Βενετίας (= Сокровища русской культуры в греческом институте Венеции = Russian cultural property in the Hellenic Institute of Venice = Beni Culturali Russi nell'Istituto Ellenico di Venezia / Eleni Th. Charehare, Перевод: Olga Patrunova, Sotirios Messinis). Αθήναι: έκδ. Ίνδικτος, 2006. 134 σ.
- Самарино-Сиоран А. L'Épire et les Pays Roumains. Jannina: Éditions de l'Association d'études épirotes, 1984. 292 p.
- Falangas A. Présences grecques dans les Pays roumains (XIV–XVI siècles). Bucarest: Éditions Omonia, 2009. 336 p.
- Pippidi A. De Janina a Venise: fortune et fortune politique // Revue des études sud-est européennes. 2002. Т. XL, № 1-4. Р. 195–202.
- Ștefănescu M. Piatră de mormânt uitată și o pecete necunoscută. Mărturii vechi și noi despre marele spătar Zotu Tzigara // Buletinul Monumentelor Istorice. 1971. Anul XL, nr. 4. Р. 58–62.

Original article

Alexey O. Yastrebov, Dr. of Church History, Dr. of Philosophy (PhD), Cand. Sc. (History), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-4692-4810; mirofore@gmail.com

UPDATES TO THE BIOGRAPHY OF APOSTOLOS TSIGARAS

A b s t r a c t. Apostolos Tsigaras († 1637), a native of Ioannina, is not included in the galaxy of prominent representatives of the Greek people in the era of the Turkish rule. Not being a statesman or church leader, a big businessman or a military man, he lived his life as a political émigré in exile, engaging in trade. Nevertheless, despite the minority position among the educated Greeks of the diaspora, he was destined to play a significant role in the enlightenment of his compatriots, as well as in the process of establishing ties between the Russian Orthodox Church and the Philadelphia Metropolitanate of the Patriarchate of Constantinople. The article examines the connections of the Apostolos with Russia and the Russian Church. In addition to the already known facts, new unexplored data are presented. Tsigaras played an important role – he introduced the Russian Church to its defender in far-off Europe, the Metropolitan Gabriel Severos of Philadelphia. After that, the Metropolitan was honored with the attention of the Moscow Patriarch Job. As an editor and co-author he made the *Chronicle of Pseudo-Dorotheus* – the history of the Greeks in the Byzantine and post-Byzantine periods, which, *inter alia*, tells about the founding of the patriarchate of the Russian Church – available to the general reader in Europe. The paper specifically focuses on his role in the publication of the *Chronicle*. The testament of Apostolos Tsigaras, which has not been published in Russian before, is presented in the appendix to the article.

K e y w o r d s : Apostolos Tsigaras, Zotos Tsigaras, Metropolitan Gabriel Severos, Philadelphia Metropolitanate, Chronograph of Pseudo-Dorotheus

A c k n o w l e d g e m e n t s . The author expresses his sincere gratitude to Prof. L. Kotovanu (Paris) and Prof. A. Falangas (USA) for the kindly provided materials not available in Moscow.

F o r c i t a t i o n : Yastrebov, A. O. Updates to the biography of Apostolos Tsigaras. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.756

REFERENCES

1. Lebedeva, I. N. Greek *Chronicle of Pseudo-Dorotheus* and its Russian translation. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. 1965;21:298–308. (In Russ.)
2. Lebedeva, I. N. Late Greek chronicles and their Russian translations. Leningrad, 1968. 139 p. (In Russ.)
3. Macarius (Veretennikov), Archimandrite. The first patriarch Job and his time. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018;1(21):11–170. (In Russ.)
4. Fonkich, B. L. Greek manuscripts and documents in Russia between the XIV and the early XVIII centuries. Moscow, 2003. 512 p. (In Russ.)
5. Tchentsova, V. G. Establishment of the first Russian patriarch according to the chronicle of Pseudo-Dorotheus: notes on the study. *Man in the space and time of culture. Proceedings of the all-Russian research conference "Human and the Human World"*. Barnaul, 2008. P. 289–306. (In Russ.)
6. Yastrebov, A. O. "To be united in spirit, though many of us are scattered around the world". The letter of Arseny of Ellasson to the Metropolitan Gabriel Severos. *Church and Time. The Journal of Theological Research and Church Public Affairs*. 2017;78(1):185–195. (In Russ.)
7. Βλάσση, Δ. Ε. Η δωρεά του Κυπρίου μεγαλέμπορα Μιχαήλ Δημάρικου του Πέτρου στην ελληνική αδελφότητα Βενετίας (1608–1614). Πρακτικά του Διεθνούς Συμποσίου Κύπρος-Βενετία. Κοινές ιστορικές τύχες, Αθήνα, 1–3 Μαρτίου 2001 / Μαλτέζου Χ. Α. (επιμ.). Βενετία, 2002. Σ. 218–237.
8. Γκέλης, Κ., πρωτοπρεσβ. Ο απόστολος Ανδρέας και η ιερά μονή Περατάτων (Μηλαπιδιάς) Κεφαλληνίας. Αθήναι, 1986. 127 σ.
9. Δημητρακόπουλος, Φ. Άρσενιος Έλασσόνος (1550–1626). Βίος καί ἔργο. Απομνημονεύματα. Συμβολή στη μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ανατολῆς. Αθήνα, 2007. 379 σ.
10. Ζαχαρίας, Ε. Α. Μια ιταλική πηγή τοῦ Ψευδο-Δωροθέου γιά τήν ιστορία τῶν Όθωμανῶν. *Πελοποννησιακά*. 1962;5:46–59.
11. Μαρκόπουλος, Α. Ένα χειρόγραφο από το Μελένικο στη βιβλιοθήκη John Rylands του Μάντσεστερ. (Ψευδο-Δωροθέος, Λέων ΣΤ' ο Σοφός). *Μνήμων*. 1975(5):35–48. DOI: 10.12681/mnimon.355
12. Μπέτρης, Σ. Ζώτος, Απόστολος και Στέφανος Τζιγαράδες. *Ηπειρωτική εστία*. 1977;26:12–19, 202–212.
13. Χαρχαρέ, Ε. Ρωσικά πολιτιστικά αγαθά στο Ελληνικό Ινστιτούτο Βενετίας (= Russian cultural property in the Hellenic Institute of Venice = Beni culturali Russi nell'Istituto Ellenico di Venezia / Eleni Th. Charchare, translation: Olga Patrunova, Sotirios Messinis). Αθήνα, 2006. 134 σ.
14. Camarano-Cioran, A. L'Épire et les Pays Roumains. Jannina, 1984. 292 p.
15. Falangas, A. Présences grecques dans les Pays roumains (XIV–XVI siècles). Bucarest, 2009. 336 p.
16. Pippidi, A. De Janina a Venise: fortune et fortune politique. *Revue des études sud-est européennes*. 2002;XL(1-4):195–202.
17. Ștefănescu, M. Piatră de mormânt uitată și o pecete necunoscută. Mărturii vechi și noi despre marele spătar Zotu Tzigara. *Buletinul Monumentelor Istorice*. 1971;XL(4):58–62.

Received: 11 October, 2021; accepted: 1 February, 2022

ЯНА ЛЕОНИДОВНА ЗАБУДСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
доцент филологического факультета
Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика)
yanazabud@mail.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

А н н о т а ц и я . Цель исследования – выявление специфики форм рецепции античной драмы в современной литературе. Новизна работы определяется малоизученным на данный момент материалом – современной интерпретацией античных сюжетов, рассматриваемой посредством сравнительно-типологического метода. Актуальность заключается в характеристике универсальных черт рецепции античности в современной культуре и обеспечивается в том числе междисциплинарным подходом: изучением социальной проблематики (феминистический дискурс) и межжанровых взаимодействий (литература и кино). Предлагается классификация и характеристика типов сюжетных заимствований: интерпретация-парадигма как осмысление известного сюжета или же ознакомление с ним на новом этапе существования литературы; интерпретация-альтернатива как взгляд на известный сюжет с новой точки зрения; интерпретация-модель и интерпретация-парадокс представляют через античный миф современные реалии, проблемы и дискурсы. В современных формах рецепции актуализация сюжета достигается за счет феминистического дискурса и осовременивания античных реалий; специфической чертой оказывается явление жанрового перехода. При сохранении интереса к античным сюжетам залогом успеха при обращении к классике оказывается эмансипация от античных литературных парадигм.

К л ю ч е в ы е с л о в а : рецепция античности, интерпретация, сюжет, жанр, литературный процесс

Д л я ц и т и р о в а н и я : Забудская Я. Л. Древнегреческая трагедия и современный литературный процесс // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.757

ВВЕДЕНИЕ

При кажущейся удаленности и очевидной «древности» как форм, так и содержания, античная литература оказывается актуальной и востребованной в современном литературном процессе. Это, конечно же, является продолжением много-вековой традиции восприятия Европой античного наследия в литературном аспекте, явления, называемого *Nachleben*, «посмертное бытие» античных авторов и текстов в культуре Новой Европы, а чаще обозначаемого как «рецепция античности». С точки зрения взаимодействия культур рецепция – явление междисциплинарное, включающее в себя историю науки, исследования кино и СМИ, переводоведение, использование античных образов в социальных проектах и т. п. [5: 11], [8]. Однако в рамках Classical Studies рецепция – явление прежде всего литературное, изучающее отношения между античными и со-

временными текстами, художественный и интеллектуальный процесс отбора античных текстов для подражания и адаптации.

Формы литературной рецепции при определенных схождениях все же различаются. Прежде всего это, конечно, (ре)интерпретация: обращение к античному сюжету. Сама по себе достаточно очевидная – заимствование и переработка сюжета – форма несет в себе существенное разнообразие [2: 30]:

- 1) *Интерпретация-парадигма*, представляющая собой развитие и дополнение уже имеющегося толкования сюжетных коллизий. Пример интерпретации-парадигмы – «Медея» Сенеки, про которую говорили, что она читала «Медею» Еврипида. Другой пример – вариации истории Трои и Крессиды в Средние века; но более всего такое обращение с сюжетами свойственно классицизму. В некотором смысле

эта форма рецепции сюжета воспроизводит традицию римских *exempla* и выполняет наиздательную функцию.

- 2) *Интерпретация-альтернатива* – контраст применительно к предшествующей традиции. Пример – мифологическая драма XX века, противоположная трактовка мести детей Агамемнона в «Электре» Жана Жироду и «Муках» Жан-Поля Сартра или особый взгляд на историю Эдипа в «Адской машине» Жана Кокто.
- 3) *Интерпретация-модель*, в которой при сохранении общей сюжетной линии меняется главный внешний признак заимствования – имена персонажей и время и место действия. Примеры: «Электре подобает траур» Юджина О'Нила или две «аргентинские» Антигоны – Леопольда Марешаля («Антигона Велес») и Альберто де Завалии («Предел»).
- 4) *Интерпретация-парадокс*, игра с сюжетом. В данном случае «прецедентность фабулы» специальным образом обыгрывается превращением «прецедента» в «беспрецедентность», выворачиванием его наизнанку; дополнительный признак – смена жанра, закрепленного традицией. Пример – «Улисс» Джойса, где «главный» для античности жанр эпической поэмы перелагается в главный для современности жанр романа; «Орфей и...» Носсака, герой которого оборачивается не ради Эвридики, а ради Персефоны, и т. п.).

Целью интерпретации-парадигмы можно считать осмысление известного сюжета или же ознакомление с ним на новом этапе существования литературы; целью интерпретации-альтернативы – взгляд на известный сюжет с новой точки зрения; интерпретация-модель и интерпретация-парадокс, с опорой на интертекстуальность, но каждая по-своему, представляют через античный миф современные реалии, проблемы и дискурсы.

И если ранее (прежде всего в классицизме, но не только) обращение к античным сюжетам и формам имело главной целью включение соответствующей литературы (английской, французской, немецкой, русской) в общую литературную традицию, то с начала XX века главный акцент делается именно на актуализации сюжета. В современной литературе в рамках этого явления можно отметить две схожих, но все же различающихся тенденций: феминистический дискурс и подчеркнутое осовременивание сюжета.

ФЕМИНИЗМ КАК ФАКТОР РЕЦЕПЦИИ

Феминистическая модель – вид рецепции, соответствующий запросам времени; ее мож-

но было бы счесть искусственной (в конце концов, гендерная направленность не связана напрямую с литературными формами и жанрами), однако она действительно отражает специфическую тенденцию современной литературной рецепции античности. Это гендерное переосмысление классики, в котором, похоже, пол автора не менее важен, чем пол персонажа, составляющего центр повествования. Феминистическая модель рецепции, начало которой положили «Кассандра» и «Медея» Кристы Вольф, в новом тысячелетии получила логическое продолжение в «Цирце» Мадлен Миллер, «Пенелопиаде» Маргарет Этвуд и «Безмолвии девушек»¹ Пэт Баркер, а также (отчасти) «Доме имен» Колма Тойбина, единственного мужчины, разбавляющего этот фиас (а в ретроспективе сюда можно добавить «Смерть Пифии» Дюрренматта).

В пользу выделения этой тенденции как особого типа рецепции свидетельствуют достаточно отчетливые признаки, становящиеся, по сути, жанровыми: женский персонаж в центре действия, повествование от первого лица (*Ich-Erzählung*), эксплицитный феминизм во взглядах, несмотря на всю его анахроничность², «смешение жанров» – эпические («Илиада» в «Безмолвии девушек», «Одиссея» в «Пенелопиаде» и «Цирце») и драматические (цикл об Атридах – в «Доме имен») сюжеты даются в одинаковом дневниково-беллетристованном ключе (героиня пересказывает свою версию событий в рамках своей судьбы от начала, детства (и оно обязательно трудное), и до конца). Только повествование Тойбина показательным образом отличается (в связи с этим его, возможно, стоит убрать из данного перечня для пущей гендерной дифференцированности нашей типологии), и то лишь частично – большая часть повествования идет от лица Клитемнестры и с соответствующей точки зрения. Впрочем, в искусстве любая типология приходит к некоторой проницаемости границ. В случае с книгой Тойбина двойственность определяется манерой повествования: уже охарактеризованный феминистический дискурс отчетливо пропускает в частях, рассказанных от лица Клитемнестры, и уступает иной проблематике (не менее актуальной) в эпизодах, связанных с Орестом. Похожую смену точек зрения демонстрирует и современный пересказ «Илиады» Alessandro Барикко. Еще один пример «проницаемости» – «Песнь Ахилла» Мадлен Миллер: акцент смещается с феминизма на гомосексуальные отношения, но мотив детских переживаний остается (заметим, что в «Безмолвии девушек» тот же сюжет вполне удерживается в рамках феминистического дискурса).

Понятие «феминистической модели» появляется в статье Ванды Зайко, где ставятся вопросы о месте подобного прочтения – входит ли оно в классические исследования или должно рассматриваться отдельно [11]. Априорно можно было бы сказать, что нет, не входит и да, отдельно – потому что это социальный конструкт, а не литературная форма, но автор статьи предлагает рассматривать феминизм как метанарратив [11: 201], что и превращает «феминистическую модель» в особый вид рецепции, построенный на пересмотре, переосмыслении и своего рода деконструкции традиционных классических сюжетов. И дело здесь не в половой принадлежности автора или героини, а в наборе характеристик, которые становятся, по сути, жанровыми (и, заметим, неожиданно жесткими при всей современной размытости жанровых форм). Впрочем, подобная интерпретация оказывается все же частным случаем *écriture feminine*³.

ОСОВРЕМЕНИВАНИЕ АНТИЧНОГО СЮЖЕТА

Ко второму типу – подчеркнутое осовременивание – можно причислить «Благоволительниц» Джонатана Литтла (2006) и «Домашний огонь» Камилы Шамси (2017). Здесь речь уже не идет о специфически феминистическом дискурсе, скорее, об обостренной актуализации сюжета в сочетании со стиранием жанровых рамок. Проблематика может быть разной: феминизм, гомосексуализм и инцест, нацизм времен Второй мировой и современное противостояние «западных» идеалов и мусульманского экстремизма. Общим здесь является рассмотрение современной проблематики через канву трагического сюжета, но в повествовательном жанре. Действие «Благоволительниц» разворачивается во время Второй мировой войны, повествование по традиции идет от первого лица, причем персонаж, не без труда отождествляемый с Орестом, оказывается нацистским преступником, скрывающимся от правосудия. Надо сказать, что романная версия семейной драмы, основная канва которой совпадает с «Орестеей» и другими античными версиями судьбы рода Атридов, «тонет» в масштабном рассказе о преступлениях нацизма и лишь оттеняет их. Эта интерпретация отличается от того эффекта семейной катастрофы, ставшей глобальной, который создается в драматических версиях этого сюжета, как античных («Орестея» Эсхила, «Электра» Софокла, «Электра» и «Орест» Еврипида), так и в версиях XX века (уже упомянутых драмах Жироду, Сартра и О'Нила, к которым можно добавить «*Electre ou la chute des masques*» (1943) Маргерит

Юрсенар). В «Благоволительницах», тяжелой во всех смыслах (объем, манера изложения, сюжет) книге, античные реминисценции, несмотря на обманную очевидность поэтики заглавия, простирают почти незаметно, неожиданно проявляясь в finale и показывая, что у художественной рецепции уже, казалось бы, исчерпавших себя сюжетов (а сюжет «Орестеи» претерпел множество перетолкований, начиная, возможно, с «Гамлета» и продолжая многочисленными интерпретациями XX века, перечисленными выше) еще остались новые пути.

Развитие этих путей мы видим в романе Камилы Шамси «Домашний огонь». Автор отказывается от буквального следования повествованию от первого лица, однако приближается к нему, рассказывая разные части истории через восприятие основных персонажей. Осовременивание здесь – нарочитое, подчеркнутое (не настолько, конечно, как в «Шлеме ужаса» Пелевина, представляющем собой беседу в чате): действие переносится в наши дни. Такой прием уже не раз использовался в кино и театре, когда античные герои в современных костюмах и реалиях заставляют по-новому взглянуть и на проблематику источника, и на современность (ярчайший пример – «Кориолан» (2011) Рэйфа Файнса, где главный герой показан как персонаж телевизионных новостей, впрочем, до шекспировского «Кориолана» таким образом были интерпретированы «Ромео и Джульетта» (1996, режиссер Баз Лурман), а одновременно с ним – «Борис Годунов» Пушкина (2001, режиссер Владимир Мирзоев)). Однако литературная интерпретация – это не постановка, сохраняющая исходный текст, за счет чего и возникает специфический художественный эффект: при новой интерпретации проблематика меняется легче и простирает ярче. В романе «Домашний огонь» сюжет «Антигоны» Софокла оказывается напрямую связан с одной из самых актуальных проблем мирового сообщества – терроризмом⁴. «Проклятость» семьи героев – Исы (Исмена), Аники (Антигона), Парвиза (Полиник) – обусловлена преступлениями их отца, а также их пакистанским происхождением. Смена акцентов приводит к «переворачиванию» ключевого момента сюжета: теперь Аника-Антигона не дает похоронить брата, требуя возвращения его тела на вторую родину – в Англию. Здесь, в отличие от «Благоволительниц», семейная драма затмевает общечеловеческую – читателя вынуждают сочувствовать «заблудшему» террористу, что, конечно, довольно трудно для восприятия. Интересно, что проблематика «Антигоны» –

конфликт индивидуума и государства – в интерпретации Камилы Шамси оказывается со-пряженной с иным, цивилизационным конфликтом другой греческой трагедии – «Медея».

Мы уже отмечали явление жанрового перехода как особую черту современной рецепции⁵. Однако нельзя сказать, что это правило не имеет исключений. В современной литературе есть примеры сохранения драматической формы, впрочем, со значительным ее видоизменением. Речь идет о не совсем привычном переводе трагедии Софокла – книге «Антигоник» (2012) Энн Карсон, которую Камила Шамси указала в качестве источника вдохновения для своего романа. Впрочем, мы и здесь имеем дело с явлением жанрового эксперимента. С одной стороны, это перевод текста Софокла, значительно сокращенный, но все же воспроизводящий драматическую форму и пригодный для постановки. С другой стороны, «Антигоник» представляет собой тип визуальной поэзии: на правых страницах напечатан текст, а левые остаются пустыми, при этом между страницами помещены напечатанные на прозрачной бумаге рисунки художницы Бьянки Стоун. Рисунок можно рядом с переводом на противоположной странице или же, перевернув полупрозрачную страницу, совместить с текстом так, чтобы слова и изображение стали единым целым. Таким образом Энн Карсон, будучи филологом-классиком, подчеркнуто отходит от канонических форм рецепции, создавая собственную – «личностную» рецепцию, не ограничиваемую ни традицией, ни литературными нормами. При этом нужно отметить еще одну особенность: при всей специфике текста очевидно стремление сохранить его драматическую и одновременно лирическую природу – это отличает творчество Карсон от общей тенденции в отношениях литературы последних лет, заключающейся в переходе на повествовательную, романическую форму вне зависимости от исходной (эпос, драма) формы существования сюжета.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОВ

Неомифологизм литературы XX века привел к неоднократной и порой практически всесторонней реинтерпретации определенных античных сюжетов – именно определенных: уже античная драма, по выражению Аристотеля, держится в пределах небольшого круга мифов (Poet. 1453 a 17–20), а современная литература еще больше сужает этот круг, сосредотачиваясь на Троянской войне, Атридах и Лабдакидах и иногда отвлекаясь на Орфея и Прометея. Однако XXI век вновь возвращается к этим сюжетам, перенося их

(не без влияния кинематографа) в современность или тематически (феминистический дискурс и другая современная проблематика в античном антураже), или технически (перенос действия в наши дни), демонстрируя таким образом две возможности актуализации, «внутренней» и «внешней». Эти версии соответствуют типам интерпретации-модели и интерпретации-парадокса, что для современной литературы вполне ожидаемо (впрочем, можно привести и пример интерпретации-модели, так сказать, с вкраплениями альтернативы – «Ахейский цикл» Генри Лайона Олди).

Способом преодоления этого сюжетного «сужения» интересов стал проект «Мифы» (Canongate Myth Series) издательства «Canongate Books», в рамках которого современные авторы «пересоздавали» древние – не только античные – мифы и легенды. Помимо вполне ожидаемых историй Эдипа («На перекрестке трех дорог» (точнее, «Where Three Roads Meet» – книга не переведена на русский язык) Салли Викерс), Прометея («Огненное Евангелие» Мишеля Фейбера) и Геракла («Бремя. Миф об Атласе и Геракле» Джанет Уитерсон), авторы обращаются к образам Пенелопы (это уже упомянутая «Пенелопиада» Маргарет Этвуд, по своему феминистскому пафосу не уступающая «Рассказу служанки»), Минотавра («Шлем ужаса» Пелевина) и Ифиса («Девочка знакомится с мальчиком» («Girl Meets Boy») Али Смит). И здесь мы видим все охарактеризованные выше особенности: повествование от первого лица («Пенелопиада», «На перекрестке трех дорог», частично «Огненное Евангелие»; в «Бремени» сюжет обрамлен текстом «от автора»); предпочтение повествовательного нарратива, хотя и не без попыток его преодолеть (у Пелевина нарратив выстроен как условно-драматический – в виде диалога-переписки, «На перекрестке трех дорог» также представляет собой диалог, а в «Пенелопиаде» в повествовательный монолог героини включается «хор служанок»); необычный ракурс в трактовке мифа (иначе зачем бы понадобилось «пересоздание»); осовременивание («На перекрестке трех дорог» – буквальный диалог прошлого и настоящего, точнее, мифа (Тиресий) и его актуальной интерпретации (Фрейд)), наконец, актуальность проблематики (миф об Ифисе иллюстрирует проблемы трансгендерности). Особое место в этом ряду занимает «Огненное евангелие», эксплицитно апеллирующее к христианской тематике, а имплицитно (с одной только проговоркой) воспроизводящее сюжет Прометея – с изрядной долей иронии.

ФУНКЦИИ РЕЦЕПЦИИ

Неизбежно возникает и еще один аспект для обсуждения – вопрос о функциях, культурной роли, которую играют античные сюжеты и мотивы в рамках других литератур и культур.

Обращение к значимому сюжету или жанру прежде всего обогащает новое произведение и придает ему авторитетности, делает частью культурной традиции – с этого мы начали наш разговор. Важная функция рецепции в более молодых культурах – возможность осознания себя частью традиции. Обращение к античному наследию с целью включить его в качестве неотъемлемой части в культуру той или иной последующей эпохи стало обязательным элементом в истории европейской цивилизации. Заметим, что целью является еще и включить себя в культуру вообще. В целом рецепция классических текстов часто сопровождает эпохи становления, переломные эпохи, эпохи перемен, поскольку классическая традиция – это отчетливые, определенные и всегда заданные заранее культурные и образовательные рамки. Для молодых культур на фоне более зрелых рецепция – один из способов самоидентификации (что хорошо видно на примере постколониальных обществ): переработка известных сюжетов призвана обеспечить «классический» статус формирующейся литературе.

Таким образом, включение в культурную традицию – своего рода экзистенциальная цель рецепции античности. Однако именно современная литература (и культура в целом – обращение кинематографа с античными сюжетами демонстрирует ту же тенденцию) показывает несколько иной вектор развития рецепции античности.

И для Средних веков, и для Возрождения, и для классицизма античное культурное пространство было «своим». С момента становления культуры непосредственности выражения оно становится «чужим», но мифориторический компонент – интерпретация известных сюжетов – в той или иной степени присутствует всегда, принимая форму игры с ассоциациями и смыслами. К началу XX века именно эта форма рецепции античности становится основной: главное – выявление универсальных парадигм человеческого существования, смысловая многослойность, возможность для бесконечной художественной игры, аналогий и параллелей, зачастую строящихся на нарушении читательских ожиданий.

Важная современная функция рецепции античности – аналогия, «культурная синонимия»: как справедливо замечает Е. А. Чиглинцев [5: 19], рецепция порождает аналогии между ан-

тичностью и современностью. Осовременивание античного материала через рецепцию уже само по себе оказывается процессом творческим и часто используется как возможность завуалированной политической и социальной критики.

Одновременно исследования рецепции – это способ отделения классического текста от его античного контекста, способствующий дальнейшим свободным интерпретациям [6: 109]. В постклассическом мире исследования рецепции несут в себе функцию «демократизации»: они расширяют горизонт исследований для классиков и позволяют обратиться к античному материалу в том числе и тем, чье образование нельзя назвать классическим. Classical studies в строгом смысле остаются дисциплиной предельно строгой и в определенном смысле антикварной (нельзя не признать, что новейшие лингвистические и литературоведческие подходы в рамках классического материала всегда применяются с трудом и в весьма ограниченном виде, если вообще применяются). В то же время рецепция как исследование отношений между прошлым (классика) и настоящим (литература Нового времени) предполагает понимание более гибкое – это традиционная риторика для вступлений к исследованиям по рецепции.

Таким образом, благодаря изучению рецепции античности предполагается возвращение классическому материалу ведущей роли в гуманитарных науках. Рассмотренная выше феминистская модель – это лишь один из способов живого диалога с античностью: к подобным попыткам можно отнести и нарочитое осовременивание сюжета, как в «Благоволительницах», и киноадаптации с заведомым видоизменением материала («Троя» с гибелью Менелая в самом начале военных действий и Агамемнона – в конце). Большинство этих попыток вызывают неудовольствие филологов-классиков, что не мешает появляться новым (например, пресловутый темнокожий Ахилл в новейшей экранизации истории Троянской войны).

Наконец, функция, наверное, самая важная с точки зрения литературы – влияние на литературный процесс.

Развитие форм рецепции античности Новым временем вполне отражает соотношение различных категорий поэтики в рамках основных типов художественного сознания [1: 33–34]: традиционного (нормативного), свойственного древности, Средневековью, Возрождению, классицизму, барокко, и индивидуально-творческого, начинаящегося с эпохи романтизма. Средневековье – это прежде всего стиль, а потом жанр (и потому «Энеида» – тоже трагедия, как и поэма

Чосера о Троиле и Крессиде), Ренессанс – переход от стиля к жанру (и возрастающий интерес к драматургическим принципам, очерченным Аристотелем, наряду с постановками Плавта), классицизм – торжество именно жанровой системы над стилем (и переработка античных сюжетов в оригинальных пьесах), романтизм, реализм – это торжество индивидуально-творческого этапа, торжество категории авторства (и конец «драмоцентризма», свобода в рецепции античных жанровых и сюжетных форм). Реализм с мифориторическими элементами,rudimentами традиции, совместим плохо. Античность возвращается на новых этапах мифориторики – в модернизме и «мифологической» драме XX века. И здесь уже мифологический сюжет сам по себе становится «содержательной формой», но с принципиальным отличием: задача греческого драматурга – сделать известный сюжет новым посредством структурной перекомпоновки и риторической трактовки, а современного – посредством контекста, проблематики и моральных акцентов.

ВЫВОДЫ

Появление античных сюжетов в современном литературном процессе отличается актуальностью проблематики (что неизбежно), усилением личной ноты (что ожидаемо), наконец, стирианием жанровых рамок (перевод как эпического, так и трагического сюжета в повествовательный жанр). Усиление личной ноты достигается за счет повествования, которое ведется от первого лица, – превалирующий в большинстве произведений прием *Ich-Erzählung* наглядно демонстрирует сдвиг мировоззрения от коллективной доминанты к ценности индивидуальной личности [4: 149].

Изначально (литературная, культурная, эстетическая) рецепция – это, в самых разных формах и видах, рефлексия над культурными явлениями прошлого. В современной же литературе рефлексия над прошлым уступает осмыслению настоящего. При этом, как правило, важным фактором рецепции оказывается понятие «классики» и (эстетической) нормы, то есть значимости явления (сюжета, жанровой формы, мотива, конкретного высказывания), выступающего как объект рецепции. С одной стороны, как и любое

литературное вмешательство, рецепция сковывает существование литератур [3: 96]. С другой – классика формирует канон, нарушение которого и создает художественный эффект, важный для современной литературы.

Несмотря на многовековую историю реинтепретации, античность осталась источником литературных сюжетов и в XXI веке, давая к тому же модель обращения к сюжетам других культур (подтверждением чему является проект «Мифы», наряду с античными затрагивающий древневосточные, китайские и японские сюжеты, германо-скандинавские легенды и мифологию Амазонии). При этом античные мифы могут и открыто выступать как основа повествования, действие которого разворачивается в наши дни, и переосмысливаться без отхода от античных реалий, и пропступать имплицитно по принципу *sapienti sat* (как это происходит в подростковых фэнтези – «Голодных играх» Сьюзен Коллинз и «Алом восстании» Пирса Брауна).

Рецепция сюжетов античной классики выступает связующим звеном *Weltliteratur*, «мировой литературы», так как античные мифы с достаточной легкостью пересекают языковые и культурные границы. Доказательство этому – и аргентинские «Антигоны», и сценарная адаптация к современным реалиям сюжета «Эдипа» Габриэлем Гарсия Маркесом для котумбийского фильма «Эдип Алькальд», и не доведенная до конца «африканская» «Орестея» Пьера Паоло Пазолини, и, собственно, вся история русской рецепции античности – как в виде переводов, так и в виде адаптаций. Античность выступает одним из факторов, формирующих из разрозненных национальных литератур нечто целостное.

Как водится, у медали есть оборотная сторона. Один из самых авторитетных современных литературоведов, руководитель Стенфордской литературной лаборатории Франко Моретти объяснял успех европейской литературы ее относительной удаленностью от античного наследия [3: 69]. И действительно, даже при сохранении интереса к античным сюжетам залогом успеха при обращении к античности оказывается эманципация от античных литературных парадигм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Английское название «The silence of the girls» не может не вызвать ассоциаций с «Молчанием ягнят» – «The silence of the lambs», однако в русском переводе «безмолвие» выбрано, видимо, именно с целью избежать подобных ассоциаций.

² Эта анахроничность особенно заметна, если сопоставить агрессивную критику мужского мира и взгляды героинь на права женщин с элементами «протофеминизма» в тексте «Одиссеи», которые пытаются охарактеризовать с тех пор, как была высказана идея, что автор поэмы – женщина [11: 196, 206].

³ Подробнее о феминистическом направлении в классической филологии см. [7], [9].

⁴ Необходимо признать, что Шамси не выступает здесь новатором. Именно в этот контекст сюжет «Антигоны» уже не раз помещался в кинематографе (в «Каннибалах» (1970) Лилианы Кавани, в эпизоде «Германия осенью» Шлендорфа (1978) и в «Свинцовых временах» (Die bleierne Zeit / Marianne and Julianе) Маргарете фон Тротта (1981)). Видимо, это один из немногих способов обосновать исключительность основной посылки сюжета – невозможность погребения умершего.

⁵ Трагический конфликт в прозаическом нарративе возвращает нас к средневековому пониманию жанра трагедии – определяющим фактором является не форма, а сюжет и его восприятие, названное Стайнером «метафизикой отчаяния» [10: xi].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Забудская Я. Л. Мифологические сюжеты в литературах Новой Европы: поиски типологии // Роль греческой цивилизации в развитии мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. Дню независимости Греции. Бишкек; Афины, 2009. С. 23–32.
3. Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. А. Вдовин, О. Собчук, А. Шель. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.
4. Мостовая В. Г. Философия войны в эпосе и ее отражение в современной литературе («Илиада» Гомера и А. Барикко «Гомер. Илиада») // Proceedings of the XXIII World Congress of Philosophy. 2018. Vol. 39: Philosophy and Literature. Р. 149–154.
5. Чиглинцев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 290 с.
6. Hardwick L. Reception studies. Greece and Rome: New surveys in the classics (33). Oxford, U. K.: Oxford University Press, 2003. 128 p.
7. Liveley G. Surfing the third wave? Postfeminism and the hermeneutics of reception // Classics and the uses of reception (Charles Martindale, Richard F. Thomas, Eds.). Oxford: Blackwell, 2006. P. 55–66.
8. Martindale C. Redeeming the text: Latin poetry and the hermeneutics of reception. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 140 p.
9. Rescuing Creusa: New methodological approaches to women in antiquity. (Marilyn Skinner, Ed.). Lubbock: Texas Tech University Press, 1987. 195 p.
10. Steiner G. The death of tragedy. New York: Oxford University Press, 1980. 355 p.
11. Zajko V. ‘What difference was made’? Feminist models of reception // A companion to classical receptions. (L. Hardwick, C. Stray, Eds.). Oxford: Blackwell, 2007. P. 195–206.

Поступила в редакцию 25.10.2021; принята к публикации 01.02.2022

Original article

Yana L. Zabudskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, People's Republic of China)
yanazabud@mail.ru

ANCIENT GREEK TRAGEDY AND MODERN LITERARY PROCESS

A b s t r a c t. The purpose of the study is to identify the specific forms of ancient drama reception in modern literature. The novelty of the work is determined by the use of understudied research material – a modern interpretation of ancient plots, investigated by means of the comparative typological method. The relevance lies in the characterization of universal features of the reception of antiquity in modern culture, which is achieved, among other things, by the interdisciplinary approach – the study of social issues (feminist discourse) and cross-genre interactions (literature and cinema). The paper proposes a classification and characteristics for several types of plot borrowings: paradigmatic interpretation as a comprehension of a well-known plot or familiarization with it at a new stage of literature existence; alternative interpretation as a look at a well-known plot from a new point of view; interpretation as a model and interpretation as a paradox, which represent modern realities, problems and discourses through the ancient myth. In modern forms of reception, the actualization of the plot is achieved through feminist discourse and the modernization of ancient realities,

with genre transition being a specific feature of this process. While maintaining interest in ancient plots, the key to success in turning to classical material is emancipation from ancient literary paradigms.

Keywords: reception of antiquity, interpretation, plot, genre, literary process

For citation: Zabudskaya, Ya. L. Ancient Greek tragedy and modern literary process. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.757

REFERENCES

1. Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. Categories of poetics in changing of literary periods. *Historical poetics. Literary periods and types of artistic consciousness*. Moscow, 1994. P. 3–38. (In Russ.)
2. Zabudskaya, Ya. L. Mythological plots in the literatures of New Europe: searching for typology. *The role of Greek civilization in the development of world culture: Proceedings of the International Research Conference Dedicated to the Greek Independence Day*. Bishkek; Athens, 2009. P. 23–32. (In Russ.)
3. Moretti, F. Distant reading. (A. Vdovin, O. Sobchuk, A. Shel, Transl.). London, 2013. 254 p. (In Russ.)
4. Mostovaya, V. G. Philosophy of war in epic and its reflection in modern literature (Homer's *Iliad* and Alessandro Baricco's *Homer. Iliad*). *Proceedings of the XXIII World Congress of Philosophy*. 2018;39:149–154. (In Russ.)
5. Chiglintsev, E. A. Reception of antiquity in the culture of the late XIX – early XXI centuries. Kazan, 2009. 290 p. (In Russ.)
6. Hardwick, L. Reception studies. *Greece and Rome: New surveys in the classics* (33). Oxford, U.K., 2003. 128 p.
7. Liveley, G. Surfing the third wave? Postfeminism and the hermeneutics of reception. *Classics and the uses of reception* (Charles Martindale, Richard F. Thomas, Eds.). Oxford, 2006. P. 55–66.
8. Martindale, C. Redeeming the text: Latin poetry and the hermeneutics of reception. Cambridge, 1993. 140 p.
9. Rescuing Creusa: New methodological approaches to women in antiquity. (Marilyn Skinner, Ed.). Lubbock, 1987. 195 p.
10. Steiner, G. *The death of tragedy*. New York, 1980. 355 p.
11. Zajko, V. 'What difference was made'? Feminist models of reception. *A companion to classical receptions* (L. Hardwick, C. Stray, Eds.). Oxford, 2007. P. 195–206.

Received: 25 October, 2021; accepted: 1 February, 2022

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

aristonica@list.ru

КАК АЛФАВИТНЫЙ ОРАКУЛ ПРЕВРАЩАЛ ПРЕДДВЕРИЯ ГРОБНИЦ В СВЯТИЛИЩА

Аннотация. Большинство скальных святилищ, основанных на землях Ликии, Кибиратиды и Писидии в I–III веках, были вотивного типа. Но в то же время жители Агад и Кибира основали два святилища с вырезанными на скале алфавитными оракулами, а жители Эноанд и Олимпа разместили надписи с алфавитным оракулом на фасадах трех гробниц. Каждое из этих святилищ изучалось только отдельно, их сопоставление никогда не проводилось, и в этом заключаются новизна исследования и его актуальность. Автор статьи ставит перед собой задачу выстроить логическую цепочку перехода от одного типа святилища к другому и объяснить появление надписей с алфавитным оракулом в преддвериях гробниц, что нарушило традиционные правила их оформления. Доказывается, что в представлениях жителей региона вырезанный на скале или стене текст алфавитного оракула создавал вокруг себя прорицалище. Люди верили, что в этих святилищах бог – а покровителем этого вида мантики почтился Гермес – давал свои ответы при посредничестве оракула, вещего духа места, как это было в крупных прорицалищах. Таким образом, вотивные святилища закрепили саму идею скальных святилищ, затем произошла замена их содержания – вотивные надписи были заменены алфавитным оракулом, и следующим шагом святилища с алфавитным оракулом были перенесены в преддверие гробниц. Показав, как это стало возможным, автор статьи делает вывод о цели такого соединения: хозяева гробниц стремились к тому, чтобы жители города приходили к их гробницам для вопрошения бога, а значит, заботились о гробницах и помнили имена тех, кто в них упокоился.

Ключевые слова: скальное святилище, алфавитный оракул, Ликия, Писидия, Кибиратида, вещий дух места, Агады, Анбарджык, Эноанды, Олимп

Для цитирования: Приходько Е. В. Как алфавитный оракул превращал преддверия гробниц в святилища // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.758

ВВЕДЕНИЕ

Соединение в одном произведении особынностей разных литературных жанров или в одном сооружении элементов разных архитектурных стилей – это всегда эксперимент, который может закончиться как удачей, так и провалом. Но стремление соединить нессоединимое живет в человечестве с незапамятных времен, и именно о таком неожиданном историческом факте, как соединение гробницы и святилища с алфавитным оракулом, пойдет речь в данной работе. Этот факт остался в стороне от основных направлений современных исследований: все ученые, описывающие то или иное скальное святилище, ограничиваются изучением либо одного культового места, либо группы похожих святилищ и не проводят сопоставления принципиально разных типов скальных святилищ. В работах же об алфавитных оракулах их

присутствие на стенах гробниц только констатируется, но аргументированно не объясняется [15: 239–242, 247–249].

В Малой Азии на землях Ликии, Кибиратиды и Писидии сохранилось немало скальных святилищ под открытым небом. Большинство этих святилищ носило ярко выраженный вотивный характер. Их создатели вырезали на скале рельефное изображение божества – хозяина святилища и нередко добавляли к нему надпись с указанием имени дарителя и имени бога, которому был принесен обет. Первый рельеф, освятив выбранное место, привлекал к себе внимание жителей соседних поселений, возле него начинали появляться новые изображения, рядом устанавливались стелы и алтари, тоже с рельефами и надписями, и святилище постепенно расширялось.

Так, возле деревни Кызылджаагач в местечке Перминунт расположено скальное святилище Аполлона–Созонта. На уступе скалы вырезано в ряд 18 ниш. Над некоторыми еще можно частично разобрать надписи I–III веков: «Тиберий Клавдий Русон Аполлону перминунтцев по обету» или: «...за сына... Аполлону перминунтцев внемлющему по обету»¹ [8: 104–105, № 94, 96]. Перед уступом возвышается похожая на омфал скала. На ее поверхности есть еще три ниши. Некогда в нишах стояли посвятительные стелы. Была там, например, мраморная стела с изображением Аполлона в виде обращенного в правую сторону бога-всадника в хитоне и хламиде с надписью: «Аполлону перминунтцев по обету Луций Апулей Тациан» [5: 168–169, № 297], [8: 104, № 95]. Сейчас она хранится в Лейдене [8: 103–110], [11: 88–89], [16: 72, 98, 230].

Другое святилище Аполлона было устроено возле писидийского города Педнелисса. Там на скальном выступе была вырезана эдикула с треугольным фронтом, а в ней – изображение Аполлона. Бог стоит анфас, на нем короткий хитон и плащ, в правой руке он держит чашу для возлияний, а в левой – длинную ветвь лавра. Подобная иконография повторяет принципы изображения местного бога города Сиды, так называемого Аполлона Сидетского, культа которого прослеживается до начала IV в. до н. э. Датируется этот рельеф поздним эллинизмом или периодом ранней Империи. Еще одно святилище с изображением Аполлона по иконографии Аполлона Сидетского было устроено возле городка Коджаалилер в писидийском городе, чье название неизвестно [10: 108–110], [11: 89–90], [16: 64, 67, 97–98].

В районе Тефенни есть два скальных святилища, где почитался то ли анатолийский бог-всадник Какасб, то ли его эллинский эквивалент Геракл. В одном из них вырезано 80 эдикул с изображением бога. Бог представлен верхом на скачущей вправо лошади, его голова повернута к зрителю, а поднятая вверх правая рука размахивает дубинкой [5: 21–22, 151–163], [12: 103], [16: 232].

Недалеко от озера Гёльхисар в местечке Кызылбель находится святилище Диоскуров периода Империи. Из вырезанных там на скале 18 рельефов сейчас осталось 10. Выполнены они в привычной для Диоскуров иконографии: два всадника в коротких хитонах и плащах, вооруженные копьем или мечом, стоят лицом к расположенной в центре женской фигуре в длинных одеждах с прижатой к груди правой рукой. Сохранились отдельные надписи: «Кратер, сын Троила, Диоскурам по обету», «Мелеагр Диоскурам по обету» и т. д. [3: 115–116, № 87 а–г], [4: 354–355].

В Писидии, в деревне Ташлыпинар, на скале вырезано семь ниш с изображением Ареса. Бог в шлеме и разевающем плаще сидит на обращенном в правую сторону коне. Одна ниша опирается на прямоугольный алтарь, украшенный головой Медузы. Его верхний профиль занимает *tabula ansata* с надписью: «Аврелий Солон, сын Солона, сапожник, Аресу по обету» [5: 194–197], [16: 234]. Другое святилище Ареса обнаружено в 2000 году на границе Фаселиды и Термесса. Там сохранились стелы с надписями: «Мосх [...], сын Апо [...], мирианин, Аресу по обету», «Осаллас [...], китанаврец, Аресу» и т. д. [9: 73], [16: 62, 233–234].

В Ликии, на землях города Лимиры, располагалось святилище местного бога Сумендиса (Сомендиса). Там стояли вотивные стелы, алтари и колонны с надписями периода Империи: «Богу Сомендису, внемлющему, Александр, сын Гермогора, за корову и телят по обету», «[Богу великому С]умендису, внемлющему, Орест четвертый, прправнук Троконда, арнеец и лимирец, по обету» и т. д. [6: 182], [13: 253–277].

Но если можно было покрыть поверхность скалы вотивными рельефами, то рано или поздно должна была возникнуть идея вырезать на скале и что-то другое, то есть создать святилище принципиально иной культовой направленности. Примеров таких неординарных поступков уже значительно меньше, и, в то время как основание традиционных вотивных святилищ не подразумевало даже самой идеи авторской принадлежности, святилища нового типа оформлялись по индивидуальному замыслу конкретного человека с обязательной фиксацией его авторских прав.

В Писидии есть глубокий каньон, по которому шла дорога из Памфилии на север. В самом узком месте каньона житель Агад по имени Леонтиан устроил святилище Аполлона. В скале была вырублена ниша для статуи бога, а по бокам вырезаны «таблички с ушками» с надписями в ямбическом триметре. Левая надпись от имени Аполлона сообщала путешественникам, кому принадлежит это святилище и кто его основал:

«Меня поставил Феба, друга путникам,
Леонтиан, отца Леонтиана сын»

[14: 119–120, 18/09/01].

Правая надпись была обращением Леонтиана к Аполлону:

«О Феб Аполлон, дорогу эту ты хранишь
И путников дарами вечно тешишь дух,
Тебе я посох приношу, служитель Муз,
Леонтиан, ты ж, радуясь, благой, прими
Моей руки опору, ног помощника,
Дорожный посох, опираясь на него,
Прошел я путь, теперь же он, свободный, пусть
С тобой, о Феб, от прежних отдохнет трудов»

[14: 120–121, 18/09/02].

Казалось бы, в этих стихах звучит отголосок традиционной вотивной темы: вернувшись из путешествия, Леонтиан решил принести в дар Аполлону свой дорожный посох. Но благодарность богу оказывается не единственной причиной создания святилища. Поэтически одаренный молодой человек стремился объявить всему миру о своих философских представлениях о жизни, и, подобно древним философам, он излагает свои мысли в стихах и вырезает эти стихи на скале у дороги. Так в святилище появляется еще одна надпись из 18 строк с наставлениями в стоической философии [14: 121, 18/09/03]².

Святилище Аполлона с философской составляющей – столь смелая идея не нашла своих последователей, а вот другое начинание граждан Адад оказалосьозвучным духовно-религиозным потребностям жителей региона и обрело если не последователей, то как минимум «составителей».

Два жителя Адад выбрали для основания своего святилища скалу возле дороги, соединявшей Адады с дорогой из Памфилии к озеру Лимны. На отвесном участке были вырезаны изображения двух стел с треугольными фронтонами. Всю поверхность левой, меньшей по размеру стелы заняло изображение двери. На фронтоне правой стелы был представлен круглый щит и по бокам от него два триллера. На самой стеле была вырезана надпись, начинающаяся с прозаического вступления, за которым следовало 24 стиха³. Надпись начинается с того, что два гражданина Адад, Антиох и Бианор, обращаются к Аполлону и Гермесу с призывом принять под свое покровительство созданное ими святилище. Почему покровителями святилища должны стать именно эти боги, становится ясно после прочтения надписи. Ее поэтическая часть – это алфавитный оракул, то есть текст, с помощью которого человек мог вопросить бога и получить от него ответ. Алфавитные оракулы – весьма скромное направление мантического искусства. Все наше знание о нем основывается на 12 надписях, из которых полностью дошли только шесть. Происходят эти надписи из Писидии, Памфилии, Ликии, Фригии и Кипра и датируются II–III веками [15: 222–279].

Текст алфавитного оракула состоит из 24 стихов, каждый из которых начинается с последующей буквы греческого алфавита, от А до Ω, и является отдельным прорицанием. Целью этих прорицаний было не раскрытие тайн будущего, а помочь человеку в выработке правильной линии поведения в настоящем. При вопрошении бога посредством алфавитного оракула проситель должен был каким-то образом получить букву, определявшую возвещаемое ему прорицание. Возможно, использовали 24 камешка

с нанесенными на них буквами или бросали пять астрагалов и устанавливали букву по некоему алгоритму.

Вырезанный на скале текст алфавитного оракула превращал святилище в настоящее прорицалище. Чтобы правильно представить себе систему верований, связанных с алфавитным оракулом, необходимо привлечь к рассмотрению оракулы по пяти астрагалам, которые тоже известны только из эпиграфического материала и происходят из тех же областей Малой Азии, что и надписи с алфавитным оракулом [15: 19–103]. Астрагалы, кости из лодыжки животных с раздвоенными копытами, при броске могли упасть вверх только четырьмя сторонами, которые соответствовали числам 1, 3, 4 и 6. При одновременном броске пяти астрагалов получается 56 цифровых комбинаций, поэтому у оракула по пяти астрагалам было 56 ответов. Каждый ответ оформлялся в виде отдельной строфы из пяти строк, в результате чего общая длина надписи составляла 280 строк. Текст оракула по пяти астрагалам вырезали на высоких прямоугольных колоннах и выставляли эту колонну на агоре или в центре города. Сверху на колонне могла стоять статуя Гермеса, поскольку именно Гермес считался покровителем астрагальной мантии. Но Гермес руководил этим видом прорицания не единолично, а получил его в свое распоряжение от Аполлона, о чем свидетельствует заглавие надписи из Тирия: «Прорицания Аполлона Пифийского посредством пяти астрагалов для Гермеса» [15: 51].

Создатели надписей с оракулом по пяти астрагалам верили, что колонна со статуей Гермеса была святилищем под открытым небом и что рядом с ней незримо обитал оракул, то есть вещий дух места, предназначением которого было посредничество между миром смертных и миром небожителей: в крупных прорицалищах он отвечал за передачу ответа бога жрице, а в святилищах у колонны со статуей Гермеса он должен был обеспечить угодный богу результат броска. Оракул никогда не покидал места своего рождения и всегда незримо находился либо в воздвигнутом на этом месте храме, либо у культового объекта, возле которого происходило вопрошание, поэтому в распоряжении одного бога могло быть сколько угодно оракулов. Для обозначения оракула эллины использовали два слова τὸ μαντεῖον и τὸ χρηστήριον [1: 218–239, 294–295]. Поэтому, когда на оракульной колонне из Перги мастер вырезал заглавие Ἐρμοῦ ἀστραγαλομαντ[εῖον] – «Гермесов оракул по астрагалам», он не только указал нам имя бога, руководившего астрагальной мантикой, но и раскрыл механизм получения таких прорицаний: результат броска астрагалов определял Гермес,

а контролировал падение костей его веций дух-оракул. То есть уличное святилище вокруг колонны с текстом оракула и статуей Гермеса признавалось настоящим прорицалищем, организованным по той же схеме, что и самые прославленные прорицалища.

Можно привести аналогичные примеры из религиозной практики материевой Греции. Согласно Павсанию, в ахейском городе Фарах на агоре стояла статуя бородатого Гермеса в виде четырехугольной колонны, и возле нее существовал оракул (*χρηστήριον*). Тот, кто хотел спросить бога, задавал вопрос прямо в ухо статуи, а потом уходил, заткнув уши. Выйдя с агоры, он опускал руки, и первую услышанную им фразу считал ответом бога (VII 22, 2). Как видим, в Фарах оракул находился при статуе Гермеса, которая была очень похожа на малоазийские колонны с оракулом по пяти астрагалам. В Олимпии возле алтаря Геи существовал оракул Геи (*μαυτεῖον*, V 14, 10); в Патрах перед святилищем Деметры был источник, куда опускали на веревке зеркало, и оно показывало больного либо живым, либо мертвым, потому что там находился неложный оракул (*μαυτεῖον*, VII 21, 12).

Алфавитные оракулы по сути своей были тем же направлением мантики, что и оракулы по пяти астрагалам. Именно поэтому Антиох и Бианор передают основанное ими прорицалище под покровительство Аполлона и Гермеса, причем они хорошо разбираются во всех тонкостях вопроса, поскольку являются представителями рода, хранящего ту пророческую мудрость, которую их далекий предок Калхант получил от самого Аполлона. Имя Калханта во вступлении опущено, но вплетенная в фразу цитата из «Илиады» сразу указывает на Калханта, ведь именно он привел корабли ахейцев к берегам Илиона «с помощью пророческого дарования, которое дал ему Феб Аполлон» (I 72). Идея возведения рода, живущего в горах Писидии, к пророку времен Троянской войны не будет казаться столь безумной, если мы вспомним, что Калханта почитали основателем городов Сельги и Перги, южных соседей Адад.

Другое скальное святилище с алфавитным оракулом было основано на землях Кабиры у деревни Анбарджык. На склоне скалистого холма там есть невысокий отвесный выступ, на уровне его верхнего края находится небольшая площадка, куда можно подняться, если обойти выступ справа, и с этой площадки открывается вход в крошечную пещеру, которая, судя по двум маленьким нишам перед входом, по следам надписей и по найденным здесь фригийским черепкам, уже в архаическое время была священным культовым местом. Возродить это место решил сын Аврелия Троила – имя его до нас не до-

шло. На скальном выступе перед пещерой была вырезана большая стела с треугольным фронтом, а с правой стороны от нее – рельефное изображение мужской фигуры с длинным предметом в руке, скорее всего – Гермеса. На фронтоне стелы резчик расположил вступление, от которого сейчас различимы лишь отдельные буквы, что лишило нас возможности узнать историю создания святилища. Текст алфавитного оракула был вырезан на самой стеле [2]⁴.

Из оставшихся 10 алфавитных оракулов только пять были найдены *in situ*. Из них две надписи были выставлены в крупных святилищах, а три последние судьба занесла на фасады гробниц, и целью наших предыдущих рассуждений было установление отправных точек для трактовки этого необычного явления.

В рассматриваемом регионе при возведении гробниц по заказу состоятельных граждан на них вырезалась надпись, носившая характер юридического документа. В ней указывалось, кто воздвиг гробницу, перечислялись те, кому хозяин предоставляет право быть в ней погребенным, оговаривался размер штрафа в случае нарушения прав на гробницу, а также назначалось юридическое лицо – совет города или крупное святилище, в пользу которого будет взиматься этот штраф. При наличии у заказчика средств гробница украшалась рельефами, но никаких дополнительных надписей там не вырезали. И тут мы сталкиваемся с таким неординарным решением, как размещение перед входом в погребальную камеру надписи с алфавитным оракулом.

В Эноандах в западном некрополе есть гробница II века, представляющая собой большую вырубленную в скале комнату, вдоль задней стены которой из скалы вырезан короб саркофага. Его лицевая сторона украшена рельефным изображением головы Медузы и гирлянды. Крышка валяется внизу перед гробницей. Сверху над погребальной камерой и слева от нее вырезаны длинные надписи, которые настолько сильно выветрились, что даже Р. Хэбердей, сделавший в 1895 году их копии, не счел нужным публиковать эти обрывки слов. Й. Нолле, видевший материалы Хэбердея, утверждает, что там читаются слова «гробница Филетера, бывшего жрецом» [15: 247].

С правой стороны от погребальной камеры на скале была вырезана стела с треугольным фронтоном, углы основания которого украшали две спирали, а внутри стелы мастер расположил надпись с алфавитным оракулом [7: 35–36, № 46]:

- «А “Все замыслы свершишь успешно”, – молвит бог.
- В Немного выжди, не полезен путь сейчас.
- Г Земля воздаст тебе отборный плод за труд.
- Д Забудь про бег и путь, чтоб вред не претерпеть.
- Е Посев законных браков жаждешь видеть ты.

Z	Беги от ссоры злой, чтоб вред не претерпеть.
H	Тебя, сияя, солнце зрит, что видит все.
Θ	Поддерживают боги и хранят тебя.
I	Труды до пота ждут, но одолеешь все.
K	С волнами биться трудно, подожди чуть-чуть.
Λ	С печалью распостиесь, приемли радость впредь.
M	Спешишь напрасно, не упорствуй, пользы нет.
N	Преследуй! Для охоты выгодный момент.
Ξ	Деметры рыжей плод созревший ждет тебя.
O	Несеявший не может пожинать плоды.
Π	Пройдя немало битв, получишь ты венок.
P	Управиши легче, подождав еще чуть-чуть.
Σ	Вещает ясно Феб: "О друже, подожди".
Τ	От обступивших бед свободу обретешь.
Υ	"Гимен" сейчас не твой, напрасно не трудись.
Φ	Сажай! Деметра превосходно вскормит все.
Χ	"Ликуя, поспеши!" – так сам вещает Зевс.
Ψ	Сей жребий справедливый от богов тебе.
Ω	Незрелый плод коль соберешь, в том пользы нет».

Если не учитывать соседство с гробницей, то больше никаких принципиальных различий в оформлении этого алфавитного оракула и оракулов с территории Адад и Кибры нет. Вырезанная на скале надпись с алфавитным оракулом создавала вокруг себя прорицалище, и присутствие рядом гробницы не могло нивелировать ее мантические функции. Получается, что создатели усыпальницы задумали соединить в единое целое два привычных, но обычно совершенно самостоятельных сооружения: гробницу и святилище. Похожее соединение можно было бы усмотреть в широко распространенных в этом регионе монументальных гробницах-храмах, или героонах, но суть их устройства была иной. В герооне саркофаг хозяина размешался в центре храма, погребальные камеры для членов его семьи устраивались по бокам в цокольном этаже, и сам хозяин в посмертии прославлялся как герой. Гробница в Эноандах сама по себе ничем не выделялась среди других гробниц некрополя, и ее хозяин не претендовал на почести героя, но присутствие алфавитного оракула превратило преддверие гробницы в святилище под открытым небом и открыло к ней дорогу для всех жителей города.

Другие две гробницы с алфавитными оракулами были возведены в южном некрополе ликийского города Олимпа, и у обеих гробниц сохранились погребальные надписи, в которых ни слова не говорится о вырезанных рядом алфавитных оракулах. В Олимпе вообще нет скальных гробниц, и оба оракула были размещены на отдельно стоящих усыпальницах, датируемых III веком.

Первая гробница занимает вершину холма у реки. Пространство перед погребальной камерой оформлено как отдельная комната со сводчатым потолком, входом в боковой стене и открытой передней частью. Вдоль обеих боковых стен

сделаны каменные лавки. Вход в погребальную камеру сложен из четырех каменных блоков, над ним – рельефное изображение щита и копья. По бокам сделаны две прямоугольные пилястры, на которые опирается свод, обрамляющий вход в погребальную камеру. Надпись хозяина гробницы занимает *tabula ansata*, правый боковой блок и правую пилястру. Алфавитный оракул вырезан на левой пилястре⁵. Текст погребальной надписи гласит:

«Я, Аврелий Пигрет третий, правнук Телесфора, житель Олимпа, возвел [этую гробницу] для себя самого и своей жены Аврелии Феодоты, дочери Дия, жительницы Олимпа, и для своих детей Аврелиев Энтима, и Никострата, и Гефестия и для будущей жены каждого [из них] и для их детей и потомков, которые если будут мужского пола – то и для будущей жены каждого, а если будут женского пола – то и для будущего мужа каждой, и [еще] для любого, кому я письменно завещаю. Если же кто-либо осмелится применить силу и кого-нибудь [здесь] похоронит, то он отдаст священнейшей государственной казне пять тысяч денариев и родине моей другие пять тысяч денариев, а изобличивший [его] пусть возьмет из тех, и из других денег третью часть» (TAM II.3 947 I–IV).

Аврелий Пигрет лично руководил возведением своей усыпальницы, сам составил текст основной надписи и, видимо, сам решил разместить на левой пилястре надпись с алфавитным оракулом. При этом он явно не претендовал ни на прославление его в качестве героя, ни, тем более, на участие в возвещении прорицаний. Алфавитный оракул превратил удобное, защищенное от солнца, дождя и ветра преддверие его гробницы в маленькое прорицалище, а это означало, что его гробница будет посещаема жителями города, будет всегда и на виду, и в мыслях людей как место, где можно получить совет божества, и, судя по всему, именно к такому поддержанию памяти о самом себе и заботе о состоянии гробницы стремился Аврелий Пигрет, отдавая преддверие своей гробницы под святилище с оракулом.

За холмом с гробницей Аврелия Пигрета на берегу реки стоит гробница Леона и Гермионы. У нее нет крытого преддверия, но над входом в погребальную камеру сделан широкий свод, и на потолочных плитах этого свода уместился текст алфавитного оракула. Правда, вместе с утраченной плитой свода исчезла и первая треть надписи. Над входом вырезана погребальная надпись, очень похожая на надпись Аврелия Пигрета. В ней нет никаких распоряжений относительно использования алфавитного оракула или констатации его особой связи с хозяевами гробницы. Леон и Гермиона тоже стремились превратить преддверие своей гробницы в культовое место и привлечь к ней внимание жителей Олимпа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, многовековая традиция создания в Малой Азии скальных святилищ вотивного типа подготовила почву для возникновения в период Империи похожих по оформлению, но принципиально отличных по содержанию святилищ с алфавитными оракулами. Творческая мысль жителей региона на этом не остановилась, и в аналогичные маленькие святилища были превращены преддверия нескольких гробниц. Вырезанный на фасаде гробни-

цы текст алфавитного оракула никогда не служил элементом декора, его присутствие означало появление в этом месте оракула бога и организовывало вокруг себя прорицалище, обратиться в которое за помощью мог любой житель города. Для хозяина усыпальницы такое соседство обеспечивало надлежащий надзор за состоянием гробницы и увековечивало память о нем – обе цели вполне оправдывали средства, затраченные на изготовление столь длинной надписи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Все приводимые в статье переводы древнегреческих надписей – как прозаические, так и поэтические – выполнены автором статьи. Большинство из них публикуются впервые.
- ² Полный поэтический перевод этой надписи можно найти на стр. 199–200 в работе: Приходько Е. В. Адады – древний город центральной Писидии. Ч. I // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2014. X. С. 181–219.
- ³ Перевод этой надписи представлен на стр. 202–203 в работе: Приходько Е. В. Адады – древний город...
- ⁴ Перевод этой надписи опубликован на стр. 260–261 в работе: Приходько Е. В. Скальное святилище с алфавитным оракулом на земле Кибры // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. XII. С. 218–279.
- ⁵ Перевод обеих надписей с алфавитным оракулом из Олимпа можно найти на стр. 21–22 и 66 в работе: Приходько Е. В. Алфавитный оракул из Олимпа: очерк истории изучения // Труды кафедры древних языков. Вып. III // Труды исторического факультета МГУ. Вып. 53. Сер. III. *Instrumenta studiorum*: 24. М.: Индрик, 2012. С. 12–75.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приходько Е. В. Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
2. Corsten Th. Ein neues Buchstabenrakel aus Kibyra // *Epigraphica Anatolica*. 1997. 28. S. 41–49.
3. Corsten Th. Die Inschriften von Kibyra. Teil. I (IGSK. Bd. 60). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2002. 381 S.
4. Corsten Th., Hülden O. Forschungen in der Kibyritis im Jahre 2011 // Araştırmalar Sonuçları Toplantısı. 2013. XXX. Cilt 1. S. 353–360.
5. Dilemen İ. Anatolian rider-gods. A study on stone finds from the regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the late Roman period (Asia Minor Studien. Bd. 35). Bonn: Halberst, 1999. 228 p.
6. Demirel M., Yener-Marksteiner B., Hülden O. Limyra Territoryumu Araştırmaları 2013: Yalakbaşı Antik Yerleşimi ve Çevresi. Research in the territory of Limyra in 2013: The ancient settlement on Yalakbaşı // ANMED. 2014. 12. S. 179–183.
7. Heberdey R., Kalinka E. Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasiens, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. Bd. 45). Wien, 1897. 56 S.
8. Horsley G. H. R., Mitchell S. The inscriptions of Central Pisidia (IGSK. Bd. 57). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2000. 216 p.
9. İplikçioğlu B. Batı Pamfilya ve Doğu Likya'da Epigrafya Araştırmaları 2001 // Araştırmalar Sonuçları Toplantısı. 2003. XX. Cilt 2. S. 71–75.
10. Işın G. The cult of Apollo in Southern Pisidia and Apollo Sideton // Ege Üniversitesi Arkeoloji Dergisi Özel Sayı. 2008. 12. S. 107–117.
11. Işın G. The sanctuaries and the cult of Apollo in Southern Pisidia // Anadolu / Anatolia. 2014. 40. P. 87–104.
12. Labarre G., Özsait M., Özsait N. Les reliefs rupestres de Tefenni (Pisidie) // Anatolia Antiqua. 2006. 14. P. 89–115.
13. Marksteiner Th., Stark B., Wörrle M., Yener-Marksteiner B. Der Yalakbaşı auf dem Bonda Tepesi in Ostlykien. Eine dörfliche Siedlung und ein ländlicher Kultplatz im Umland von Limyra // Chiron. 2007. 37. S. 243–292.
14. Merkelsbach R., Stauber J. Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasiens, Syrien und Palaestina. München; Leipzig: K.G. Saur Verlag, 2002. 471 S.
15. Nollé J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C.H. Beck, 2007. 331 S.
16. Tallonen P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology. X). Turnhout: Brepols Publishers, 2015. 412 p.

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
aristonica@list.ru

HOW ALPHABETICAL ORACLE TRANSFORMED TOMB VESTIBULES INTO SANCTUARIES

Abstract. Most rock sanctuaries founded in the lands of Lycia, Kibyrratis and Pisidia in I–III AD were of a votive type. But at the same time, some inhabitants of cities of Adada and Kibyra founded two sanctuaries with the alphabetical oracles carved on the rock and the inhabitants of cities of Oinoanda and Olympus carved inscriptions with an alphabet oracle on the facades of three tombs. Previously, these sanctuaries were studied only separately, therefore, their comparison determines the scientific novelty of the research and its relevance. The author of the article aims to put up a logical chain of transition from one type of sanctuary to another and explain the emergence of inscriptions with an alphabetical oracle in the vestibules of tombs, which does not align with the traditional rules for their design. It is proved that according to the beliefs of the inhabitants of the region, the text of the alphabetical oracle, carved on a rock or wall, created a sanctuary with oracle around itself. People believed that in these sanctuaries the god – particularly Hermes, who was the patron of this type of mantic art – gave his responses with the help of the oracle, the prophetic spirit of the place, as it was in the great sanctuaries. Thus, votive sanctuaries consolidated the very idea of rock sanctuaries, and then their content was changed – the votive inscriptions were replaced with an alphabetical oracle, and the next step was to move the sanctuaries with an alphabetical oracle to the vestibule of the tombs. Having shown how this became possible, the author comes to the conclusion about the purpose of such a combination of actions: the owners of these tombs sought to ensure that the inhabitants of the city would come there to consult the god and thus would take care of the tombs and remember the names of those who rested in them.

Keywords: rock sanctuary, alphabetical oracle, Lycia, Pisidia, Kibyrratis, prophetic spirit of the place, Adada, Anbarcik, Oinoanda, Olympus

For citation: Prikhodko, E. V. How alphabetical oracle transformed tomb vestibules into sanctuaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):97–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.758

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. Twofold treasure. The art of divination in Ancient Greece: mantic art in terms. Moscow, 1999. 592 p. (In Russ.)
2. Corsten, Th. Ein neues Buchstabenorakel aus Kibyra. *Epigraphica Anatolica*. 1997;28:41–49.
3. Corsten, Th. Die Inschriften von Kibyra. Teil. I. (IGSK. Bd. 60). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2002. 381 S.
4. Corsten, Th., Hülden, O. Forschungen in der Kibyrratis im Jahre 2011. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. 2013;XXX.1:353–360.
5. Delemen, İ. Anatolian rider-gods. A study on stone finds from the regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the late Roman period. (Asia Minor Studien. Bd. 35). Bonn: Halbert, 1999. 228 p.
6. Demirel, M., Yener-Marksteiner, B., Hülden, O. Limyra Territoryumu Araştırmaları 2013: Yalakbaşı Antik Yerleşimi ve Çevresi. Research in the territory of Limyra in 2013: The ancient settlement on Yalakbaşı. *ANMED*. 2014;12:179–183.
7. Heberdey, R., Kalinka, E. Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasien, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe). Bd. 45. Wien, 1897. 56 S.
8. Horsley, G. H. R., Mitchell, S. The inscriptions of Central Pisidia. (IGSK. Bd. 57). Bonn, 2000. 216 p.
9. İplikçioğlu, B. Batı Pamfilya ve Doğu Likya'da Epigrafya Araştırmaları 2001. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. 2003;XX.2:71–75.
10. İşin, G. The cult of Apollo in Southern Pisidia and Apollo Sideton. *Ege Üniversitesi Arkeoloji Dergisi Özel Sayı*. 2008;12:107–117.
11. İşin, G. The sanctuaries and the cult of Apollo in Southern Pisidia. *Anadolu / Anatolia*. 2014;40:87–104.
12. Labarre, G., Özsait, M., Özsait, N. Les reliefs rupestres de Tefenni (Pisidie). *Anatolia Antiqua*. 2006;14:89–115.
13. Marksteiner, Th., Stark, B., Wörrle, M., Yener-Marksteiner, B. Der Yalakbaşı auf dem Bonda Tepesi in Ostlykien. Eine dörfliche Siedlung und ein ländlicher Kultplatz im Umland von Limyra. *Chiron*. 2007;37:243–292.
14. Merkelbach, R., Stauber, J. Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasiens, Syrien und Palaestina. München; Leipzig, 2002. 471 S.
15. Nollé, J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. 331 S.
16. Tallonen, P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. (Studies in Eastern Mediterranean Archaeology. X). Turnhout, 2015. 412 p.

Received: 1 November, 2021; accepted: 1 February, 2022

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МАРЕЕВА

преподаватель кафедры русского языка Института русского языка и культуры
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
mar-julia@yandex.ru

НАРЕЧИЯ КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС СЛОВ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Цель статьи заключается в обобщении сведений о категориальном классе наречий в новогреческом языке. Задачи – рассмотреть дефиниции наречия у разных авторов; проанализировать семантические классификации наречий в традиционной формально-описательной и функционально-коммуникативной грамматике; выявить основные проблемы описания класса наречий; разграничить понятия наречия и адвербиала. Мы опираемся прежде всего на функционально-коммуникативный и сопоставительный методы, учитывая также достижения российских ученых-лингвистов. Нами был представлен обзор работ как современных греческих авторов (Г. Бабиниотис, Т. Накас), так и лингвистов первой половины XX века (А. Тзартзанос, М. Триандафиллидис). Принимается во внимание диахронический подход: анализируются определения понятия наречия и систематизация различных семантических групп наречий в античных грамматиках (школа стоиков, Дионисий Фракийский). Задача упорядочения такого сложного и разнообразного по своему составу грамматического класса слов, как наречие, остается актуальной до сих пор. Новизна исследования состоит в том, что мы предприняли первую попытку системного описания новогреческих наречий в их сопоставлении с русскими. Современные исследователи пришли к выводу о полевой устроенности категории наречия. Любое поле имеет центр (ядерную зону) и периферию. Таким образом, появилась возможность систематизировать весь массив наречий, наречных выражений, полифункциональных лексем на непротиворечивых основаниях с учетом их семантики и синтаксических ролей, выделив ядро, приядерную и периферийные области.

Ключевые слова: наречие, категориальный класс слов, античные грамматики, новогреческий язык, традиционная формально-описательная грамматика, функционально-коммуникативная грамматика, классификация и систематизация наречий, функционально-грамматическое поле

Для цитирования: Мареева Ю. А. Наречия как категориальный класс слов в новогреческом языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 104–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.759

ВВЕДЕНИЕ

Впервые о наречии было написано еще в античных грамматиках. Примерно в III в. до н. э. философами-стоиками (Хрисипп, Кратес Милосский) наречие стало определяться как самостоятельная часть речи. Позже Дионисием Фракийским (II–I вв. до н. э.), представителем Александрийской школы, в I в. до н. э. была разработана классификация частей речи, внутри которой выделялись имя, глагол, причастие, наречие, местоимение, член (артиклъ), предлог, союз. Дионисий Фракийский присвоил наречию термин *ἐπίρρημα* (*ἐπί* – ‘на’, ‘при’; *ρῆμα* – ‘глагол’)¹. Вероятно, он употребляет термин ‘глагол’ в более широком значении, чем мы его используем сейчас: в трудах Платона и Аристотеля понятие глагола включает

не только собственно глаголы, но и прилагательные [11: 31].

Проследив историю изучения наречия как части речи, мы обнаружили, что разные исследователи давали зачастую различные толкования наречия, беря за основу и выделяя в качестве ведущих признаков, которые представлялись им наиболее существенными. Наречие – это сложнейший грамматический класс, который включает в себя лексические единицы, обладающие несходными морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками. Задача упорядочения данного множества языковых явлений, его систематизации остается актуальной вплоть до настоящего времени. Сама формулировка дефиниции наречия как категориального класса вызывает сложности.

Мы предприняли первую попытку системного описания новогреческих наречий в их сопоставлении с русскими. В данной статье представлен обзор работ греческих авторов (от античности до современности), затрагивающих вопросы статуса и места наречия в языковой системе: проанализированы дефиниции, дававшиеся категориальному классу наречий разными учеными, рассмотрели различные классификации наречий и адвербальных выражений как грамматического разряда.

НАРЕЧИЕ В АНТИЧНЫХ ГРАММАТИКАХ

Древнегреческие философы-стоики называли категориальный класс наречий πανδέκτης (рус. буквально ‘принимающий все’) и сравнивали его с Августовыми конюшнями. Но, по мнению стоиков, чтобы расчистить эти «конюшни» (то есть класс наречий, вобравший в себя разнородные по своим характеристикам лексемы), силы одного Геракла будет недостаточно².

Дионисий Фракийский выделял наречия: 1) времени: *теперь, тогда, завтра*; 2) способа: *прекрасно, мудро, сильно*; 3) качества: *грозьями, толчками*; 4) количества: *часто, редко*; 5) числа: *дважды, трижды*; 6) места: *вверху, внизу*. Отдельные небольшие подгруппы представляли собой наречия пожелания: *если бы, кабы*; недовольства: *ох, увы*; согласия: *да, ну да*; запрещения: *отнюдь нет*. Затем шли наречия сравнения, уподобления, изумления, предположения, порядка, побуждения, сличения, вопроса, усиления, объединения, отрицания, утверждения, цели, подтверждения и призыва бога³.

Такое же смешение наречий с другими категориями мы видим и в переводах Доната. У него 24 типа наречий, в которые включены и частицы, и междометия, и даже местоимения [6]. В. В. Виноградов отмечал, что

«этая теория универсальной адвербализации, восходящая в своих истоках к глубокой древности, противоречит живым грамматическим процессам. <...> В славяно-русских грамматиках до конца XVII века междометия также включались в класс наречий. Категория наречий исстари являлась свалочным местом для всех так называемых “неизменяемых” слов» [2: 273].

Со времен грамматики Дионисия Фракийского минуло более двух тысяч лет, однако, несмотря на большое количество различных исследований в этой области, можно сказать словами классика, что «воз и ныне там». Это связано с тем, что во многих грамматиках в класс наречий зачастую включаются самые разноплановые языковые единицы: от частиц и предлогов

до целых предложений. Кроме того, чрезвычайно многообразен диапазон значений, передаваемых с помощью адвербальных лексем: в класс наречий включают слова, имеющие общекатегориальные значения места, времени, количества, качества [7].

Дионисий Фракийский определял наречие следующим образом: «Наречие – несклоняемая часть речи, сказываемая о глаголе и высказываемая дополнительно к глаголу»⁴. Собственно с Дионисия Фракийского начинается европейская традиция классификации слов по частям речи [1].

КАТЕГОРИЯ НАРЕЧИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМАЛЬНО-ОПИСАТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В «Базовой грамматике греческого языка» (учебной) предлагается максимально упрощенная в дидактических целях дефиниция наречия:

«Наречия – неизменяемые слова, обозначающие образ действия, место, время и количество. Они могут определять

- глаголы (*Я бегу быстро*);
- прилагательные (*Елена очень красивая*);
- существительные (*Зайди с черного хода* – новогреч. *Βύες από την πίσω πόρτα* – рус. дословно ‘Зайди через заднюю дверь’, ‘сзади дверь’, то есть на русский язык может быть переведено адекватно только с помощью прилагательного);

– другие наречия (*Я написал достаточно хорошо на контрольной работе* – новогреч. *Έγραψα αρκετά καλά στο διαγώνισμα*);

– целое предложение (*К счастью, я не постучал; Конечно, он говорит правду*)⁵.

В новогреческом языке ‘к счастью’ (*ευτυχώς*) является наречием, а не сочетанием существительного с предлогом, как в русском языке.

Как видим, наречия, характеризующие / определяющие целые предложения, – это те наречия, которые в русской традиционной грамматике называют вводными словами [5].

Проанализировав статьи о наречии в новогреческих грамматиках, мы заметили, что в новогреческом языке наречие широко употребляется в позиции перед существительным, определяя его. Можно предположить, что это черта балканского языкового союза. Присубстантивная позиция возможна и в русском языке (*Москва сегодня*), однако не является в той же степени распространенной, что позволяет ряду исследователей утверждать, что это позиция не при существительном, а при подразумеваемом глаголе [6]. При этом в русском языке наречие примыкает к существительному и находится по отношению к нему в постпозиции, в то время как в новогре-

ческом языке (и, например, в македонском) наречие определяет существительное и находится в препозиции.

В «Грамматике новогреческого языка» Манолиса Триандафиллидиса [13: 68] в первом ранге разбиения части речи образуют бинарную оппозицию по признаку изменяемости / неизменяемости. К изменяемым частям речи относятся артикль, существительное, прилагательное, местоимение, глагол, причастие. К неизменяемым – наречие, предлог, союз, междометие. Междометию не отказано в частеречном статусе, а наречие наряду с ним и с предлогами и союзами входит в класс неизменяемых слов.

Для наречия М. Триандафиллидис предлагает следующую дефиницию: «Неизменяемые слова, которые определяют глагол и выражают место, время, образ действия, количество и др., называются наречиями» [13: 124]. Далее отмечается, что наречия также могут определять прилагательные (*Ο καιρός είναι πολύ καλός* – рус. ‘Погода очень хорошая’) и другие наречия (*Ο πατέρας βγήκε από το σπίτι κάπως νωρίς* – рус. дословно ‘Отец вышел из дома немного / несколько рано’) [13: 124].

В классификации автора выделяется пять основных групп наречий: 1) локативные (*εδώ* – рус. ‘здесь’, *εκεί* ‘там’); 2) темпоральные (*κάποτε* – рус. ‘когда-то, некогда; порой, иногда’, *κάποι* *κάποι* ‘иногда’); 3) образа действия (*έτσι* – рус. ‘так’, *μαζί* – рус. ‘вместе’); 4) количественные (*τόσο* – рус. ‘столько’, *πολύ* – рус. ‘много’); 5) наречия, выражающие уверенность (*ναι* – рус. ‘да’, *βέβαια* – рус. ‘конечно’), сомнение (*ίσως* – рус. ‘может быть’, *τάχα* – рус. ‘якобы’) и отрицание (*όχι* – рус. ‘нет’, *πιά* – рус. ‘больше’ (*δεν έχω πιά* – рус. ‘у меня больше нет’)) [13]. Триандафиллидис выделяет также так называемые относительные наречия, среди которых – вопросительные (*πού* – рус. ‘где’, *πότε* – рус. ‘когда’), указательные (*πουθενά* – рус. ‘нигде’, *τώρα* – рус. ‘сейчас’), неопределенные (*κάποι* – рус. ‘где-то’, *κάμποσο* – рус. ‘сколько-то’), соотносительные (*όπουδηποτε* – рус. ‘где бы ни’, *οπότεδηποτε* – рус. ‘когда бы ни’). Локативные, темпоральные, количественные наречия, наречия образа действия, наречия, выражающие уверенность, сомнение, отрицание, могут также принадлежать и к одной из групп относительных наречий [13: 191–196].

Определение наречия в «Грамматике для 5–6-х классов средней школы» Христоса Цолакиса⁶ полностью базируется на дефиниции, сформулированной М. Триандафиллидисом [13]. В классификации в отдельную группу не выделяются наречия, выражающие сомнение.

В «Грамматике новогреческого языка» Ахиллеаса Тзартзаноса [12] категориальному классу наречий посвящен всего один абзац. Дефиниция наречия в этом издании не отличается от дефиниций, сформулированных предыдущими авторами:

«Наречиями называются несклоняемые слова, которые обычно определяют глагол и выражают место, время, образ действия, количество и т. д.» [12: 161–162].

Таким образом, определение наречия как категориального класса слов в традиционных греческих грамматиках не отличается многообразием трактовок. Фактически во всех грамматиках повторяется одна и та же дефиниция, восходящая еще к первым древнегреческим грамматикам. В первую очередь подчеркивается несклоняемость наречия, возможность примыкания прежде всего к глаголу и выражение обстоятельственных значений времени, места, образа действия, количества, модальных оценок и др. При этом класс наречий выступает довольно аморфным: под него нередко подводятся частицы и междометия.

Больше особенностей функционирования наречий учтено в дефиниции, представленной в «Грамматике новогреческого языка» С. Хадзисаввидиса:

«Наречия – несклоняемые слова, которые определяют главным образом глаголы, но и другие части речи (прилагательные, существительные, числительные, другие наречия и целые высказывания), и выражают различные отношения, такие как время, место, образ действия и др., например: (1) *Πήγε πολύ μακριά* (рус. ‘Он уехал очень далеко’); (2) *Ηρθε αρκετά νωρίς* (рус. ‘Он пришел достаточно рано’). Наречие *μακριά* (‘далеко’) в (1) определяет глагол *πήγε* (‘уехал’), а наречие *αρκετά* (‘достаточно’) в (2) определяет другое наречие *νωρίς* (‘рано’)» [15: 100].

В определенных случаях наречия функционируют как текстовые показатели (или «фразовые наречия»). В русской традиционной грамматике «фразовые наречия» называются вводными словами. Например: (3) *Φυσικά, με βοήθησε πολύ η γνώμη της Εφης* (рус. ‘Конечно, мне очень помогло мнение Эфи’). Таким фразовым наречием в (3) является *φυσικά* (рус. ‘конечно’). Что касается семантической классификации, то в данной грамматике принято традиционное деление наречий на пять подклассов: наречия места, наречия времени, наречия образа действия, количественные наречия и наречия, выражающие уверенность, сомнение и отрицание [15: 100–102].

В «Грамматике и синтаксисе простой кафареусы для 1, 2 и 3 классов гимназии» П. О. Влахопулоса⁷ вновь читаем традиционное определение,

где на первый план выходят неизменяемость наречия и примыкание преимущественно к глаголу.

Наиболее полное описание системы новогреческого языка содержится в грамматиках Ахиллеаса Тзартзаноса [12], Александроса Триандафиллидиса [13], Агапитоса Цопанакиса [14] и др. Зачастую в греческих грамматиках к наречиям причисляются абсолютно все неизменяемые слова. В некоторых грамматиках дается анализ лишь отдельных адвербиальных лексем.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРЕЧИЙ В ГРАММАТИКАХ А. ЦОПАНАКИСА И М. ТРИАНДАФИЛЛИДИСА

Приводимая ниже классификация опирается на грамматику А. Цопанакиса [14], а также на грамматику М. Триандафиллидиса [13].

Представленные в этих изданиях классификации можно считать описательными, традиционными. Новогреческие грамматики выделяют следующие семантические классы наречий:

- 1) локативные наречия (τοπικά): *εδώ* ('здесь'), *βόρεια* ('на севере'), *ανατολικά* ('на востоке');
- 2) темпоральные наречия (χρονικά): *ήδη* ('уже'), *σήμερα* ('сегодня'), *απόψε* ('сегодня вечером');
- 3) наречия образа действия (τροπικά): *ελληνικά* ('по-гречески'), *ίσια ίσια* ('точь-в-точь'), *καλά* ('хорошо');
- 4) количественные наречия (ποσοτικά): *διπλά* ('вдвое'), *διπλάσια* ('вдвойне'), *εξίσου* ('поровну');
- 5) отрицательные наречия (αρνητικά): *όχι* ('нет'), *δέ(v)* ('не'), *μή(v)* ('не');
- 6) утвердительные наречия (βεβαιωτικά): *ναι* ('да'), *μάλιστα* ('да', 'конечно'), *σωστά* ('верно');
- 7) наречия сомнения (δισταχτικά): *άραγε* ('разве'), *μήπως* ('может быть'), *τάχατες* ('якобы');
- 8) наречия причины (αιτιολογικά): *γιατί*, *διότι*, *επειδή* ('потому что', 'так как');
- 9) наречия, выраждающие пожелание (ευχετικά): *άμποτε* ('только бы!', 'дай Бог!'), *είθε* ('только бы!'), *μακάρι* ('хорошо бы', 'пусть бы');
- 10) побудительные наречия (протрептиκά): *άσε*, *έλα* ('иди', 'давай', 'ну!'), *εμπρός* ('алло', 'слушаю', буквально 'вперед') и т. д.

Внутри вышеперечисленных семантических разрядов наречий на основе формальных признаков выделяются соответственно вопросительные, относительные и так называемые положительные (утвердительные) наречия (среди которых выделяют указательные и неопределенные).

Здесь, как мы видим, в категорию наречия включены все частицы – утвердительные, отрицательные, вопросительные, усилительные, почти все междометия и сравнительные союзы.

КАТЕГОРИЯ НАРЕЧИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА Х. КЛЕРИСА И Г. БАБИНИОТИСА

Наиболее полное функционально-коммуникативное описание грамматики новогреческого языка содержится в «Функционально-коммуникативной грамматике новогреческого языка» Х. Клериса и Г. Бабиниотиса [10]. В ней вводится понятие адвербиала (новогреч. επιρρηματικά, англ. adverbials), в которое включаются собственно наречия, предложно-падежные формы с обстоятельственными значениями, вводные слова («зависимые адвербиальные / наречные предложения», новогреч. εξαρτημένες επιρρηματικές προτάσεις) и деепричастия [10: 737].

Категория адвербиалов имеет полевую устроенность [10: 876]. Наречия формируют свое функционально-грамматическое поле (ФГП). Функционально-грамматические поля – это поля, выделенные на основании общности грамматических особенностей языковых единиц; в ядро поля входят собственно наречия, периферийными средствами являются в той или иной степени адвербиализованные лексемы других классов [3] и адвербиальные выражения [4]. В ядре ФГП адвербиалов (новогреч. επιρρηματικά) находятся собственно наречия, на периферии – зависимые наречные предложения. Таким образом, ФГП адвербиалов можно представить следующим образом: собственно наречия (новогреч. επιρρημα) – адвербиальные предложные группы (новогреч. επιρρηματικό προθετικό σύνολο) – адвербиальное употребление падежных форм (новогреч. επιρρηματική χρήση της πτώσης) – деепричастие (новогреч. επιρρηματική μετοχή) – зависимое наречное предложение (εξαρτημένη επιρρηματική πρόταση) [10]. Ядро ФГП наречия составляют лексемы, которые однозначно могут определяться как наречия и обладают всеми признаками этого класса слов. Периферийная зона ФГП наречия включает слова, по своим свойствам менее очевидно относящиеся к классу наречий [3] (рис. 1).

В «Грамматике» Х. Клериса и Г. Бабиниотиса выделяются наречно-предложные словосочетания [10: 738].

В данной грамматике указывается на три основные функции наречия: 1) определяющая; 2) дополняющая; 3) характеризационная. Рассмотрим на конкретных примерах каждую из трех функций более детально.

Рис. 1. Полевая устроенность функционально-грамматического поля адвербials
(по Х. Клерису и Г. Бабиниотису)

Figure 1. Field arrangement of the functional grammatical field of adverbials
(H. Cleris & G. Babiniotis)

1) Определяющая функция. Наречие может определять глагол (*μιλάει ωραία* – рус. ‘говорит прекрасно’), другое наречие (*πολύ ωραία* – рус. ‘очень красиво’), существительное (*ο επάνω όροφος* – рус. ‘верхний этаж’), прилагательное (*ένας πολύ καλός μαθητής* – рус. ‘очень хороший ученик’), целое предложение (*Ευτυχώς, η καταγύδα πέρασε* – рус. ‘К счастью, буря прошла’), часть текста (*...Επομένως, δεν πρέπει να διστάσουμε. Η επιμονή θα μας οδηγήσει στην επιτυχία.* – рус. ‘...Следовательно, не нужно колебаться. Настойчивость приведет нас к успеху’).

2) Дополняющая функция. Наречие может дополнять семантически недостаточный глагол: *έρχεται εδώ* (рус. ‘Он идет сюда’). Наречие заполняет одну из валентностей глагола.

3) Характеризационная функция. Наречие может характеризовать (с помощью вспомогательных соединительных средств, таких как вспомогательный глагол) существительное: *Ο Γιάννης είναι καλά* (рус. ‘У Янниса всё хорошо’, дословно ‘Яннис есть хорошо’) [10: 889].

В качестве определения при существительных чаще всего выступают локативные наречия: *ο επάνω όροφος* (рус. ‘верхний этаж’, буквально ‘сверху этаж’), *η απέναντι πολυκατοικία* (рус. ‘многоэтажка напротив’, буквально ‘напротив многоэтажка’), *το κάτω διαμέρισμα* (рус. ‘квартира снизу’, буквально ‘снизу квартира’), *η μέσα πλευρά* (рус. ‘внутренняя сторона’, буквально ‘внутри сторона’). На русский язык такие словосочетания переводятся либо с помощью прилагательного, которое находится в препозиции к определяемому слову, либо с помощью наречия, стоящего в постпозиции по отношению к определяемому существительному.

Некоторые наречия выступают преимущественно или исключительно в качестве определений существительных: *ο τέως πρωθυπουργός* (рус. ‘бывший премьер-министр’), *η πρώην σύζυγος* (рус. ‘бывшая супруга’), *οι εξής λύσεις* (рус. ‘следующие решения’) [10: 890]. Фактически такие

наречия можно рассматривать как аналитические прилагательные.

К фразовым (то есть определяющим целые высказывания вводные слова) наречиям относят следующие: *βέβαια* (рус. ‘конечно’), *δυστυχώς* (рус. ‘к сожалению’), *επομένως* (рус. ‘следовательно’), *έτσι* (рус. ‘так, таким образом’), *ευτυχώς* (рус. ‘к счастью’), *ίσως* (рус. ‘может быть’), *λοιπόν* (рус. ‘итак’), *μάλλον* (рус. ‘пожалуй’), *vai* (рус. ‘да’), *ομοίως* (рус. ‘подобно’), *όχι* (рус. ‘нет’), *πάντως* (рус. ‘во всяком случае’), *πιθανόν* (рус. ‘вероятно’), *πράγματι* (рус. ‘действительно’), *προφανώς* (рус. ‘очевидно’), *συμπερασματικά* (рус. ‘следовательно’), *συνεπώς* (рус. ‘следовательно’), *τελικά* (рус. ‘наконец’), *φυσικά* (рус. ‘естественно’), *ωστόσο* (рус. ‘тем не менее’) [10: 892]. В число фразовых наречий в основном вошли те лексемы, которые в традиционной русской описательной грамматике именуются вводными словами.

КЛАССИФИКАЦИЯ АДВЕРБИАЛОВ В ИССЛЕДОВАНИИ Т. НАКАСА

В русле функционально-коммуникативной грамматики рассматриваются наречия в диссертации Т. Накаса [11]. Автор критически подходит к определениям наречия, устоявшимся в традиционной греческой грамматике, указывает на необходимость учета семантических особенностей в definicции наречий и отмечает, что следует принимать во внимание тот факт, что одни наречия могут прымывать к глаголу, другие – нет; одни наречия могут прымывать к прилагательному, другие – нет. В традиционных грамматиках чаще всего указывается на неизменяемость наречий (морфологический признак) и способность прымывать к глаголу, прилагательному, другому наречию (синтаксический критерий). Стоит отметить, что не всякое наречие может определять и глагол, и прилагательное. В качестве примера Накас рассматривает наречие *χτες* (рус. ‘вчера’). Например, *ήρθε χτες* (рус. ‘пришел вчера’), но невозможно сказать **χτες μεγάλος* (рус. ‘вчера большой’). К наречию

χτες (рус. ‘вчера’) не может примыкать любое наречие, сравнивте примеры (1), (2), (3):

- (1) *πολύ χτες – рус. *очень вчера;
- (2) πολύ ωραία – рус. очень красиво;
- (3) ιδιαίτερα χτες – рус. особенно вчера.

Признавая несовершенство всех традиционных формулировок, в той или иной мере повторяющих определение Дионисия Фракийского, собственной дефиниции наречия как категориального класса слов Т. Накас в первой главе своей диссертации [11] не предлагает. Тем не менее далее им очерчивается важный круг проблем, связанных с толкованием, классификацией и систематизацией наречий: учет семантического критерия, поиск диагностических контекстов, переосмысление традиционных дефиниций и классификаций, наличие бифункциональных единиц (способных выступать и в роли наречия, и в роли предлога либо в роли наречия и союза). Т. Накас ссылается на слова известного греческого лингвиста конца XIX – начала XX века Георгиоса Хадзидакиса⁸: «Наименование, данное по главной функции, не всегда является точным» («ἡ ονομασία εδόθη από του κυριοτέρου, δεν είναι ἀρά κατά πάντα ακριβής») [11: 17]. В своем исследовании Т. Накас (это следует и из названия диссертации) рассматривает единую категорию адвербиалов, имеющую полевую устроенность.

Следуя за идеями Н. Хомского [7], Р. Штайнитца [9] и С. Гринбаума [8], Т. Накас предлагает классификацию адвербиалов в соответствии с их синтаксическими функциями в составе предложения. Прежде всего он выделяет две категории адвербиалов: адвербильные определения (характеризующие наречия), то есть преимущественно наречия образа действия (новогреч. επιρρηματικοί προσδιορισμοί, англ. adjuncts – букв. ‘приложение’, ‘дополнение’, ‘определение’, ‘обстоятельственное слово’) и адвербильные дополнения (новогреч. επιρρηματικά συμπληρώματα, англ. complements) [11: 357]. Адвербильные определения в свою очередь подразделяются на:

- 1) собственно определения (новогреч. οἱ διορισμοί);
- 2) уточняющие определения (наречия, ориентированные на предмет / субъект, и темпоральные наречия (новогреч. οἱ επιδιορισμοί, англ. praejuncts));
- 3) обособленные определения (новогреч. οἱ παραδιορισμοί, англ. disjuncts);
- 4) союзные наречия (conjunctions) [11: 427].

Уточняющие и обособленные определения являются наиболее периферийными элементами данной системы.

Схематически это можно представить так (рис. 2):

Рис. 2. Классификация адвербиалов в соответствии с их синтаксическими функциями в составе предложения (по Т. Накасу)

Figure 2. Classification of adverbials according to their syntactic functions in a sentence
(T. Nakas)

Все эти адвербиалы могут выражать образ действия, место, положение, направление и в целом иметь все оттенки значений, которые передают наречия. В роли адвербильных определений могут выступать наречия образа действия, локативные наречия (положения или направления), наречия меры и степени. Адвербильные определения могут иметь любые оттенки значений, которые передаются с помощью наречий.

Обособленные определения и союзные наречия являются так называемыми фразовыми наречиями [11].

Новаторство Т. Накаса по отношению к традиционным греческим грамматикам заключается в делении адвербильных определений (новогреч. προσδιορισμοί) на три категории (трихотомия): определения – διορισμοί; уточняющие определения – επιδιορισμοί – praejuncts; обособленные

определения – παραδιορισμοί – *disjuncts*. Деление на дополнения (συμπληρώματα) – определения (προσδιορισμοί) – добавочные слова и выражения (παραπληρώματα) в той или иной степени представлено и в пособиях по грамматике и синтаксису, построенных согласно традиционной концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современными греческими лингвистами в рамках функциональной грамматики рассматривается преимущественно общая категория адвербиалов, включающая не только собственно наречия, но и другие части речи, играющие обстоятельственную роль в структуре предложения. Наречие вполне можно считать равноправной категорией слов по отношению к другим самостоятельным частям речи.

Сфера действия адвербиальной лексики чрезвычайно широка: с помощью наречий в структуре высказывания выражаются как объективные, так и субъективные (модальные) смыслы.

Функционально-коммуникативная система семантических разрядов наречий и, шире, адвербиалов является синтаксически значимой, поскольку в ней отражены закономерности их употребления в речи, их позиционный потенциал. Благодаря этому формируется понимание семантического устройства языка, складывается целостное представление о языковом явлении и о роли лексики в синтаксисе. В перспективе на основе такого комплексного описания могут создаваться функциональные словари (в частности, словари адвербиальной лексики), предназначенные для практического использования в процессе преподавания или изучения языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке. М.: Московский государственный институт истории, философии и литературы, 1939. С. 25–27.
- ² Mynas C. M. *Theorie de la grammaire et de la langue Greque*. Paris, Londres, 1827. P. 227–228.
- ³ Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке... С. 25–27.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Βασική Γραμματική της Ελληνικής, Αθήνα: Ινστιτούτο Επεξεργασίας του Λόγου – Ε. Κ. «Αθήνα», 2007. Σ. 150–160.
- ⁶ Τσολάκη Χρ. Νεοελληνική γραμματική της Ε' και ΣΤ' δημοτικού. Αθήνα: Οργανισμός Εκδόσεων Διδακτικών Βιβλίων, 1983. Σ. 259–261.
- ⁷ Βλαχόπουλος Παύλος Οθ. Γραμματική και συντακτικόν της απλής καθαρεύουσας δια τας Α', Β' και Γ' τάξεις. Γυμνασίου, 1974. Σ. 108–110.
- ⁸ Χατζιδάκης Γεώργιος Ν. Ακαδημεικά αναγνώσματα εις την ελληνικήν, λατινικήν και μικρόν εις την ινδικήν γραμματικήν. Εν Αθήναις: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου, 1904. Σ. 299–303.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Слово и часть речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» 3-е изд., испр. М.: Вышш. шк., 1986. 640 с.
3. Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкоznания. 2009. № 3. С. 76–99.
4. Иомдин Л. Л. Русские микросинтаксические элементы, мотивированные словом *вид*: корпусное исследование семантики // Корпусная лингвистика – 2019: Труды междунар. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 189–201.
5. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
6. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с.
7. Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton and Co, 1957. 134 p.
8. Greenbaum S. *Studies in English adverbial usage*. Longman, 1969. 262 p. DOI: 10.2307/412471
9. Steinitz R. *Adverbial syntax*. Studia Grammatica X. Berlin: Akademie Verlag, 1971. 206 p.
10. Κλαίρης Χ., Μπαμπινιώτης Γ. Γραμματική της νέας ελληνικής. Δομολειτουργική-επικοινωνιακή. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 1999. 1164 σ.
11. Νάκας Τ. Τα επιρρηματικά της νέας ελληνικής (προβλήματα υποκατηγοριοποίησης) / Διδακτωρική Διατριβή. Αθήνα, 1987. 461 σ. DOI: 10.12681/eadd/0286
12. Τζαρτζάνου Αχιλλ. Α. Νεοελληνική σύνταξις (της κοινής δημοτικής). Δεύτερη έκδοσις. Τόμος Α'. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος αδελφών Κυριακίδη Α. Ε., 1996. 336 σ.
13. Τριανταφύλλης Μ. Νεοελληνική Γραμματική (της δημοτικής). Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1996. 456 σ.
14. Τσοπανάκης Α. Νεοελληνική γραμματική. Θεσσαλονίκη: Κυριακίδη, 1994. 802 σ.
15. Χατζησαββήδης Σ. Γραμματική Νέας Ελληνικής Γλώσσας (Α-Β-Γ Γυμνασίου). ΟΕΔΒ (ΟΡΓΑΝΙΣΜΟΥ), ΥΠ. ΠΑΙΔΕΙΑΣ-ΙΤΥΕ ΔΙΟΦΑΝΤΟΣ, 2014. 200 σ.

Review article

Yulia A. Mareeva, Teacher, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

ADVERBS AS WORD CLASS CATEGORY IN MODERN GREEK LANGUAGE

A b s t r a c t. The aim of the present article is to summarize the data about adverbs as a word class in modern Greek language. The study set the following tasks: to consider the definitions of an adverb given by different authors; to analyze semantic classifications of adverbs in traditional formal descriptive grammar and functional communicative grammar; to identify the basic problems of the description of adverbs; and to differentiate the notions of adverb and adverbial. The study draws on the functional communicative and comparative methods and takes into account the previous achievements of Russian linguists (G. Babiniotis, T. Nakas), as well as the linguists of the first half of the XX century (A. Tzartzanos, M. Triantafyllidis). The issue is being investigated from the historical prospective with the help of the diachronical approach: the authors analyzes the definitions of the notion of adverb and the systematization of various semantic groups of adverbs in the early grammar texts of the Greek language (Hellenistic grammarian Dionysius Thrax, the Stoic school). The problem of streamlining such a complicated and diverse grammatical word class as adverbs still remains relevant. The novelty of the research lies in the first attempts to systemically describe Greek adverbs in comparison with Russian adverbs. Modern linguists came to the conclusion that adverbs as a word class have a field structure. Every field has a center (nuclear zone) and peripheral parts. This gives a possibility to systematize all the adverbs, adverbial expressions, and polyfunctional lexems on a non-controversial basis taking into account their semantics and syntactical function, and identify their nuclear, perinuclear and peripheral zones.

K e y w o r d s : adverb, word class category, Hellenistic grammars, modern Greek language, traditional formal descriptive grammar, functional-communicative grammar, classification and systematization of adverbs, functional grammar field

F o r c i t a t i o n : Mareeva, Yu. A. Adverbs as word class category in modern Greek language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):104–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.759

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Words and parts of speech. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. The Russian language (grammatical study on the word). Moscow, 1986. 640 p. (In Russ.)
3. Vsevolodova, M. V. Fields, categories and concepts in the grammatical system of the language. *Topics in the Study of Language*. 2009;3:76–99. (In Russ.)
4. Iomdin, L. L. Russian microsyntactic elements motivated by the word *view*: corpus-driven research in semantics. *Corpus Linguistics – 2019: Proceedings of the international conference*. St. Petersburg, 2019. P. 189–201. (In Russ.)
5. The book on grammar. For teachers of Russian as a foreign language. (A. V. Velichko, Ed.). St. Petersburg, 2018. 752 p. (In Russ.)
6. Filipenko, M. V. Semantics of adverbs and adverbial expressions. Moscow, 2003. 304 p. (In Russ.)
7. Chomsky, N. Syntactic structures. The Hague, 1957. 134 p.
8. Greenbaum, S. Studies in English adverbial usage. Florida, 1969. 262 p. DOI: 10.2307/412471
9. Steinitz, R. Adverbial syntax. *Studia Grammatica X*. Berlin, 1971. 206 p.
10. Κλαίρης, Χ., Μπαμπινιώτης, Γ. Γραμματική της νέας ελληνικής. Δομολειτουργική-επικοινωνιακή. Αθήνα, 1999. 1164 σ.
11. Νάκας, Τ. Τα επιρρηματικά της νέας ελληνικής (προβλήματα υποκατηγοριοποίησης) / Διδακτωρική Διατριβή. Αθήνα, 1987. 461 σ. DOI: 10.12681/eadd/0286
12. Τζαρτζάνος, Αχιλλ. Α. Νεοελληνική σύνταξις (της κοινής δημοτικής). Δεύτερη έκδοσις. Τόμος Α'. Θεσσαλονίκη, 1996. 336 σ.
13. Τριανταφυλλίδης, Μ. Νεοελληνική Γραμματική (της δημοτικής). Θεσσαλονική: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1996. 456 σ.
14. Τσοπανάκης, Α. Νεοελληνική γραμματική. Θεσσαλονίκη, 1994. 802 σ.
15. Χατζησαββήδης, Σ. Γραμματική Νέας Ελληνικής Γλώσσας (Α-Β-Γ Γυμνασίου). ΟΕΔΒ (ΟΡΓΑΝΙΣΜΟΥ), ΥΠ. ΠΑΙΔΕΙΑΣ-ΙΤΥΕ ΔΙΟΦΑΝΤΟΣ, 2014. 200 σ.

Received: 30 July, 2021; accepted: 1 February, 2022

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

aek31@mail.ru

Рец. на кн.: Фетисенко О. Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2021. – 424 с.

Для цитирования: Кунильский А. Е. Рец. на кн.: Фетисенко О. Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2021. – 424 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.753

Автор книги – Ольга Леонидовна Фетисенко, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) – известна своими работами по изучению идеологии консерватизма, ее проявлений в отечественной словесности. Осознание положительной, созидающей роли, которую сыграла эта идеология в нашей культуре, необходимо для адекватного представления о положении дел в русской литературе XIX – начала XX века. До сих пор в посвященных ей исследованиях, в учебных пособиях нередко дают о себе знать либеральные и даже радикальные (революционно-демократические) стереотипы, причем это касается работ не только отечественных ученых, но и зарубежных русистов: им ближе оказываются взгляды марксистски настроенных советских литературоведов – враждебные по отношению к традиционной русской духовности.

Рецензируемое сочинение посвящено творчеству Надежды Степановны Соханской (1823–1884), которая подписывала свои произведения псевдонимом Кохановская. Писательница родилась на Белгородщине, окончила в Харькове институт благородных девиц и всю жизнь прожила недалеко от этого города на хуторе Макаровка Изюмского уезда. Работа О. Л. Фетисенко – это научная монография в полном смысле слова, в ней решаются специфические для литературоведения вопросы атрибуции, датировки, другие текстологические задачи. В научный оборот вводятся до сих пор не публиковавшиеся архивные источники. О тщательности проработки материала свидетельствует справочный аппарат книги, включающий в себя развернутые примечания. Все это позволяет говорить об исчерпывающей точности проведенного исследования.

Перечисленные достоинства сопровождаются очень важными содержательными моментами. О. Л. Фетисенко умеет показать актуальность творчества Кохановской, ее общественных и литературных интересов, гражданской позиции. Имея в виду пребывание писательницы в Слободской Украине, которая всегда была географически и духовно близка к России, исследовательница пишет:

«Обращение к личности и слову Кохановской соединяет в себе две культуры, которые, надеемся, до конца никогда не смогут быть расторгнуты, как бы над этим ни трудились. Само место ее жительства – скажем словами из старинной оперы “Аскольдова могила” – “близко города Славянска” знаменательно. Ее особая любовь к Крыму, паломничество туда и мечта поселиться там, ее почитание могил героев Севастопольской обороны тоже как будто обращены прямо к нашим дням» (с. 39).

Кохановская чувствовала себя украинкой и одновременно русской патриоткой, ей были близки радости и боли Отечества. О. Л. Фетисенко приводит ее слова, которые могут показаться странными нашим современникам: «Выйти замуж за иностранца, подумать полюбить его – никогда! Мое русское сердце не представляет себе возможности подобной измены...» (с. 153). Это признание выглядит особенно знаменательным на фоне распространявшихся уже тогда совсем других представлений. Их выражает в романе Достоевского «Братья Карамазовы» лакей Смердяков, который говорит о войне 1812 года: «<...> хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» (Книга пятая. II). Высказывание литературного персонажа почти дословно повторяет мысль литератора и революционера-демократа Чернышевского о желательности оккупации России ее

противниками, донесенную до нас его товарищем по заключению: «<...> если бы они взяли Кронштадт, Петербург и Москву, – ну, тогда, пожалуй, у нас были бы произведены реформы, о которых стоило бы говорить» (Н. Г. Чернышевский: *pro et contra*. СПб., 2008. С. 140).

О. Л. Фетисенко рассматривает творчество Кохановской в контексте противостояния в отечественной литературе XIX века двух направлений – «отрицательного» и «положительного». До сих пор отрицательное отношение к русской жизни позапрошлого века, сложившееся под влиянием таких авторитетов, как Белинский («гнусная действительность», «красейская действительность гнусна» – письма В. П. Боткину от 4 октября 1840 года и 1 марта 1841 года), преобладает в школьном и вузовском изучении. Как заметил В. В. Розанов, «<...> у прошедших русскую гимназию и университет» привычным становится стереотип «проклятая Россия» («Опавшие листья»). Кохановская считала такое отношение к своей стране чертой прежде всего городского, интеллигентского сознания, с его привычкой обвинять среду, режим, все что угодно, но только не себя:

«И только ропот! и все ропот! Когда же наши ропущие сердца скажут высокое слово мира и благословения! <...> мне сдается, что они тогда скажут это слово, когда перестанут искать спасения своему Израилю в ком-либо другом, и поищут и глубоко найдут его в себе самих. «Се бо царствие Божие внутри вас есть»» (с. 140–141).

В конце 50-х годов XIX века Кохановская вслед за Аполлоном Григорьевым пишет о необходимости «нового слова» в литературе, полагая, что попытки произнести его нельзя признать успешными.

«Это тот же Гоголь в страшном пафосе его отрицания, смеющегося до слез. Новое слово должно родиться от нового духа. А новый дух не должен ли, именно, состоять в том, что, наконец, довольно! Полно нам подставлять наши могучие плечи под бичеванье этой беспощадной, грязной, мелкой и нелепой сатиры, одетой в ее жалкую нагую действительность. Пора стать перед нею высокою грудью и нашим светлым русским взглядом оглянуться вокруг» (с. 32).

Миропонимание Кохановской, выразившееся и в прямых высказываниях, и в художественной природе ее беллетристических произведений, сделало ее близкой славянофилам, как только они узнали о существовании писательницы. Как отмечает О. Л. Фетисенко, «в Кохановской они находят свое “давно искомое и желанное” – автора с “положительным” отношением к действительности, с христианским мировоззрением

<...>» (с. 31). И Кохановская, познакомившись с семьей Аксаковых, почувствовала, что она попала к близким ей людям. Но это не исключало расхождений между ними в отдельных вещах – например, в понимании значения поэзии Пушкина (у Кохановской более правильного, чем у славянофилов, на мой взгляд) или характера произведений фольклора. Вообще, демонстрируемое ею упрямство, нежелание соглашаться с самыми авторитетными мнениями заставляет вспомнить слова любимого ею поэта: «Самостоянье человека, залог величия его».

Впрочем, здесь хотелось бы обратить внимание на то, как в одном вопросе Кохановская разделяла далеко не бесспорное мнение славянофилов. Речь идет об их отношении к современной русской литературе. Казалось бы, ее расцвет в XIX веке давал возможность испытать чувство радости. Это было именно то положительное, что породила русская нация, в чем проявилась ее творческая сила. Но, к сожалению, славянофилы долго не могли этого понять. Константин Аксаков в статье «Обозрение современной литературы» (1857) выражал уверенность «в хилости и недолговечности современного состояния нашей литературы», в том, что и литературы у нас нет, а есть «толпа писателей» (при этом такие обобщающие суждения противоречили проницательным характеристикам, которые он давал конкретным авторам). Такое нигилистическое отношение к отечественной словесности, как это ни странно, объединяло его с оппонентами – революционерами-демократами. Об одном из них – Добролюбове – Константин Леонтьев писал, что этот популярный истолкователь произведений русской литературы считал, что «прилагать шекспировскую мерку к русским авторам это то же, что прилагать высшую математику к работе ученика, плохо решившего задачу...». На глазах критиков созидалась великая русская литература, мировое лидерство которой зафиксировано в 1886 году в своей работе о русском романе француз Мельхиор де Вогюэ, а они (критики) все еще говорили о ее преимущественно подражательном характере, что совпадало с позицией известного русофоба Астольфа де Кюстина, высказанной им в 1842 году.

Кохановская не видела в современной русской литературе искомого ею положительного содержания. Так, вспоминая в связи с Островским его дебютный шедевр «Свои люди сочтемся» (с. 32), она умалчивает о пьесах «москвитянинского» периода, упоминание о которых было бы здесь очень уместно. Кохановская резко критически отзывается о романе Тургенева «Отцы и дети»

(с. 148), но ничего не говорит о «Дворянском гнезде». Самое удивительное, что писательница молчит о таких великих русских романах, как «Война и мир» и «Анна Каренина», или о «Соборянах» Лескова. Я уже не говорю о произведениях Достоевского, душу которого она сравнила с вороной, клюющей всякую падаль (с. 161). Это в целом соответствует позиции ее друга-славянофила Ивана Аксакова. Данное обстоятельство уже отмечалось исследователями: «<...> многие произведения русской литературы, появлявшиеся в 1860–1870-х годах, не получали оценки в аксаковских изданиях, оставались без пусты и неоднозначной, но всегда самобытной славянофильской характеристики»¹. Правда, отношение к произведениям и личности Кохановской со стороны выдающихся русских романистов – Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова, как показывает О. Л. Фетисенко, тоже было неоднозначным, если не сказать более.

У Кохановской выработалось свое представление о том, какой должна быть литература, и это представление она со свойственным ей упорством и самостоятельностью воплощала в собственной художественной практике. Как и следовало ожидать, О. Л. Фетисенко много внимания уделяет анализу своеобразного стиля Кохановской, демонстрируя его связь с фольклорной поэтикой, традициями древнерусской литературы, его, если так можно выразиться, живую «неправильность», «густоту» и «весомость» (в этом проявляется его родственность с манерой земляка Гоголя). О. Л. Фетисенко помогает понять, что «анахронизм», «причудливость» сти-

ля Кохановской, отторгаемые современной ей литературой, заключали в себе историческую перспективность, о чем свидетельствуют приводимые в книге сопоставления с Андреем Белым и Вячеславом Ивановым.

Жанр рецензии предполагает выявление не только достоинств, но и недостатков. Честно говоря, я их в работе не обнаружил. Вот, пожалуй, единственное замечание, которое у меня возникло. На с. 197 читаем справку: «“Компанейцами” называли получивших дворянство солдат “лейб-компании”, грендерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, приведшей в 1741 г. на трон императрицу Елизавету Петровну». Мне кажется, «компанейцы» существовали на Украине задолго до указанного события, а именно в XVI–XVIII столетиях: так называли солдат и офицеров легких кавалерийских полков, формировавшихся из добровольцев. О герое повести Гоголя «Старосветские помещики» говорится: «Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после сеунд-майором, но это уже было очень давно...». Судя по тексту повести, вряд ли он родился до 1741 года.

Подводя итоги, отмечу, что монография О. Л. Фетисенко является замечательным образцом современного литературоведения, сочетающего в себе строгую научность, идеологическую насыщенность, тонкий анализ художественного текста, умение учитывать исторический контекст. Остается только поблагодарить исследовательницу за проделанную работу и пожелать ей новых творческих успехов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 44.

Поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 25.02.2022

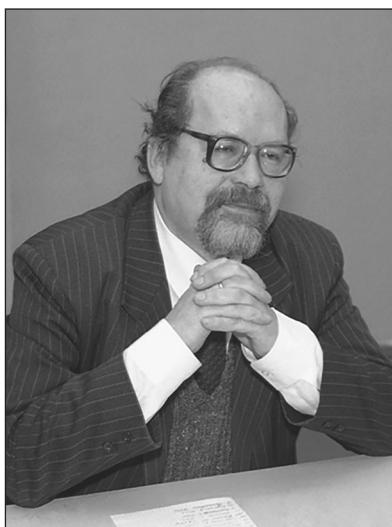
Review

Andrey E. Kunilsky, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
aek31@mail.ru

The book review: Fetisenko, O. L. Kokhanovskaya: “Steppe flower” of Russian literature: Texts and contexts of N. S. Sokhanskaya. St. Petersburg, 2021. 424 p.

For citation: Kunilsky, A. E. The book review: Fetisenko, O. L. Kokhanovskaya: “Steppe flower” of Russian literature: Texts and contexts of N. S. Sokhanskaya. St. Petersburg, 2021. 424 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.753

Received: 14 February, 2022; accepted: 25 February, 2022

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕЁЛОВ

(24.03.1947 – 05.07.2014)

К 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Республики Карелия, почетного работника высшего профессионального образования России, профессора кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета Петрозаводского государственного университета

Е. М. Неёлов родился в г. Лодейное Поле Ленинградской области, где прошли его детство и школьные годы. В 1965 году он поступил на филологическое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского университета. В студенческие годы занимался литературоведением, читал лекции в клубе старшеклассников и в школах Петрозаводска. После окончания университета с красным дипломом Евгений Михайлович поступил в целевую аспирантуру ПетрГУ. Его научным руководителем была доктор филологических наук, профессор ПетрГУ Ирина Петровна Лупанова.

После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации Е. М. Неёлов был направлен в г. Семипалатинск, где работал преподавателем в пединституте. В 1985 году он вернулся в Петрозаводский университет и работал на кафедре русской и зарубежной литературы: читал лекции по истории древнерусской литературы, устному народному творчеству, спецкурсы по научной фантастике, руководил дипломными работами и фольклорной практикой студентов. Евгений

Михайлович продолжил изучение проблем волшебного и фантастического в современной литературной сказке, поэтики детской литературы. Итогом работы ученого стали монографии «Волшебно-сказочные корни научной фантастики» (1986), «Сказка, фантастика, современность» (1987), ряд статей в сборниках «Проблемы детской литературы», «Жанр и композиция литературного произведения» и др.

В 1988 году Е. М. Неёлов защитил докторскую диссертацию в Ленинградском университете. В последующие годы он продолжил изучение русской советской и зарубежной литературы, готовил к защите своих аспирантов. В течение многих лет был заместителем декана по научной работе.

Отличительными чертами Евгения Михайловича были его добродорядочность по отношению к студентам, коллегам по работе, его умение дружить и стремление помочь. Евгений Михайлович был преданным семьянином, любящим мужем, добрым отцом и дедушкой.

А. О. Лопуха, канд. филол. наук, доцент

ИНТЕРВЬЮ с Е. М. НЕЁЛОВЫМ

1. Евгений Неёлов: «Фантастика – родная дочка народной сказки» / Беседу вела Т. Спектор // Лицей. 1994. № 9 (окт.). С. 10.
2. На золотом крыльце сидели // Лицей. 1995. № 7 (авг.). Детская страница. Вып. 2. С. 16.
3. Сказки для взрослых / П. Сузи // Северный курьер. 1996. 21 февр. С. 3.
4. Поэт в России больше чем поэт? О злободневности этой фразы размышляет Евгений Неёлов / Вел интервью А. Жуков // Петрозаводск. 2000. 15 дек. С. 15.
5. Завещание Мастера и Маргариты / Беседовал А. Жуков // Северный курьер. 2000. 16 февр. С. 4.
6. Круг чтения / Беседу вела О. Левина // Петрозаводский университет. 2001. 30 марта. С. 6.
7. Что за прелест эти сказки. Сказочные откровения профессора Неёлова / Текст О. Анхимова // Столица. 2002. 13 июня. С. 28–29.

8. Это фантастика! Как сбежать из тюрьмы собственных проблем. О любви к сказкам и мистике вокруг нас / Н. Витива // Губернія. 2004. 14–20 июля. С. 12.
9. Глазами читателя XXI века / Беседу вела В. Богданова; Фот. В. Богдановой // Карелия. 2006. 24 янв. С. 5.
10. Между прошлым и будущим / Беседовала А. Бойцева // Лицей. 2006. № 4 (апрель). С. 19–20.
11. Сказки профессора Нёлова: Интервью после юбилея / Беседовал благодарный ученик Е. Белянчиков // ТВР-панорама. 2007. 28 марта. С. 10.
12. «Из Нью-Йорка – на Марс!» / А. Гриневич; Фот. В. Григорьева, Н. Кутькова // Петрозаводск. 2007. 29 марта. С. 11.
13. За что так любят английского волшебника? Гарри Поттер – брат Иванушки-дурачка / Л. Панасюк // Аргументы и факты. Карелия. 2007. 24–31 окт. С. 16.
14. Евгений Нёлов: «Сказка – это архисерьезно» / Н. Турчинская // «Вести – Карелия. События недели». Петрозаводск, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=4153>.
15. Профессор ПетрГУ Евгений Нёлов: «Как может нравиться реальный мир человеку, который любит фантастику?» / А. Константинова // Карельская губерния. 2010. 4 авг. – 8 авг. С. 21.
16. Евгений Нёлов: «Если встречу черную кошку, назад не поверну» / Беседу записал К. Амозов. Петрозаводск, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gazeta-licey.ru/educ/school/3809-evgenij-neyolov-esli-vstrechu-chyornuuyu-koshku-nazad-ne-povernu>

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ Е. М. НЕЁЛОВА

Монографии

1. Волшебно-сказочные корни научной фантастики / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 200 с.
2. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 124 с.
3. Сказка и литература: судьба царевны-лягушки. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 130 с.
4. Русская фантастика: нерешенные проблемы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 71 с. Соавт.: Струкова А. Е.

Учебные издания / учебные пособия

1. Фольклорная волшебная сказка и научная фантастика (анализ художественного текста): Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1986. 104 с.
2. Натурфилософия русской волшебной сказки: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1989. 87 с.
3. Современный школьный фольклор: Пособие-хрестоматия. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. 115 с. Соавт.: Лойтер С. М.
4. Фольклорный интертекст русской фантастики: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philolog.petrsu.ru/filolog/uchebnik.pdf>
5. Русская фантастика: проблемы истории и теории: Учеб. пособие для студентов филол. факультетов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 50 с. Соавт.: Струкова А. Е.
6. Русская фантастика: проблемы истории и теории: Учеб. пособие для студентов филол. факультетов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 50 с. Соавт.: Струкова А. Е.

Статьи

1. Еще раз о жанровой специфике фантастической литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 1 (91). С. 100–105.
2. Рассказ А. С. Грина «Крысололов» и городская фэнтези // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2009. С. 146–153.
3. Традиции школы профессора И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 5 (110). С. 55–57. Соавт.: Колесова Л. Н.
4. Христианская традиция в русской фантастической литературе XX – начала XXI века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2011. Вып. 9: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. С. 379–388.
5. Об одной из идей С. М. Лойтер: игра в страну-мечту и фэнтези // «Мудрости бо ти имя подадеся...»: Сб. ст. к юбилею проф. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 2011. С. 232–236.
6. Христианские традиции в русской фантастической литературе XX – начала XXI века (статья 2) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2012. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. С. 351–359.
7. «Есть вещи, более сильные, чем деньги» (об одной из идей И. П. Лупановой: попытка комментария) // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2012. С. 8–17.
8. Следы «Крысололова» А. С. Грина (рассказ В. Рыбакова «Носитель культуры») // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2012. С. 8–17.
9. Сказка – ложь? // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4: Поэтика фантастического [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429105156.pdf

8–9 октября 2021 года на базе Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного университета прошла VI Международная научная конференция памяти профессора Т. Г. Мальчуковой «Россия и Греция: диалоги культур».

Организатор мероприятия – кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ. На открытии конференции, посвященной тысячелетнему взаимодействию культур России и Греции, выступили с приветственными словами О. Г. Абрамова, директор Института филологии ПетрГУ, О. Д. Александрову, председатель Отделения русской филологии и славяноведения Афинского государственного университета им. И. Каподистрии, Н. Евсценко, помощник по вопросам культуры Генерального консула Греции в Санкт-Петербурге, М. Е. Мазманова, представитель греческой диаспоры г. Петрозаводска.

О. Г. Абрамова отметила ценность проводимого в непростых условиях научного мероприятия, подчеркнув важность международного сотрудничества. О. Д. Александрову выразила особые надежды на расширение научного диалога России и греческого мира, в частности межвузовского сотрудничества, которое успешно и увлекательно развивается с кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ. Она упомянула о бесценном вкладе в развитие связей двух вузов Т. С. Борисовой и Е. П. Литинской. От лица Генерального консула г. С. Вулгариса с началом конференции поздравила Н. Евсценко, высоко оценив деятельность профессора Т. Г. Мальчуковой, «уникального человека, имя которой приравнивается к греческим штудиям г. Петрозаводска». Н. Евсценко указала на актуальность темы проводимого мероприятия: «Мы наблюдаем такой большой и неподдельный интерес к отношениям между Грецией и Россией, отношениям, которые уходят в глубь

веков, имея столь много точек соприкосновения». Как известно, 2019 год был объявлен Переястным годом литератур России и Греции, а 2021 – Переястный год истории двух стран. М. Е. Мазманова заверила в поддержке совместных проектов греческой диаспоры г. Петрозаводска и неоэллинистов ПетрГУ.

Для Греции 2021 год юбилейный – 200-летие начала борьбы за независимость. В 2021 году отмечается 200 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского. Проведение конференции совпало со значимыми для двух стран событиями, которые отразились и на тематике выступлений ученых из Петрозаводска, Москвы, Афин, Саратова, Симферополя, представивших доклады по истории, литературе, культуре, переводоведению.

В рамках конференции состоялась презентация коллективной монографии «Достоевский и античность», посвященной Учителю и Наставнику Татьяне Георгиевне Мальчуковой. Авторами исследования выступили и ученые из Петрозаводска: А. Ю. Нилова, А. А. Скоропадская, Е. Л. Смирнова, Е. С. Куйкина, Е. К. Агапитова, И. О. Манина, Е. П. Литинская.

Организаторы и участники мероприятия выразили надежду на продолжение научной дискуссии в рамках VII Международной конференции «Россия и Греция: диалоги культур», проведение которой запланировано на октябрь 2023 года.

В данном номере публикуются некоторые статьи участников конференции.

Е. П. Литинская,
канд. филол. наук, доцент кафедры
классической филологии, русской литературы
и журналистики ПетрГУ
litgenia@yandex.ru

Eugenia P. Litinskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
litgenia@yandex.ru

On October 8–9, 2021, the Humanitarian Innovation Park of Petrozavodsk State University hosted the VI International Research Conference in Memory of Professor T. G. Malchukova “Russia and Greece: Dialogues of Cultures”.

CONTENTS

Editorial note	7
-----------------------------	---

LINGUISTICS

<i>Butseva T. N., Zelenin A. V.</i>	
SOME PROBLEMS OF DESCRIBING LANGUAGE COMPOSITES AND THEIR INITIAL COMPONENTS IN EXPLANATORY LEXICOGRAPHY.....	8

<i>Lelis E. I.</i>	
POETICS OF LOVE (LINGUO-POETIC INTERPRETATION OF DINA RUBINA'S SHORT STORY "AREA OF BLINDING LIGHT").....	23

<i>Gubanov S. A.</i>	
EPITHET WORDS IN MARINA TSVETAEVA'S TEXTS: FORMING AND FUNCTIONING.....	29

<i>Mukhina E. A.</i>	
THE CONCEPT OF ENEMY IN SPIRITUAL VERSES.....	34

<i>Rozhkova A. V.</i>	
INTERROGATIVE AND EXCLAMATORY SENTENCES IN THE ODES OF IVAN DMITRIEV: STRUCTURAL-TYPOLOGICAL AND RHETORICAL ASPECTS.....	40

<i>Bezukladnikova S. S.</i>	
LESSON SYNOPSIS: GENRE FEATURES (ANALYSIS OF LESSON SYNOPSIS FROM THE SCHOOL OF DIGITAL TECHNOLOGIES NETWORK)	48

LITERARY STUDIES

<i>Kapustkina O. D., Tsvetkov Yu. L.</i>	
THE CHRONOTOPE IN STEPHEN KING'S <i>IT</i> AND THE ROLE OF METATEXT IN THE FIRST PART OF THE NOVEL.....	58

VI INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE IN MEMORY OF PROFESSOR TATIANA MALCHUKOVA "RUSSIA AND GREECE: DIALOGUES OF CULTURES"

Borisova T. S.

CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE GREEK SERVICE DEDICATED TO THE KYIVAN CAVES SAINTS BY MELETIOS SYRIGOS BASED ON THE MANUSCRIPT SOURCE OF THE XVII CENTURY	67
--	----

Danilina N. I.

LATIN WORDS WITH THE MEANING OF INSANITY: DISTINGUISHING SYNONYMS....	73
---	----

Yastrebov A. O.

UPDATES TO THE BIOGRAPHY OF APOSTOLOS TSIGARAS.....	79
---	----

Zabudskaya Ya. L.

ANCIENT GREEK TRAGEDY AND MODERN LITERARY PROCESS	89
---	----

Prikhodko E. V.

HOW ALPHABETICAL ORACLE TRANSFORMED TOMB VESTIBULES INTO SANCTUARIES.....	97
---	----

Mareeva Yu. A.

ADVERBS AS WORD CLASS CATEGORY IN MODERN GREEK LANGUAGE.....	104
--	-----

Reviews

Kunilsky A. E.

The book review: Fetisenko, O. L. Kokhanovskaya: "Steppe flower" of Russian literature: Texts and contexts of N. S. Sokhanskaya.....	112
--	-----

Memory

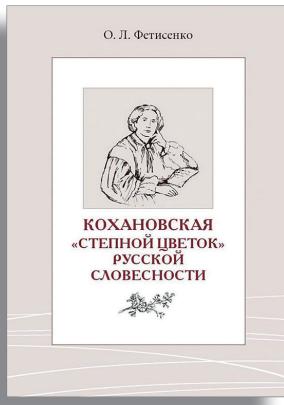
Lopuha A. O.

Celebrating the 75th birthday anniversary of E. M. Neyolov	115
--	-----

Scientific information

Litinskaya E. P.

VI International Research Conference in Memory of Professor Tatiana Malchukova "Russia and Greece: Dialogues of Cultures".....	117
--	-----

О. Л. Фетисенко

КОХАНОВСКАЯ: «СТЕПНОЙ ЦВЕТОК» РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Книга посвящена литературному и эпистолярному наследию Надежды Степановны Соханской (1823–1884), известной под псевдонимом «Кохановская». Ее повести «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов», «Гайка» были высоко оценены крупнейшими русскими писателями и критиками. В ее творчестве семья Аксаковых, А. С. Хомяков и другие славянофильские деятели увидели ответ своим ожиданиям – явление писателя с «положительным» отношением к жизни, пониманием творчества как служения и непоказанной любовью к России. В книге рассматривается несколько ключевых эпизодов литературного пути Кохановской: ее ученичество у П. А. Плетнева, сотрудничество в славянофильских изданиях и в сборнике «Воронежская беседа», личные взаимоотношения и творческие диалоги с писателями-классиками, а также дается представление о главных темах ее художественного творчества и публистики. В научный оборот впервые вводится множество неопубликованных архивных документов.

Фетисенко О. Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2021. – 424 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

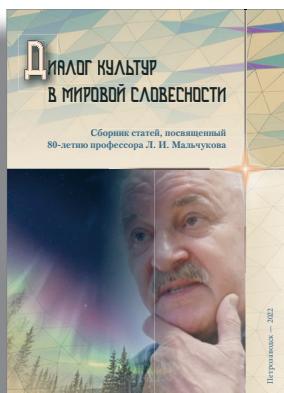

РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР

В сборник, посвященный памяти доктора филологических наук, профессора Татьяны Георгиевны Мальчуковой, вошли статьи по актуальным для современной гуманитарной науки вопросам тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции. В публикуемых материалах рассматриваются различные аспекты классической филологии, византистики, неоэллинистики, а также рецепции греческой темы в русской литературе и культуре. Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

Россия и Греция: диалоги культур: материалы VI Международной конференции. Сборник научных статей. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2022. – В печати.

В данном номере публикуются избранные статьи участников конференции

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МИРОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Издание посвящено 80-летию основателя и первого заведующего кафедрой германской филологии, профессора, доктора филологических наук Льва Ивановича Мальчукова. Сборник объединяет научные исследования в области зарубежного литературоведения (в том числе компаративистики), лингвистики, культурологии преподавателей кафедры германской филологии и скандинавистики ПетрГУ и обучающихся магистратуры и бакалавриата Института филологии.

Книга адресована широкой профессиональной аудитории.

Диалог культур в мировой словесности : сборник статей, посвященный 80-летию профессора Л. И. Мальчукова / отв. ред. : Н. Г. Шарапенкова, И. В. Чепурин ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2022. – 136 с.

Е. М. Неёлов

СКАЗКА, ФАНТАСТИКА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Книга посвящена судьбе народной сказки в сложном мире литературы. На материале фольклора, прежде всего русского сказочного фольклора Карелии, а также литературной сказки и научной фантастики показываются различные, подчас неожиданные пути, по которым проходит развитие сказочных жанров в литературе, анализируются черты народной сказки в современных, даже связанных с научно-технической революцией явлениях культуры.

Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 126 с.